

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Палчаева Наима Абдул-Керимовна

**Правовое регулирование предпринимательской деятельности
с использованием цифровых платформы**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор Харитоновна
Юлия Сергеевна

Москва – 2026

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Понятие и общая характеристика цифровых платформ в предпринимательской деятельности	18
§1. Генезис правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ.....	18
§2. Понятие цифровой платформы.....	46
§3. Классификация видов цифровых платформ.....	69
Глава 2. Структура предпринимательских отношений с использованием цифровых платформ.....	81
§1. Правовой режим цифровой платформы в предпринимательской деятельности.....	81
§2. Субъекты предпринимательских отношений с использованием цифровых платформ	107
§3. Система договоров в предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ.....	122
Глава 3. Защита прав субъектов предпринимательских отношений с использованием цифровых платформ	144
§1. Способы и формы защиты прав пользователей-потребителей цифровых платформ	144
§2. Правовая защита от нарушений антимонопольного законодательства ...	160
§3. Защита прав пользователей-поставщиков товаров и услуг на цифровых платформах	177
Заключение.....	189
Библиографический список.....	196

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования.

Трансформация общественных отношений в условиях цифровизации экономики и появление новых форм бизнеса с использованием цифровых платформ требуют модернизации правового регулирования предпринимательской деятельности. Для обеспечения развития предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ перед правом стоит задача создания нового и обновления уже существующего правового регулирования, которое не будет сдерживать развитие цифровых технологий, используемых в предпринимательской деятельности.

Количество пользователей Интернета и, соответственно, пользователей цифровых ресурсов растет с каждым годом и по состоянию на 2025 год их число достигает 5,56 миллиарда пользователей по всему миру¹. Статистические данные подтверждают тезис о том, что роль цифровой экономики для каждого государства возрастает и она является одной из приоритетных сфер развития и в России². Об актуальности исследования вопросов правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ свидетельствует и принятый в июле 2025 года новый Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»³, определяющий платформенную экономику как новый вид экономики и формирует ряд целей и задач для ее развития, которое

¹Number of internet and social media users worldwide as of February 2025 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/> (дата обращения: 25.06.2025).

²Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // СЗ РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901; Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415258/scd_10112017_12 (дата обращения: 25.06.2025).

³Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ "Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации" (документ не вступил в силу) // СЗ РФ. 4.08.2025 г. № 31. Ст. 4643.

невозможно без выделения ее особенностей и учета этих особенностей при формировании правового регулирования.

Использование цифровых платформ приводит к установлению дополнительных требований к субъектам, осуществляющим предпринимательскую деятельность с использованием цифровых платформ (в частности, к владельцу и оператору цифровой платформы), а также к возникновению новых сложных объектов предпринимательских отношений (цифровых платформ), для которых необходимо выработать правовой режим. Недостаточно исследованными остаются вопросы, связанные с определением правовой природы договоров, заключаемых с пользователями цифровой платформы, а также меры защиты всех категорий пользователей цифровых платформ. Перечисленные вопросы не нашли однозначных ответов в доктрине и практике, что обуславливает актуальность их рассмотрения в рамках настоящего исследования.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Проблематика различных аспектов правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ в некоторой степени выступала объектом исследований.

Общие проблемы определения роли цифровых платформ в экономике и ее отдельных отраслях рассматривались современными отечественными исследователями, среди которых Р.В. Амелин⁴, Е.П. Губин⁵, В.А. Вайпан⁶,

⁴Амелин Р.В. Правовое регулирование общественных отношений в сфере информационных систем: цивилистический и информационно-правовой подходы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12. С. 68 – 77.

⁵Губин Е. П., Харитонов Ю. С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8(340). С. 5 – 13.

⁶Правовое регулирование цифровой экономики: история, теория, практика. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2019. – 376 с.

А.В. Габов⁷, С.Ю. Кашкин⁸, Ю.Г. Лескова⁹, С.Ю. Филиппова¹⁰, Ю.С. Харитонов¹¹, С.Е. Чаннов¹², которые в своих исследованиях предлагают определения цифровой платформы, соотносят категории «цифровой платформы» и «информационной системы» и отмечают значимость правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ.

Отдельные вопросы, связанные с классификацией цифровых платформ, представляют сферу интересов таких отечественных исследователей, как А.В. Бабкин¹³, А.А. Карцхия¹⁴, М.В. Рыжкова¹⁵, которые предлагают авторские классификации видов цифровых платформ по разным критериям. Исследование проблематики определения правового статуса участников отношений, возникающих при использовании цифровых платформ, осуществлялось А.И. Савельевым¹⁶ и Е.Б. Подузовым¹⁷, рассматривающими в своих исследованиях статус оператора платформы и определяющие его как посредника в отношениях между пользователями цифровой платформы. Вопросы ответственности владельцев цифровых платформ являлись предметом исследований Е.А. Абросимовой¹⁸ и Э.Л. Сидоренко¹⁹, которые

⁷Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13 – 82.

⁸Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Алтухов А.В. Основы платформенного и экосистемного права: учебное пособие /отв. ред. С.Ю. Кашкин. – Москва: РУСАЙНС, 2024. – 112 с.

⁹Лескова Ю.Г. Применение информационных (цифровых) технологий в саморегулировании как условие развития строительной отрасли и правового регулирования // Гражданское право. 2018. № 5. С. 9 – 11.

¹⁰Филиппова С. Ю., Харитонов Ю. С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение. 2025. Т.69. № 1. С. 58 – 75.

¹¹Харитонов Ю.С. Обычай в регулировании отношений с использованием цифровых платформ // Право и Бизнес. 2024. № 2. С. 2 – 9.

¹²Чанов С.Е. Использование цифровых технологий в сфере публичного управления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21. № 4. С. 419 – 428.

¹³Бабкин А.В., Михайлов П.А. Цифровые платформы в экономике: понятие, сущность, классификация // Вестник Академии знаний. 2023. № 54 (1). С. 25 – 36.

¹⁴Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25 – 28.

¹⁵Рыжкова М.В. Концептуализация феномена «цифровая платформа»: рынок или бизнес? // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 47. С.48 – 66.

¹⁶Савельев, А. И. Критерии наличия действительного и предполагаемого знания как условия привлечения к ответственности информационного посредника // Закон. 2015. № 11. С. 48 – 60.

¹⁷Подузова, Е. Б. Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2 (123). С. 55 – 60.

¹⁸Абросимова Е. А. К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8. № 2. С. 231 – 240.

¹⁹Сидоренко Э. Л. Защита прав пользователей цифровых платформ: основные подходы // Мировой судья. 2023. № 1. С. 21 – 24.

отмечают, что ограниченная законодателем ответственность владельцев ведет к злоупотреблениям и необходимо расширять перечень оснований или выводить новые критерии для наступления такой ответственности.

Проблематика, связанная с определением правовой природы договоров, заключаемых оператором цифровой платформы с пользователями, является предметом исследований современных авторов, среди которых И.З. Аюшеева²⁰, В.Н. Глонина²¹, М.А. Рожкова²² и Н.В. Щербак²³. В своих работах перечисленные авторы рассматривают особенности соотношения лицензионного договора, заключаемого при использовании цифровой платформы с пользовательским соглашением.

Теоретический анализ правовых аспектов, связанных со злоупотреблением доминирующим положением субъектами предпринимательской деятельности при использовании цифровых платформ, система мер защиты от нарушений норм антимонопольного законодательства, а также авторское определение цифровой платформы как единого имущественного объекта были раскрыты в диссертационном исследовании Л.А. Ханчукаевой «Злоупотребление субъектами предпринимательской деятельности доминирующим положением с использованием цифровых платформ: правовые аспекты» (Москва, МГУ, 2025).

Отдельные вопросы, связанные с договорными отношениями, возникающими при использовании цифровой платформы, в частности, проблематика определения правовой природы договора, заключаемого оператором с пользователем, была исследована в диссертации Е.Д. Ворниковой «Правовое регулирование внешней торговли услугами в цифровой экономике» (Москва, МГУ, 2023). Вместе с тем, предложенное

²⁰Аюшеева И.З. Виртуальные сообщества: проблемы определения гражданско-правового статуса // Закон. 2022. № 6. С. 56 – 65.

²¹Глонина В.Н. Не все то лицензия, что ею зовется: проблемные аспекты правового регулирования отношений между пользователями и цифровыми сервисами // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 43 – 53.

²²Рожкова М.А. О различиях между лицензионным договором и пользовательским соглашением // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4(46). С. 121 – 133.

²³Щербак Н.В. Лицензионный договор как основная модель функционирования цифровых платформ // Законодательство. 2025. № 6. С. 26 – 35.

автором определение правовой природы пользовательского соглашения как договора возмездного оказания услуг, требует переосмысления в условиях динамичного развития предпринимательских отношений в цифровой среде.

Все исследования перечисленных авторов были сделаны до принятия нового Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» и раскрывали отдельные вопросы исследуемой проблематики, а комплексные исследования теоретико-практического характера, в которых рассматривались бы все аспекты правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ, отсутствуют. За рамками большинства исследований остались вопросы определения правового режима цифровой платформы как сложного объекта и выявления особенностей соотношения правовых статусов владельца и оператора цифровой платформы.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили работы российских дореволюционных, советских и современных ученых в области права и экономики, а также иностранных специалистов как по общеправовым, так и по специальным вопросам объекта диссертационного исследования.

К авторам работ по вопросам, посвященным объекту права и его правовому режиму, на основании которых рассмотрены их особенности в новых условиях, относятся такие советские исследователи, как М.М. Агарков, А.В. Венедиктов, С.С. Алексеев и другие. Фундаментальные основы в теории правовой природы гражданско-правовых договоров были заложены исследованиями ученых-правоведов, среди которых Ю.С. Гамбаров, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Е. А. Суханов и другие авторы.

Авторами исследований отдельных правовых аспектов регулирования цифровой экономики и составляющих ее институтов являются В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.А. Громова, М.А. Егорова, А.А. Карцхия, В.Ф. Попондопуло,

А.И. Савельев, С.Ю. Филиппова, Ю.С. Харитонова, Н.В. Щербак и другие авторы.

Общая проблематика антимонопольного регулирования и особенностей защиты конкуренции на рынках, функционирующих с использованием цифровых платформ, были предметом исследований отечественных авторов, среди которых А.О. Маслов, С.А. Паращук, С.А. Пузыревский и другие.

В числе иностранных исследователей можно выделить O. Awli, M.W.V. Alstyne, R. Botsman, K. J. Boudreau, C. Y. Cho, M. Cini, P. Czulno, D.S. Evans, H. Feld, A. Gawer, Y. Huang, M. Kenney, K. R. Lakhani, Y.-W. Lei, L. Lessig, F. M. Martin, S. McKnight, M. Müller, M. Pagani, G.G. Parker, J.-C. Rochet, R. Rogers, T. R. Samples, P. P. Swire, J. Tirole, P. Timmers, A. Tiwana и других авторов.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие при осуществлении предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ.

Предметом диссертационного исследования являются нормы российского и зарубежного права, определяющие правовое регулирование предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ; российская и зарубежная правоприменительная практика, научные исследования, идеи и концепции отечественных и иностранных специалистов в области права и экономики.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке теоретических положений, касающихся правовых аспектов использования цифровых платформ в предпринимательской деятельности и обоснование предложений для разрешения выявленных проблем правового регулирования в обозначенной сфере.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи диссертационного исследования**:

- выявить генезис правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ;

- определить основные подходы к формированию правового регулирования в области осуществления предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ;
- определить правовой режим цифровой платформы в предпринимательской деятельности;
- выявить критерии классификации цифровых платформ, которые имеют правовое значение и порождают правовые последствия;
- определить правовые статусы владельца и оператора цифровой платформы;
- выявить особенности договорных отношений, возникающих в связи с использованием цифровой платформы;
- определить способы обеспечения защиты прав и законных интересов всех категорий пользователей цифровой платформы;
- выявить специфику проявления сетевых эффектов в предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ.

Нормативная основа исследования образована положениями российского законодательства (в том числе Конституцией РФ, Гражданским Кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ)) федеральными законами (в том числе Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации») и подзаконными нормативными актами. Кроме того, в предмет исследования вошли нормативные правовые акты иностранных государств и содружеств, а также акты международного законодательства, в том числе Евразийского экономического союза.

Эмпирическую основу исследования составили материалы правоприменительной практики судов и антимонопольных органов России и иностранных государств по вопросам, возникающим в связи с осуществлением предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ, в том числе связанные с квалификацией договоров, заключаемых при использовании платформ и с определением пределов

ответственности владельцев и операторов цифровых платформ. А также материалы статистических и аналитических исследований, проведенных в России и за рубежом, акты толкования, акты консультативного или рекомендательного характера различных государственных органов, которые затрагивают вопросы, относящиеся к предмету настоящего исследования.

Методологическая основа исследования включает в себя общие принципы, подходы и методы, относящиеся к методологическому аппарату юридической науки. В их числе – система общенаучных методов (к которым относятся исторический, системный, формально-логический методы, а также диалектический метод и составляющие его методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также методы аналогии, описания и абстрагирования). К числу частнонаучных или специально-научных методов исследования относятся формально-юридический, сравнительно-правовой, структурно-функциональный методы, а также метод толкования норм.

Использование общенаучных методов позволило определить содержание понятия «цифровая платформа», выявить ключевые признаки и элементы в ее структуре. Для выработки позиции о правовом режиме цифровой платформы как сложного объекта предпринимательских отношений были использованы методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, аналогии, индукции и дедукции.

Использование структурно-функционального метода в рамках настоящего исследования позволило изучить структуру предпринимательских отношений, возникающих при использовании цифровых платформ, проанализировать изменения в правовом регулировании деятельности субъектов этих отношений через призму развития данного вида предпринимательских отношений и выявить проблемы регулирования обозначенных отношений для их дальнейшего разрешения.

Сочетание исторического и сравнительно-правового методов позволило выявить генезис правового регулирования предпринимательской

деятельности с использованием цифровых платформ и охарактеризовать основные этапы развития этого регулирования в мире.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе сформулирована теоретическая основа, касающаяся правовых аспектов использования цифровых платформ в предпринимательской деятельности, в том числе определено, что использование цифровой платформы является особым способом осуществления предпринимательской деятельности, требующим специального регулирования. Определен правовой режим цифровой платформы как объекта инфраструктуры для осуществления предпринимательской деятельности, который в то же время является объектом интеллектуальных прав. Определен состав сложного объекта интеллектуальных прав – цифровой платформы, из понятия которой автором исключены права на вещи и иные имущественные права, кроме прав на интеллектуальную собственность. Определен правовой статус всех участников имущественного оборота, осуществляющих предпринимательскую деятельность с использованием цифровой платформы. Автором дана квалификация договорных конструкций, применимых в предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ. На основе результатов исследования сформулированы положения на защиту.

Теоретические выводы по результатам исследования (положения, выносимые на защиту):

1. Использование цифровых платформ является особым способом осуществления предпринимательской деятельности, которая осуществляется при участии трех категорий субъектов: 1) владельца цифровой платформы, который получает вознаграждение за организацию среды взаимодействия для совершения сделок; 2) оператора цифровой платформы, который получает вознаграждение за оказание услуг по обслуживанию пользователей и сопровождению процесса заключения сделок между ними; 3) пользователей-поставщиков, которые систематически получают прибыль за счет реализации

своих товаров (услуг или работ) путем использования технологической инфраструктуры цифровой платформы.

2. Цифровая платформа является сложным объектом интеллектуальных прав, которая состоит из совокупности охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. Все объекты, формирующие цифровую платформу, в зависимости от их значимости для функционирования цифровой платформы могут быть разделены на основные, факультативные и обеспечительно-инфраструктуры. К основным объектам, имеющим конституирующее значения для цифровой платформы и формирующие ее как сложный объект, относятся: программа для ЭВМ, база данных и интернет-сайт. В качестве факультативных выделены: технологии искусственного интеллекта, включая алгоритмы рекомендательных систем, исключительные права на товарный знак и коммерческое обозначение и субъективные права на доменное имя. Группа обеспечительно-инфраструктурных элементов включает: технологии идентификации и верификации пользователей цифровой платформы и соответствующие цифровые идентификаторы пользователей. Установленные законом требования о наличии логистической и технической инфраструктуры для отдельных видов цифровых платформ не влияют на квалификацию платформы как сложного объекта.

3. Владельцу принадлежит исключительное право на цифровую платформу как на сложный объект, которое включает в себя право использования цифровой платформы как единого объекта, право распоряжения цифровой платформой, а также возможность установления запретов и разрешений на использование цифровой платформы. Исключительное право позволяет владельцу самостоятельно определять правила и порядок использования цифровой платформы, а также разрабатывать стандарты договоров, заключаемых с пользователями. Фактически владелец выполняет функцию организатора отношений, складывающихся в результате взаимодействия неограниченного круга лиц посредством цифровой платформы. Исходя из характера деятельности,

осуществляемой владельцем цифровой платформы (создание среды взаимодействия для совершения сделок между пользователями), он обязан обеспечить равный и беспрепятственный доступ неограниченному кругу лиц к платформе, а также соблюдать законность и безопасность совершаемых через цифровую платформу операций.

4. Несовпадение статусов владельца и оператора цифровой платформы в одном лице является презумпцией, исключения из которой могут быть прямо установлены в законе. Оператор цифровой платформы обеспечивает текущую деятельность на цифровой платформе, путем заключения договоров с пользователями, обработки обращений и поддержания бесперебойной работы цифровой платформы. При заключении договора к оператору не переходит исключительное право владельца на цифровую платформу как на сложный объект. Оператор цифровой платформы одновременно является оператором персональных данных и обязан зарегистрироваться в реестре операторов обработки персональных данных, а также выполнять иные обязанности, возлагаемые на операторов персональных данных.

5. Владелец цифровой платформы несет внедоговорную ответственность перед пользователями, с которыми он не связан договорными отношениями, в случаях, когда результат работы алгоритма цифровой платформы формирует у добросовестного пользователя мнение, что услуга оказывается или товар реализуется владельцем цифровой платформы. Определение размера убытков, подлежащих возмещению со стороны владельца цифровой платформы, должно происходить с использованием критерия «степени участия владельца» в процессе совершения сделок с пользователями цифровой платформы. Генеральный деликт применяется в отсутствие прямого указания в законе с учетом распределения прав и обязанностей между владельцем и оператором цифровой платформы. Участие владельца в совершении сделки на цифровой платформе может выражаться в одном из следующих действий: 1) владелец поддерживает онлайн-рынок; 2)

осуществляет хранение и доставку товаров; 3) обеспечивает осуществление платежей и возврат денежных средств на платформе; 4) формирует систему обработки обращений пользователей по вопросам, связанным с характеристиками товаров (услуг или работ), реализуемых через платформу.

6. Для установления требований к пользователям и формирования системы прав и обязанностей целесообразно разделить пользователей цифровых платформ на две категории: 1) пользователи, регистрирующиеся на платформе с целью осуществления предпринимательской деятельности посредством использования ее технологической инфраструктуры (поставщики) и 2) пользователи, регистрирующиеся на цифровой платформе для приобретения товаров (услуг) без цели осуществления предпринимательской деятельности с использованием этой платформы (потребители).

Пользователи-поставщики являются субъектами предпринимательской деятельности, зарегистрированные в таком статусе в соответствии с законом (в том числе самозанятые). За пользователем-поставщиком закрепляется широкий перечень прав, основными из которых являются право на использование технологической инфраструктуры платформы для осуществления предпринимательской деятельности, право на размещение информации о себе и реализуемых им товарах (услугах или работах), а также право на заключение договоров с пользователями-потребителями через цифровую платформу.

Пользователями-потребителями наряду с физическими лицами, могут выступать и юридические лица, индивидуальные предприниматели и самозанятые, которые регистрируются на цифровой платформе без цели осуществления предпринимательской деятельности с использованием этой платформы. Пользователь-потребитель имеет право приобретать товары (услуги или работы) через цифровую платформу, заключать договоры с любыми пользователями-поставщиками, а также знакомиться с информацией о продавце и реализуемых им товарах (услугах или работах).

7. Наличие двух категорий пользователей сформировало систему договоров, заключаемых при использовании цифровой платформы: 1) пользовательское соглашение, заключаемое оператором с пользователем-потребителем; 2) договор, опосредующий предпринимательскую деятельность, заключаемый оператором с пользователем-поставщиком. Оба договора имеют правовую природу смешанного договора, заключаемого между двумя сторонами, одна из которых является оператором цифровой платформы, а другая пользователем, об установлении гражданских прав и обязанностей при использовании цифровой платформы. Смешанная правовая природа договоров проявляется в наличии в его составе элементов договора оказания услуг и лицензионного договора, что обусловлено необходимостью предоставления доступа к цифровой платформе как сложному объекту для пользователей. По порядку заключения такие договоры являются публичными и договорами присоединения, что влияет на возможности защиты прав пользователей. Предметом таких договоров является оказание услуги по обеспечению доступа к цифровой платформе с возможностью извлечения полезных свойств платформы как сложного объекта. Основное различие двух договоров состоит в целях их заключения и объеме прав и обязанностей, возникающих у пользователя, с которым он заключен. У пользователя-поставщика, в соответствии с договором, опосредующим предпринимательскую деятельность, появляется право использовать технологическую инфраструктуру цифровой платформы, которая необходима для осуществления предпринимательской деятельности с использованием этой цифровой платформы.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в том, что диссертационное исследование содержит межотраслевой и целостный анализ сущности цифровых платформ применительно к использованию их в предпринимательской деятельности. Определен правовой режим цифровой платформы как сложного объекта интеллектуальных прав и выделены основные, имеющие правовое значение, критерии для их

классификации. По результатам изучения субъектного состава, возникающих отношений, определены особенности правовых статусов владельца, оператора и пользователей цифровой платформы. Определена правовая природа договоров, заключаемых оператором цифровой платформы с пользователями как разновидности смешанных договоров. Выводы и положения, сформулированные автором, могут служить основой для развития доктрин в области правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования сформулированных выводов и положений при совершенствовании российского законодательства в области правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ, а также для развития правоприменительной практики. Представленный в диссертационном исследовании материал может быть использован как в практической деятельности юриста, так и в преподавательской деятельности.

Степень достоверности результатов исследования подтверждается эмпирической базой, в том числе произведенным анализом отечественных и зарубежных нормативных правовых актов, правоприменительной практики и доктринальных источников, а также постановкой цели и задач исследования и избранной методологической основой исследования.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена и обсуждена на кафедре предпринимательского права Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Основные положения и выводы настоящего исследования отражены в четырех научных статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в Диссертационном совете МГУ по специальности. Апробация результатов исследования также осуществлена в двух докладах, обсужденных на следующих конференциях: III Межвузовская

научно-образовательная конференция «Новые вызовы и возможности частного права», Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России) (Москва, 14.04.2023), Научно-практическая конференция «Право и бизнес в изменяющемся мире», Псковский государственный университет (Псков, 2.06.2023).

Материалы исследования использованы автором в ходе педагогической практики по дисциплинам кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, при участии в круглых столах и конференциях.

Структура научной работы обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, содержащих в совокупности девять параграфов, заключения, библиографического списка.

Глава 1. Понятие и общая характеристика цифровых платформ в предпринимательской деятельности

§1. Генезис правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ

Появление информационно-коммуникационной сети Интернет в 1980-х годах ознаменовало новую эпоху в развитии предпринимательства во всем мире. Не ограничиваясь только возможностями бесперебойной связи, предприниматели начали использовать Интернет для развития своего бизнеса. Частный сектор стал активно разрабатывать продукты и услуги, предлагаемые через Интернет, что привело, в свою очередь, к возникновению первых цифровых платформ в 1990-х годах. П. Свайер отмечает, что Интернет создал новую среду для бизнеса, которая дает преимущества перед традиционным порядком осуществления предпринимательской деятельности, прежде всего, потому что стирает барьеры, препятствующие установлению контактов между покупателями и продавцами²⁴. Государственное регулирование в области онлайн-бизнеса в тот период было сосредоточено на урегулирование вопросов, связанных с обеспечением связи и защитой авторских прав в сети.

Так, в 90-е годы прошлого столетия Правительство Соединенных Штатов Америки (далее – США) разработало ряд политических принципов, которые закрепляли, что государство поддерживает бизнес в области разработки продуктов и услуг, предлагаемых через Интернет при условии ограниченного государственного надзора²⁵. В соответствии с этими принципами, которые были отражены в Программе Клинтона, Правительству США следовало воздерживаться от введения новых и ненужных правил в отношении коммерческой деятельности, осуществляемой через Интернет и

²⁴Swire P. P. Trustwarp: The Importance of Legal Rules to Electronic Commerce and Internet Privacy // Hastings L.J. 2003. № 54. P. 851.

²⁵Cho C. Y., Zhu L. Defining and Regulating Online Platforms // Congressional Research Service. 2023. P.1.

там, где необходимо вмешательство государства, его цель должна включать обеспечение конкуренции и защиту потребителей и их частной жизни. Правительство также должно адаптировать свою политику в соответствии с децентрализованным характером управления Интернетом по принципу «снизу вверх»²⁶. В Программе Клинтона отмечалось, что распространение Интернета было напрямую обусловлено инвестициями частных корпораций и чтобы сохранить приобретенную свободу, регулирующий «толчок» подается в виде простой идеи о том, что Интернет не должен регулироваться, а должен управляться рынком, и что рынки, а не правительства являются наиболее эффективными регуляторами. Отдельно отмечалась необходимость содействовать развитию электронной коммерции, которая обладает своими уникальными свойствами и не может быть полностью приспособлена к устаревшему режиму регулирования.

В этот период появляются первые цифровые платформы Amazon²⁷ (в 1994 году) и Ebay²⁸ (в 1995 году), которые использовали возможности сети Интернет для осуществления коммерческой деятельности и никакого специального правового регулирования для этого вида деятельности не было разработано. Основной акцент был сделан на урегулирование онлайн-среды в целом и первым нормативным правовым актом США в этой области можно назвать Закон о телекоммуникациях 1996 года (англ. The Telecommunications Act)²⁹, который внес поправки в Закон о связи 1934 года (англ. The Communications Act)³⁰, предоставив Федеральной комиссии по связи (англ. Federal Communications Commission (FCC)) четкие полномочия по

²⁶The Framework for Global Electronic Commerce. July 1997 [Электронный ресурс] // URL: <https://clintonwhitehouse4.archives.gov/WH/New/Commerce/read.html> (дата обращения: 11.09.2025).

²⁷The History of Amazon and its Rise to Success [Электронный ресурс] // URL: <https://sites.lsa.umich.edu/mje/2023/05/01/the-history-of-amazon-and-its-rise-to-success/> (дата обращения: 11.09.2025).

²⁸Our History [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ebayinc.com/company/our-history/#:~:text=AuctionWeb%20is%20Born,story%20was%20a%20fabricated%20one> (дата обращения: 11.09.2025).

²⁹The Telecommunications Act 1996 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/652> (дата обращения: 11.09.2025).

³⁰The Communications Act 1934 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fcc.gov/Reports/1934new.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).

регулированию компаний, предоставляющих доступ в Интернет. Закон о телекоммуникациях 1996 года был принят прежде всего с целью стимулировать конкуренцию и предотвратить рост естественных монополий на рынке компаний интернет-провайдеров³¹. Далее были приняты акты, которые касались безопасности и конфиденциальности при распространении информации в Интернете (например, The Communications Decency Act of 1995 (CDA)³²; The Children's Online Privacy Protection Act of 1998³³ и т.д.). Перечисленные законы устанавливали особые требования к поставщикам онлайн-услуг при сборе и обработке информации пользователей веб-сайтов. Важным шагом являлось принятие Закона об авторском праве в цифровую эпоху (англ. The Digital Millennium Copyright Act (DMCA))³⁴ в 1998 году, который ввел уголовную ответственность за обход технологических средств защиты произведений, защищенных авторским правом, тем самым ужесточая наказания за нарушение авторских прав в Интернете, а также включал положения, обеспечивающие защиту для поставщиков онлайн-услуг от ответственности за противоправные действия пользователей.

Аналогичный подход к регулированию, связанный с поддержкой интернет-компаний, был воспринят Китайской Народной Республикой (далее – Китай). В 1990-х годах в Китае начали появляться первые интернет-компании в виде стартапов и их развитие всячески поощрялось со стороны государства, так как китайское правительство видело в них потенциальную силу, способную конкурировать с американскими фирмами³⁵. Так, такой цифровой гигант мирового рынка Alibaba³⁶ был создан на волне поддержки

³¹Feld H. The Case for the Digital Platform Act: Market Structure and Regulation of Digital Platforms. – Roosevelt Institute. – 2019. – P. 62.

³²Communications Decency Act of 1995 – S.314 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/314/text> (дата обращения: 9.03.2025).

³³Children's Online Privacy Protection Act of 1998 – S.2326 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/senate-bill/2326> (дата обращения: 9.03.2025).

³⁴Digital Millennium Copyright Act – H.R. 2281 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/2281> (дата обращения: 9.03.2025).

³⁵Запьянцев А.А. Создание и регулирование цифровых платформ в Китае // Азия и Африка сегодня. 2024. № 4. С. 55.

³⁶Alibaba. Chinese company [Электронный ресурс] // URL: <https://www.britannica.com/money/Alibaba> (дата обращения: 9.03.2025).

инноваций и развития цифровой инфраструктуры в 1999 году, а позже в 2003 году они запустили Taobao³⁷, чтобы составить конкуренцию американскому eBay. Первые шаги в формировании регулирования в обозначенной сфере были сделаны в сторону контроля онлайн-контента в сети. Интернет мог служить площадкой самовыражения для политических дискуссий и организации коллективных действий, и по этой причине в 2000-х начал осуществляться постоянный мониторинг контента и повышались требования к его содержанию, что привело к вытеснению американских компаний с китайского рынка³⁸. Основным нормативным правовым актом для обеспечения надлежащего контроля за информацией в Интернете стал Указ Государственного Совета «Об информации в Интернете» от 2000 года³⁹, который был направлен на «содействие здоровому развитию» сектора. Не менее важным остается факт утверждения в 2003 году Национальной комиссией по развитию и реформированию (англ. National Development and Reform Commission (NDRC)) «Золотого щита» и его принятия в 2006 году, который представляет собой систему фильтрации всего контента в Интернете на территории Китая. «Золотой щит» и «Золотой брандмауэр» представляют собой два основных инструмента, которые китайское правительство ввело для мониторинга онлайн-контента в стране. Данные нормативные правовые акты не преследовали цель создать безопасную среду доверия на цифровых рынках, они скорее выступают в качестве дополнительных инструментов цензуры и фильтрации информации в онлайн-среде, которая может поступить из иностранных источников.

Такой мониторинг, хотя и является постоянной чертой политики китайского правительства ориентированного на защиту суверенитета в вопросах Интернета, также помог защитить «начинающие» интернет-

³⁷History of Modern China [Электронный ресурс] // URL: <https://fiveable.me/key-terms/history-modern-china/taobao> (дата обращения: 9.03.2025).

³⁸McKnight S., Kenney M., Breznitz D. Regulating the platform giants: Building and governing China's online economy // Policy & Internet. 2023. Vol.15. № 2. P. 247.

³⁹Regulation on Internet Information Service of the People's Republic of China [互联网信息服务管理办法] / Decree of the State Council of the People's Republic of China No. 292. on September 20, 2000 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.lawinfochina.com/display.aspx?lib=law&id=1668&CGid=> (дата обращения: 12.03.2025).

стартапы Китая от иностранной конкуренции⁴⁰. Например, Национальное управление радио и телевидения на уровне министерства (англ. The National Radio and Television Administration (NRTA), ранее Государственное управление радио, кино и телевидения (англ. The State Administration of Radio, Film and Television (SARFT)) налагало штрафы и периодически закрывало веб-сайты и часто вступало в конфликты с иностранными интернет-компаниями⁴¹. Но даже китайские платформы могли и могут столкнуться с внезапным и суровым наказанием за несоблюдение требований. В качестве одного из ярких примеров, SARFT временно отключила, но не закрыла популярные потоковые сервисы Tudou.com и 56.com за несоблюдение требований к регистрации⁴².

Этот период развития цифровой инфраструктуры в Китае привел к тому, что уже в начале 2000-х такие компании как Baidu, Alibaba и Tencent стали доминирующими платформами с большой базой пользователей, быстро растущими финансами и стремительно расширяющимся спектром услуг. Профессор экономики Пекинского университета Хуан Ипин выделяет четыре фактора, которые повлияли на успешный рост и развитие китайских цифровых платформ:

- 1) Наличие хорошей цифровой инфраструктуры, которая в значительной степени является результатом масштабных государственных инвестиций в этот сектор.
- 2) Огромная численность населения, что делает некоторые цифровые инновации более осуществимыми и эффективными. При очень большом рынке относительно легко продвигать новые модели цифровых платформ и легче добиться экономии за счет масштаба.
- 3) Относительно слабая защита прав личности. Недостатком такой «слабой защиты» является широко распространенный ненадлежащий и

⁴⁰Liu C. Internet censorship as a trade barrier: A look at the WTO consistency of the Great Firewall in the wake of the China-Google dispute // Georgetown Journal of International Law. 2010. № 42. P.1210.

⁴¹Lei Y.-W. The contentious public sphere: Law, Media and Authoritarian Rule in China. // Princeton University Press. 2017. P. 113.

⁴²Chinese video site 56.com; goes down. Wired. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wired.com/2008/07/chinese-video-s/> (дата обращения: 12.03.2025).

незаконный сбор и анализ персональных данных и нарушение неприкосновенности частной жизни физических лиц. Но это порождает множество динамичных, инновационных экономических моделей, основанных на анализе больших объемов данных и применении цифровых технологий.

4) Сегрегация от международного рынка, которая защищает отечественные платформы от международной конкуренции и предоставляет им пространство для инноваций и роста⁴³.

В указанный период времени (1990-е годы), наиболее развитыми в области правового регулирования онлайн-бизнеса оставались США и Китай. Европейский Союз (далее – Евросоюз) начал свою деятельность по развитию правового регулирования в сфере онлайн-бизнеса после конференции посвященной «Глобальным информационным сетям» в 1997 году⁴⁴ и несмотря на то, что никаких четких задач и целей в рамках обсуждений поставлено не было, работа по разработке законодательства уже началась. Так, Евросоюз, оказался в числе первых, кто принял нормативные правовые акты, посвященные электронной коммерции. В 1999 году парламент Евросоюза принял Директиву об электронных подписях (англ. The Directive on Electronic Signatures)⁴⁵ и Директиву по электронной коммерции (англ. The Directive on Electronic Commerce)⁴⁶ в 2000 году. Директивы установили правила осуществления онлайн-торговли, требования к поставщикам и стандарты для коммерческой коммуникации, а также порядок заключения электронных договоров и ограниченную ответственность поставщиков товаров (услуг).

⁴³Huang Y. The Platform Economy in China: Innovation and Regulation // China's Transition to a New Phase of Development. 2022. P. 74.

⁴⁴Global Information Networks: Realising the Potential [Электронный ресурс] // URL: http://web.mclink.it/MC8216/netmark/attach/bonn_en.htm (дата обращения: 12.09.2025).

⁴⁵Directive 1999/93/EC of the European Parliament and of the Council of 13 December 1999 on a Community framework for electronic signatures [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31999L0093> (дата обращения: 13.09.2025).

⁴⁶Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce) [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32000L0031> (дата обращения: 13.09.2025).

Вопросы антимонопольного регулирования онлайн-торговли не нашли закрепления в рамках Директив.

Законодатель в США пошел по пути «легкого регулирования» (англ. light touch' regulation), которое выразилось в принятии Закона об электронных подписях в мировой и национальной торговле (англ. The Electronic Signatures in Global and National Commerce Act (E-Sign Act))⁴⁷ в 2000 году, который установил общие правила действительности электронных записей и подписей для сделок, связанных с международной и внутренней торговлей. Основная роль в регулировании вопросов, связанных с электронной коммерцией, была отведена Федеральной торговой комиссии (англ. Federal Trade Commission (FTC)), которая занимается обеспечением соблюдения требований к онлайн-рекламе и конфиденциальности данных потребителей, проверкой подлинности электронных подписей и обеспечением сбора налога с продаж. Единый закон, который охватывал бы все вопросы, связанные с осуществлением электронной коммерции в США, не был принят и наличие двухуровневой системы законодательства упростило федеральному регулятору задачу по разработке единого акта, так как на уровне штатов принимались законы по отдельным аспектам осуществления электронной коммерции⁴⁸. Аналогично Евросоюзу в США не были приняты отдельные нормы, касающиеся антимонопольного регулирования онлайн-торговли и действующие Закон Шермана (англ. Sherman Anti-Trust Act 1890)⁴⁹ и Закон Клейтона (англ. Clayton Antitrust Act 1914)⁵⁰ распространили свое действие и на сферу электронной коммерции.

⁴⁷The Electronic Signatures in Global and National Commerce Act (E-Sign Act) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fdic.gov/resources/supervision-and-examinations/consumer-compliance-examination-manual/documents/10/x-3-1.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).

⁴⁸См. прим.: California Assembly Bill 2426 (AB 2426) [Электронный ресурс] //URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=202320240AB2426 (дата обращения: 12.09.2025); Washington Uniform Electronic Transactions Act (RCW 19.34) [Электронный ресурс] //URL: <https://app.leg.wa.gov/Rcw/dispo.aspx?cite=19.34> (дата обращения: 12.09.2025).

⁴⁹Sherman Anti-Trust Act (1890) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/sherman-anti-trust-act> (дата обращения: 11.09.2025).

⁵⁰Clayton Antitrust Act 1914 [Электронный ресурс] // URL: <https://teachingamericanhistory.org/document/clayton-antitrust-act/> (дата обращения: 11.09.2025).

Правительство США продолжало формировать рамочное нормативное правовое регулирование с целью развития цифровой экономики и вложения средств в научные исследования, исключая излишнее давление со стороны государства. В то время как Китай, который уже начал свою политику по цензуре и строгому контролю за контентом в сети Интернет, начал все активнее вмешиваться в развитие сектора. К 2011 году в Китае насчитывалось более 390 миллионов пользователей, что делало его крупнейшим онлайн-сообществом в мире, число интернет-пользователей в два раза превышало число интернет-пользователей в США⁵¹. Усиление рыночной власти китайских цифровых платформ в конце 2010-х годов стало настоящим вызовом для регулятора, которому необходимо было определить статус таких компаний, меры ответственности и усилить контроль в сфере конкуренции уже внутри китайского рынка. Стоит отметить, что правительство перешло от терминологии «экономики совместного использования» к явному признанию существования «платформенной экономики»⁵².

В китайской нормативной правовой базе отсутствует акт, где бы закреплялось определение цифровой платформы и перечислялись бы ее виды. Основное внимание при разработке регулирования сделано на цифровые платформы электронной коммерции (англ. e-commerce). Так, в 2019 году в Китае вступил в силу Закон Китайской Народной Республики об электронной торговле (англ. E-Commerce Law of the People's Republic of China,⁵³ далее также – Закон об электронной коммерции), который включает в себя нормы, регулирующие отдельные аспекты осуществления электронной коммерции. В Законе об электронной коммерции закреплён широкий перечень обязанностей оператора (Статья 27), например, не только требовать правдивую информацию

⁵¹China's Internet Users Cross 500 Million [Электронный ресурс] // URL: <https://web.archive.org/web/20130801111038/http://www.pcworld.in/news/chinas-internet-users-cross-500-million-61392012> (дата обращения: 12.03.2025).

⁵²China to promote healthy, well-regulated development of platform economy [Электронный ресурс] // URL: https://english.www.gov.cn/news/202503/05/content_WS67c7b406c6d0868f4e8f05a7.html (дата обращения: 12.03.2025).

⁵³E-Commerce Law of the People's Republic of China (P.R.C. E-commerce Law (2018)) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/p-r-c-e-commerce-law-2018/> (дата обращения: 13.03.2025).

от лица, намеревающегося присоединиться к платформе, но и проверять предоставленную информацию (Статья 28) или обязанность оператора сообщать в отделы надзора за рынком об идентификации предприятий на платформе и напоминать компаниям, которые еще не завершили регистрацию, о необходимости сделать это. В законе содержатся нормы посвященные ответственности за его нарушение в виде штрафов, а также за определенные виды нарушений (недобросовестная конкуренция, злоупотребление доминирующим положением, нарушение прав интеллектуальной собственности и т.д.) допускается применение иных санкций. Для субъекта, использующего цифровую платформу и занимающего доминирующее положение на рынке в статье 22 устанавливается общий запрет на злоупотребление субъектом своим доминирующим положением в рамках электронной торговли, однако, вместе с тем не устанавливаются специальные критерии определения доминирующего положения для платформы электронной коммерции.

Развитие экономики и технологий продолжалось, и осуществляемая с помощью сети Интернет предпринимательская деятельность уже выходила за рамки просто онлайн-торговли. Ближе к 2016 году началось становление современной цифровой экономики, которая сформировала новые вызовы для регуляторов. Активный нормотворческий процесс начался в странах Евросоюза, так, во Франции 7 октября 2016 был принят закон о цифровой республике⁵⁴, который дополнил нормы Кодекса о защите прав потребителей (фр. Code de la consommation)⁵⁵ в части регулирования отношений, возникающих при использовании цифровых платформ. Основная цель принятого закона была в том, чтобы обеспечить соблюдение прав потребителей цифровых технологий и улучшить защиту данных пользователей в Интернете. В Германии Федеральное министерство

⁵⁴LOI n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique (1) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000033202746> (дата обращения: 26.02.2025).

⁵⁵Code de la consommation [Электронный ресурс] // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006069565/2025-09-27 (дата обращения: 11.09.2025).

экономики и энергетики в мае 2016 года опубликовало «Зеленую книгу» о цифровых платформах, что положило начало дискуссиям о необходимости корректировки существующей нормативной правовой базы, в частности, в области законодательства о конкуренции и защиты данных⁵⁶.

На наднациональном уровне, в первые годы обсуждений относительно регулирования цифровой экономики (в частности, цифровых платформ) европейское правовое сообщество считало, что существующие принципы и нормы, регулирующие конкуренцию вполне способны удовлетворять потребности цифровой экономики и создавать что-то новое на тот момент времени не представлялось необходимым. Евросоюз преследовал цель использовать традиционные инструменты конкуренции для удовлетворения потребностей новой цифровой экономики⁵⁷. Позже Европейская Комиссия (далее также – Еврокомиссия) пришла к выводу, что правила конкуренции должны соответствовать быстро меняющемуся миру, который становится все более цифровым⁵⁸. Она также отметила: «существующая политика в области конкуренции не способна решить все системные проблемы, которые могут возникнуть в экономике платформ. Исходя из логики единого рынка, могут потребоваться дополнительные правила для обеспечения конкуренции, справедливости и роста инноваций, а также для обеспечения возможности выхода на рынок и соблюдения общественных интересов, которые выходят за рамки конкуренции или экономических соображений»⁵⁹.

Европейский союз исходил из идеи приоритета наднационального права, чтобы избежать препятствий на пути построения единого цифрового

⁵⁶GRÜNBUCH Digitale Plattformen [Электронный ресурс] // URL: https://www.bundeswirtschaftsministerium.de/Redaktion/DE/Publikationen/Digitale-Welt/gruenbuch-digitale-plattformen.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (дата обращения: 26.02.2025).

⁵⁷Cini M., Czulno P. The Origins of the Digital Markets Act: Explaining Policy Change // VISTA Policy Paper. 2022. № 2. P. 1.

⁵⁸Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act) [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52020SC0363> (дата обращения: 26.02.2025).

⁵⁹European Commission (2021) Shaping Europe's Digital Future [Электронный ресурс] // URL: https://commission.europa.eu/document/download/84c05739-547a-4b86-9564-76e834dc7a49_en?filename=commu%20%20nication-shaping-europes-digital-future-feb2020_en.pdf (дата обращения: 26.02.2025).

рынка, которые могут возникнуть из-за расхождений национальных нормативных требований к цифровым платформам. В 2016 году было опубликовано обсуждение проекта Директивы об онлайн-платформах. Проект был разработан группой ученых-юристов из нескольких европейских государств и в рамках этого обсуждения выделялась основная идея регулирования, которая заключалась в достижении баланса между защитой прав потребителей, свободой рынка и инновациями⁶⁰. Европейская Комиссия отметила, что правильная нормативная правовая база для цифровой экономики должна способствовать «расширению масштабов бизнес-модели платформ в Европе» и «усилению роли платформ в продвижении инноваций»⁶¹.

Государства-члены Евросоюза выразили свою позицию относительно построения нового регулирования достаточно однозначно в письме, на тот момент, вице-президенту Европейской Комиссии Андрусу Ансипу в апреле 2016 года, основной тезис письма заключался в том, чтобы рассматривать цифровые платформы в первую очередь как возможность, а не угрозу⁶². Платформенная экономика находилась на раннем этапе своего развития и излишне императивное регулирование могло бы негативно сказаться на темпах развития цифровой экономики, а следовательно, и на развитии инноваций в этой области. В 2022 году после продолжительных дискуссий были приняты и опубликованы две новые директивы: Директива о цифровых

⁶⁰Busch C., Dannemann G. Schulte-Nölke H., Wiewiórowska-Domagalska A., Zoll F. Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms / Research Group on the Law of Digital Services, Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms // Journal of European Consumer and Market Law. 2016. Vol. 5. P. 164.

⁶¹Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Online Platforms and the Digital Single Market Opportunities and Challenges for Europe [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52016DC0288> (дата обращения: 26.02.2025).

⁶²Joint Letter from the governments of eleven member states to Vice-President Andrus Ansip, 4 April 2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a74b8d0ed915d502d6ca746/platforms-letter.pdf> (дата обращения: 26.02.2025).

рынках (англ. Digital Markets Act, далее также – DMA)⁶³ и Директива о цифровых услугах (англ. Digital Services Act, далее также – DSA)⁶⁴.

Основная цель, принятых Директив заключается в поддержании развития и функционирования Единого Европейского Рынка (англ. Single European Market (SEM)). Есть риск, что Единый Европейский Рынок может привести к концентрации рыночной власти в руках небольшого числа цифровых гигантов, что потенциально может угрожать свободной и честной конкуренции, однако отсутствие эффективного регулирования на уровне Евросоюза создавало больше рисков для фрагментации рынка.

В действующей Директиве о цифровых рынках европейский законодатель решил закрепить определение цифровой платформы путем перечисления ее видов (в зависимости от оказываемой услуги), тем самым не ограничивая определение цифровой платформы только как платформы электронной коммерции, где поставщик предоставляет товары, услуги или цифровой контент клиенту за денежную оплату. Так, в тексте DMA для обозначения цифровой платформы используется термин базовая платформа (англ. core platform), которая может осуществлять широкий перечень услуг: онлайн-посреднические услуги; онлайн-поисковые системы; онлайн-сервисы социальных сетей; услуги платформы для обмена видео; услуги межличностной коммуникации, не зависящие от номера телефона; операционные системы; веб-браузеры; виртуальные помощники; сервисы облачных вычислений; услуги онлайн-рекламы.

В DMA Евросоюз первый отказался от подхода *ex post* (т.е. регулятор должен сначала выявить нарушение и затем он может отреагировать) к подходу *ex ante*, который запрещает или вводит соответствующие правила в

⁶³Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) [Электронный ресурс] // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2022.265.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A265%3ATOC (дата обращения: 26.02.2025).

⁶⁴Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng> (дата обращения: 26.02.2025).

отношении в общей сложности 21 практики, которые считаются вредными для заключения сделок на цифровых рынках⁶⁵ и предполагает проведение надлежащих проверок (англ. *due diligence*) в отношении цифровых платформ. Эти обязательства по проведению надлежащей проверки распространяются не на все платформы, а только на те, которые были определены Европейской Комиссией в качестве *gatekeeper* (русс. сторож). В статье 3 закрепляется: «компании, использующие платформы в своей предпринимательской деятельности могут получить статус *gatekeeper*, если они отвечают следующим трем требованиям: (а) оказывают значительное влияние на внутренний рынок, (б) предоставляют так называемый базовый платформенный сервис и (в) занимают прочное положение на рынке в настоящее время или будут в ближайшем будущем». Иными словами, *gatekeeper* это та компания, использующая цифровую платформу, которая занимает доминирующее положение на соответствующем рынке.

Для компаний со статусом *gatekeeper* устанавливаются две группы запретов. Первая связана с установлением строгих запретов для платформ *gatekeeper*, например, объединять данные из различных сервисов центральной платформы или принуждать к использованию определенного платежного сервиса. Вторая группа обязательств менее конкретизирована и может быть дополнительно сужена или расширена Еврокомиссией как надзорным органом. К этой группе относится, например, запрет на самостоятельное предпочтение услуг или продуктов, контроль над данными других поставщиков или возможность для пользователей просто передавать свои собственные данные другому поставщику данных (так называемая переносимость данных). В статье 18 установлено, что если обязательства будут нарушаться, то Еврокомиссия будет принимать принудительные меры в отношении нарушителей, также DMA сохраняет за Еврокомиссией право запрещать слияния компаний и, в качестве крайней меры, ликвидировать

⁶⁵Müller M., Kettemann M. C. European Approaches to the Regulation of Digital Technologies // Introduction to Digital Humanism. 2023. P. 628.

компании со статусом *gatekeeper*, если требования DMA «систематически нарушаются».

Несмотря на наличие таких строгих санкций в отношении цифровых платформ, Еврокомиссия придерживается принципа, что любая мера, применяемая в отношении платформы, должна быть соразмерна нарушению и необходима для поддержания дальнейшей эффективной работы цифрового рынка. Принцип пропорциональности применяется в качестве ограничения ко всем сферам компетенции Еврокомиссии, из него следует обязанность правоприменителя выбирать наименее обременительные меры для достижения целей, преследуемых законодательством, и меры не должны быть несоразмерны этим целям⁶⁶.

Директива о цифровых услугах (DSA) наряду с Директивой о цифровых рынках является частью цифровой стратегии Евросоюза и направлена на создание более безопасного цифрового пространства, в котором защищены основные права всех пользователей цифровых услуг, и на создание равных условий для продвижения инноваций, роста и конкурентоспособности как на Едином Европейском Рынке, так и во всем мире⁶⁷.

DSA больше ориентирована именно на те виды цифровых платформ, при использовании которых требуется больше ресурсов для защиты пользователей, в связи с чем, область действия DSA распространяется на поставщиков услуг, которые обычно предоставляются за вознаграждение, на расстоянии, с помощью электронных средств и по индивидуальному запросу получателя (посреднические услуги), которые в DSA подразделяются на услуги «простого канала связи», «кэширования» и «хостинга». Эти услуги включают передачу и хранение контента, созданного пользователями.

Одной из целей DSA является обеспечение безопасной, предсказуемой и заслуживающей доверия онлайн-среды, ввиду чего, необходимо исходить из

⁶⁶Knapstad T. Breakups of Digital Gatekeepers under the Digital Markets Act: Three Strikes and You're Out? // *Journal of European Competition Law&Practice*. 2023. Vol. 14. № 7. P. 398.

⁶⁷Müller M., Kettemann M. C. European Approaches to the Regulation of Digital Technologies // *Introduction to Digital Humanism*. 2023. P. 626.

широкого понимания «незаконного контента», который будет охватывать информацию, относящуюся к незаконному контенту, продуктам, услугам и деятельности. Для достижения этой цели цифровые платформы наделяются статусом ответственных участников рынка для борьбы с незаконным использованием контента. Основываясь на идее признания цифровых платформ ответственными участниками, в главе III DSA «Прозрачность, подотчетность» устанавливает ряд обязательств для цифровых платформ, которые включают себя:

1) Платформа обязана назначить контактное лицо, позволяющее получателям услуг быстро и напрямую выходить на связь с ним с помощью электронных средств и удобным для пользователя способом, в том числе позволяя получателям услуг выбирать средства связи, которые не должны полагаться исключительно на автоматизированные инструменты.

2) В дополнение к обязанностям, предусмотренным Директивой об электронной коммерции, поставщики посреднических услуг должны взять на себя обязанность по публикации информации, необходимой для получателей услуг, чтобы они могли легко идентифицировать единых контактных лиц и поддерживать связь с ними. Эта информация должна быть легкодоступной и постоянно обновляться. Поставщики посреднических услуг обязаны информировать получателей услуг о любых существенных изменениях в правилах и условиях пользования платформой.

3) Поставщики крупных онлайн-платформ и онлайн-поисковых систем должны предоставлять получателям услуг краткое, легкодоступное и машиночитаемое изложение положений и условий пользования, включая доступные средства правовой защиты и механизмы возмещения ущерба, изложенные ясным и недвусмысленным языком.

Данная Директива также закрепляет экстерриториальность сферы действия DSA, путем территориальной привязки DSA к месту нахождения пользователя. В результате, до тех пор, пока есть «существенная связь с

Евросоюзом», юрисдикция учреждения поставщика услуг не имеет никакого значения.

В главе IV DSA представлены нормы, касающиеся реализации, сотрудничества, штрафных санкций и правоприменения. Например, все поставщики посреднических услуг обязаны публично и ежегодно отчитываться о том, как они выполняют требования по DSA. Что касается крупных цифровых платформ, DSA стремится обеспечить надлежащий внутренний и внешний надзор за соблюдением новых норм. Для этого провайдеры должны создать независимую службу обеспечения соответствия внутри своей организации. Важным нововведением DSA является предоставление Еврокомиссии широких полномочий по обеспечению соблюдения правил, применимых к крупным цифровым платформам, таких как возможность проведения расследований и инспекций, требующих доступа к данным, а также возможность наложения высоких штрафов.

На сегодняшний день DMA и DSA являются единственными в своем роде всеобъемлющими актами по регулированию предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ. В других странах были приняты акты, которые регулируют отдельные вопросы, связанные с использованием цифровых платформ, и не всегда закрепляется определение цифровой платформы. Так, в США на сегодняшний день отсутствует нормативный правовой акт, посвященный регулированию предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ и правоприменитель продолжает применять существующие нормы для регулирования новых отношений. В 2023 году группа сенаторов представили законопроект о Федеральной комиссии по цифровым платформам (англ. The Digital Platform Commission Act)⁶⁸, который предусматривает создание специального органа, обладающего полномочиями и инструментами для разработки регулирования и обеспечения соблюдения правил в секторе,

⁶⁸Digital Platform Commission Act of 2023 – S.1671 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/1671/text> (дата обращения: 11.09.2025).

который практически не регулируется. Но данный акт все еще находится на стадии рассмотрения.

В Китае с развитием цифровой экономики законодатель решил модернизировать нормы действующего антимонопольного законодательства без принятия специального закона по цифровым платформам. В феврале 2021 года, Антимонопольная комиссия Государственного Совета Китая опубликовала «Руководящие принципы Антимонопольной комиссии Государственного совета по борьбе с монополизмом в области платформенной экономики»⁶⁹. Позже в том же году Государственное управление по регулированию рынка (англ. State Administration for Market Regulation, далее – SAMR) оштрафовало Alibaba на 182 миллиарда юаней за то, что платформа навязывала продавцам условия, в соответствии с которыми они могли продавать исключительно на платформе Alibaba. Кроме того, SAMR оштрафовало многие другие компании за непредоставление уведомлений о слиянии (Baidu, JD.com и т.д.). В октябре 2021 года SAMR опубликовало проекты «Руководства по классификации интернет-платформ»⁷⁰ и «Руководства по внедрению ответственности субъектов для интернет-платформ»⁷¹.

В 2022 году китайский законодатель внес поправки в антимонопольный закон Китайской Народной Республики (англ. Anti-monopoly Law of the People's Republic of China, далее — AML). После этих поправок в AML теперь упоминается монополистическое поведение на цифровых платформах, в частности, в двух разделах: «Общие положения» и «Злоупотребление доминирующим положением на рынке». В разделе «Общие положения» статья 9 устанавливает: «предприятие не должно осуществлять какие-либо

⁶⁹Anti-monopoly Guidelines of the Anti-monopoly Commission of the State Council on Platform Economy Released [Электронный ресурс] // URL: <https://www.allbrightlaw.com/EN/10531/b3e2abc9161d4ee6.aspx> (дата обращения: 13.03.2025).

⁷⁰Guidelines for Internet Platform Categorization and Grading (Draft for Comment) – Oct. 2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-guidelines-for-internet-platform-categorization-and-grading-draft-for-comment-oct-2021/> (дата обращения: 13.03.2025).

⁷¹China's new platform guidelines [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ianbrown.tech/2021/11/01/chinas-new-platform-guidelines/> (дата обращения: 13.03.2025).

монополистические действия, запрещенные настоящим Законом, путем использования данных и алгоритмов, технологий, преимуществ в капитале или правил платформы, среди прочего». В разделе, посвященном злоупотреблению доминирующим положением на рынке в статье 22(7) устанавливается, что: «предприятие, занимающее доминирующее положение на рынке, не должно каким-либо образом злоупотреблять доминирующим положением на рынке, указанным в предыдущем параграфе, используя, среди прочего, данные и алгоритмы, технологии и правила платформы»⁷². В AML также закреплён открытый перечень критериев для определения доминирования компаний на рынке, в который был добавлен критерий о необходимости учитывать финансовые ресурсы и технические возможности предприятия.

Внесение изменений в AML произошло ввиду смены китайским правительством своего терпимого отношения к активному развитию цифровых компаний. Усиление надзора со стороны государства началось из-за серьёзной обеспокоенности, вызванной беспорядочной экспансией капитала на цифровых рынках. Так, в 2021 году компания DiDi (платформа, оказывающая услуги агрегатора такси, каршеринга и райдшеринга) стала публичной на Нью-Йоркской фондовой бирже, не соблюдая Положений об усилении конфиденциальности и управлении архивами, связанных с выпуском и листингом ценных бумаг за рубежом⁷³. Ещё одним примером являются действия «ANT» (финансовое приложение и платформа онлайн-платежей, принадлежащее Alibaba), которая продавала финансовые продукты и предоставляла депозитные услуги многим банкам. В 2020 году ANT предоставляла услуги более чем 100 банкам, насчитывала более миллиарда

⁷²Anti-Monopoly Law (2022 Edition) [Электронный ресурс] // URL:<https://www.chinalawtranslate.com/en/anti-monopoly-law-2022/> (дата обращения: 13.03.2025).

⁷³China Targets Firms Listed Overseas After Launching Didi Probe [Электронный ресурс] // URL:<https://www.wsj.com/articles/china-to-revise-rules-and-strengthen-supervision-of-overseas-listings-11625572533> (дата обращения: 14.03.2025).

пользователей и имела потребительский кредит на сумму 1732 миллиарда юаней⁷⁴.

Правительством был разработан «регулятивный» подход, который включал себя три элемента:

- 1) Ограничение финансовых услуг, предоставляемых на цифровых платформах.
- 2) Усиление роли антимонопольного органа и начало расследований в отношении всех крупных платформенных компаний за неконкурентное поведение.
- 3) Усиление надзора за контролем платформ над данными.

Необходимость ограничения финансовых услуг появилась в связи с развитием таких платежных систем как Alipay и WeChat Pay, которые оказались основными финансовыми инструментами вне госконтроля и регулирования⁷⁵, что вызвало определенные опасения в правительстве, которые выражались в рисках «беспорядочного расширения капитала» и «невозможностью управления онлайн-транзакциями». Правительство пошло по пути ужесточения регулирования цифрового рынка, включая конкретные антимонопольные меры, и после этого начался новый этап в развитии законодательства о конкуренции в этом секторе. В декабре 2020 года Центральная экономическая рабочая конференция назвала «борьбу с монополиями бизнеса и неупорядоченной экспансией капитала одним из главных приоритетов страны на 2021 год⁷⁶.

Нормативный подход, принятый китайским правительством после 2019 года, демонстрирует, что, поддерживая десятилетиями развитие цифровой инфраструктуры, государство породило цифровых гигантов, которые

⁷⁴Anti-monopoly regulation of digital platforms in China [Электронный ресурс] // URL: <https://centrocompetencia.com/anti-monopoly-regulation-of-digital-platforms-in-china/> (дата обращения: 13.03.2025).

⁷⁵Ant and China banks are reining in joint loans to consumers. Bloomberg News [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-04/ant-and-chinese-banks-are-reining-in-joint-loans-to-consumers> (дата обращения: 14.03.2025).

⁷⁶The Central Economic Work Conference was held in Beijing [Электронный ресурс] // URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-12/18/c_1126879325.htm (дата обращения: 14.03.2025).

контролируют значительную часть экономики Китая и в большей степени склонны к саморегулированию и созданию частных органов регулирования самой компанией. Поэтому вышеперечисленные меры, принятые правительством, являлись попыткой вернуть рыночную власть и экономику под исключительный контроль государства. Государственный совет Китая объясняет: «инновационное и технологическое развитие бизнеса все также поддерживается и одобряется, когда ресурсы технологических компаний используются непосредственно в интересах государства и общества. Например, для осуществления контроля или даже принуждения участников рынка к выполнению своих обязанностей в отношении друг друга»⁷⁷. Именно это и является отличительной чертой китайского подхода к регулированию деятельности с использованием цифровых платформ от описанного выше европейского подхода. Вся мощь цифровой инфраструктуры должна служить целям и задачам государства и не отдаляться от него формируя самостоятельную систему контроля и оценки деятельности. Поэтому китайское правительство создает строгую систему регулирования, в соответствии с которой не выделяется какая-либо из платформ и не допускается формирование индивидуального подхода для каждого отдельного случая.

В Российской Федерации (далее также – Россия, РФ) темпы развития цифровой инфраструктуры значительно уступали упомянутым зарубежным странам. Отправной точкой правового регулирования в целом цифровой экономики является 2017 год, когда была принята Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»⁷⁸, в то время как в Китае и США цифровая экономика начала свой путь на 15 лет раньше⁷⁹. Принятая Программа не ограничивалась только базовыми элементами цифровой экономики, она

⁷⁷Kharitonova Y., Sannikova L. Digital Platforms in China and Europe: Legal Challenges // BRICS Law Journal. 2021. № 8(3). P. 126.

⁷⁸Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утратил силу в связи с принятием Паспорта Национальной Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 04 июня 2019 г. №7) // СЗ РФ. 7.08.2017. № 32. Ст. 5138.

⁷⁹Данилин И.В. Развитие цифровой экономики США и КНР: факторы и тенденции. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. №12(6). С. 250.

ориентировалась и на рост инвестиций частного и государственного секторов в такие перспективные направления, как большие данные, а также развитие it-продуктов и услуг с высоким экспортным потенциалом. На смену этой программе пришла Национальная программа «Цифровая экономика»⁸⁰, которую утвердили в декабре 2018 года (далее — Программа).

Программа главным образом сфокусировалась на создании информационной среды и обеспечении информационной безопасности, а также формировании новых технологий и платформ⁸¹. В рамках развития цифровой экономики Программа выделяет шесть основных направлений, по которым должна идти работа: 1) нормативное регулирование, 2) кадры и образование, 3) информационная инфраструктура, 4) информационная безопасность, 5) цифровые технологии и 6) цифровое государственное управление. Данная Программа является первым нормативным правовым актом, в тексте которого отмечается необходимость развития цифровых платформ в России, в частности, для государственных нужд (например, государственная единая облачная платформа, которая была запущена в эксплуатацию в начале 2025 года)⁸².

В 2024 году Президентом РФ был подписан Указ от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (далее — Указ), в котором определены национальные цели развития России. Среди них - цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. Поставлена основная задача: «увеличить к 2030 г. до 99% долю предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме за счет внедрения в деятельность

⁸⁰Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7) [Электронный ресурс] // URL: <https://digital.ac.gov.ru/materials/passport/> (дата обращения: 15.03.2025).

⁸¹Пичков О.Б. Риски и несовершенства развития цифровой экономики на современном этапе / Пичков О.Б., Уланов А.А. // Страховое дело. 2017. № 11(296). С. 4.

⁸²Постановление Правительства РФ от 10 июля 2024 г. № 929 «Об утверждении Положения о государственной единой облачной платформе» // СЗ РФ. 15.07.2024. № 29 (часть III). Ст. 4244.

органов государственной власти единой цифровой платформы». В этом Указе, также как и в Программе речь идет о публичных (государственных) цифровых платформах.

О важности учета роли цифровых платформ в экономике при формировании регулирования пишет Н.В. Макаrchук: «при государственном регулировании важно учитывать ключевую особенность цифровой экономики, которая заключается в том, что с помощью технологий и данных создается добавленная стоимость как важный фактор экономического роста»⁸³.

Ю. С. Харитоновна пишет, что в отношении правового регулирования цифровых платформ представляется возможным построение такой многоуровневой системы регулирования общественных отношений, которая будет опираться как на общие принципы права, так и на кодифицированные нормы⁸⁴.

Вопросы, касающиеся электронной коммерции, были урегулированы нормами Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее также – Закон № 2300-1)⁸⁵, который был обновлен и дополнен нормами о владельце агрегатора информации в 2018 году. В Законе № 2300-1 появилось определение владельца агрегатора информации и положения об его ответственности.

В последующие годы законодателем были приняты федеральные законы, которые регулируют предпринимательскую деятельность с использованием конкретных видов цифровых платформ. Так, в 2019 году был принят Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее

⁸³Макарчук Н.В. Цифровая экономика: экономический и правовой аспекты // Право и бизнес. 2025. № 4. С. 10.

⁸⁴Харитоновна Ю.С. Автономия цифровых платформ генеративного искусственного интеллекта в регулировании отношений с пользователями // Актуальные проблемы российского права. 2024. №8. С. 73.

⁸⁵Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 140; СЗ РФ. 4.08.2025. № 31. Ст. 4644.

также – ФЗ № 259)⁸⁶, затем был принят Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» (далее также – ФЗ № 211)⁸⁷. В 2022 году нормами об электронной платформе для выпуска цифровых финансовых активов и в 2023 году нормами о платформе цифрового рубля был дополнен Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее также – ФЗ № 161)⁸⁸. Сохранялся преимущественно фрагментарный характер регулирования, что напрямую было связано с отсутствием единого понятия цифровой платформы и принципов осуществления предпринимательской деятельности с ее использованием.

В отношении информации (контента), используемой на цифровых платформах не предусмотрено специальное регулирование. Требования к содержанию информации и порядку ее использования определяются в каждом отдельном законе в зависимости от вида цифровой платформы, а также Федеральным законом от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее также – ФЗ № 149)⁸⁹, где устанавливаются требования к информации, распространяемой в информационных системах.

Регулирование конкуренции с использованием цифровых платформ определенный период времени и вовсе отсутствовало. О необходимости обновления действующего законодательства обратили внимание в Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной протоколом Президиума ФАС России от 03.07.2019 № 6, где в качестве одной из основных целей была

⁸⁶Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 05.08.2019. № 31. Ст. 4418; СЗ РФ. 12.08.2024. № 33 (Часть I). Ст. 4959.

⁸⁷Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // СЗ РФ. 27.07.2020. № 30. Ст. 4737; СЗ РФ. 30.12.2024. № 53 (часть I). Ст. 8532.

⁸⁸Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СЗ РФ. 4.07.2011. № 27. Ст. 3872; СЗ РФ. 28.07.2025. № 30 (часть II). Ст. 4397.

⁸⁹Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (часть I). Ст. 3448; СЗ РФ. 4.08.2025. № 31. Ст. 4679.

выделена модернизация антимонопольного законодательства для эффективного его применения в условиях цифровой экономики⁹⁰.

Одним из важных этапов в формировании антимонопольного регулирования на цифровых рынках являлся процесс разработки поправок к Федеральному Закону от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее также – ФЗ № 135)⁹¹. Поправки к ФЗ № 135 учитывают особенности состояния конкуренции на рынках, функционирующих с использованием цифровых платформ, определяют наличие сетевых эффектов, а также необходимость установления и оценки антимонопольным органом воздействия сетевых эффектов на возможность хозяйствующего субъекта оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем рынке⁹².

В 2023 году после ряда обсуждений завершился процесс доработки «Пятого антимонопольного пакета», внесший поправки в ФЗ № 135-ФЗ, которые вступили в силу 1 сентября 2023 года⁹³. В результате принятия этих поправок в ФЗ № 135 появилось понятие «сетевой эффект» и статья 10.1 «Запрет на осуществление монополистической деятельности, хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой».

В соответствии с 4 статьей ФЗ № 135 сетевой эффект это свойство товарного рынка (товарных рынков), при котором потребительская ценность программы (совокупности программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров (далее - цифровая платформа),

⁹⁰Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. протоколом президиума ФАС России 03.07.2019 № 6) [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/documents/685792> (дата обращения: 13.04.2025).

⁹¹Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (часть I). Ст. 3434; СЗ РФ. 4.08.2025. № 31. Ст. 4658.

⁹²Цифровые платформы – организационно-правовая форма взаимодействия в обществе: монография / Н.С. Волкова, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов и др.; отв. ред. Л.К. Терещенко. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Инфотропик Медиа, 2025. – С. 112.

⁹³Президент России подписал разработанный ФАС «Пятый антимонопольный пакет» [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/news/32676> (дата обращения: 14.04.2025).

изменяется в зависимости от изменения количества таких продавцов и покупателей.

Определенным недостатком данных поправок является то, что понятие цифровой платформы уравнивается с понятием программы для ЭВМ, обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров, что на практике может привести к тому, что на отдельные виды цифровых платформ новые антимонопольные нормы распространять свое действие не будут. По смыслу данного определения сетевой эффект возможен только у агрегаторов информации о товарах (услугах). А.О. Маслов отмечает, что: «антимонопольное законодательство должно в равной степени распространяться на предпринимательскую деятельность хозяйствующих субъектов-владельцев любых цифровых платформ, поскольку владельцы цифровых платформ своими действиями (или бездействиями) способны не допускать, ограничивать, устранять конкуренцию на товарных рынках»⁹⁴.

Отдельный акцент сделан на установлении доминирующего положения хозяйствующего субъекта, использующего цифровую платформу. Сама категория «доминирующее положение», как отмечает С.А. Паращук, будучи с содержательной точки зрения категорией экономической, выступает правовой категорией, определяющей правовое положение хозяйствующего субъекта, правовые последствия несоблюдения обязанностей и запретов, в зависимости от установленного экономического фактора – рыночной власти, выражающейся как в количественном критерии доминирования (доле рынка), так и в его качественном критерии (возможности оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара, прежде всего цену товара)⁹⁵.

В начале 2025 года Министерство экономического развития (далее – Минэкономразвития) разработало Законопроект «О платформенной экономике», который был принят 31 июля 2025 года как Федеральный закон

⁹⁴Маслов А.О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. 5.1.3/ Маслов Антон Олегович. – М., 2022. – С. 9.

⁹⁵Паращук С.А. Монополия и монополизация: регламентация в российском праве // Юрист. 2017. № 1. С. 32.

от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее также – ФЗ №289)⁹⁶. Одной из целей ФЗ № 289 является создание правовых, экономических и организационных условий для развития и функционирования цифровых платформ без привязки к отдельным видам. В ФЗ № 289 делается акцент на «платформенной экономике» и дается ее определение: «совокупность организационных и имущественных отношений, складывающихся в результате взаимодействия неограниченного круга лиц посредством цифровых платформ для осуществления предпринимательской деятельности или в иных целях, в том числе не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности». Также в тексте нашло закрепление понятие цифровой платформы, которая определяется как информационная система, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. Законодатель пошел по пути расширения определения цифровой платформы, выходя за рамки исключительно программы для ЭВМ, однако, в нем не отражены все составляющие платформу элементы, что не позволяет однозначно, основываясь на определении платформы, сделать вывод о применимом к ней правовом режиме. В законе также появилось определение владельца цифровой платформы и его статус разграничен со статусом оператора цифровой платформы.

Однако, основная часть ФЗ № 289 включает в себя нормы, посвященные регулированию вопросов по организации взаимодействия пользователей и оператора, заключению договоров, логистике и государственному контролю с использованием конкретного вида цифровой платформы – посреднической

⁹⁶Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 4.08.2025. № 31. Ст. 4643.

цифровой платформы, обеспечивающей взаимодействие оператора, партнеров и пользователей в целях заключения гражданско-правовых договоров, предоставляющая технические возможности размещения заказов и (или) карточек товаров, работ, услуг, совершения сделок, осуществления оплаты товара, работы, услуги пользователем в пользу партнера, соответствующая дополнительным критериям установленным ФЗ № 289.

Россия все еще находится на стадии формирования соответствующего регулирования в области предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ. С одной стороны, отечественный законодатель выделяет виды платформ и предусматривает отдельное регулирование для каждой из них, учитывая особенности сферы, в которой используются эти платформы, но в то же время и в специальных федеральных законах встречаются пробелы, особенно в части обязательств и ответственности владельцев и операторов платформ, а по многим видам цифровых платформ и вовсе отсутствует нормативное регулирование.

Вывод: Генезис правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ можно проследить в трех этапах. Свое начало он берет с 1990-х годов, когда ведущие мировые державы (США и Китай) начали обращать внимание на онлайн-бизнес, сформировавшийся путем использования сети Интернет. В этот период преимущественно формировалось саморегулирование в обозначенной сфере с целью поддержки развития цифровых технологий. Единственными правовыми актами, принятыми в тот период были законы, регламентирующие порядок использования Интернета, обеспечение безопасности данных пользователей и защиту авторских прав.

Рост и развитие цифровых платформ, осуществляющих торговую деятельность в сети Интернет ознаменовали новый этап в правовом регулировании, который охарактеризовался общемировой тенденцией по принятию специальных актов, регулирующих вопросы электронной коммерции с начала 2000-х годов. Привычное саморегулирование не

позволяло в должной мере обеспечить защиту прав пользователей и конкуренции на рынке платформ.

Тенденция к ограничению саморегулирования сохранялась и в период развития современной цифровой экономики (с 2016-го года). Во многих государствах были приняты либо единые акты по регулированию предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ (Директивы Евросоюза), либо дополнялось действующее законодательство по отдельным аспектам регулирования (антимонопольное регулирование в Китае, принятие отдельных законов по видам платформ в России и т.д.). В настоящее время вектор развития правового регулирования обозначенной сферы деятельности продолжает идти в сторону принятия императивных норм, которые способны ограничить власть крупных цифровых компаний и не допустить нарушений в области защиты прав пользователей и конкуренции.

§2. Понятие цифровой платформы

Предприниматели в 20-м веке, разрабатывая новые продукты и услуги для потребителей, ставили перед собой цель охватить весь процесс их создания и распространения. Они сосредоточили свое внимание на оптимизации производства с целью устранения конкуренции. Появление Интернета в 80-х годах прошлого столетия и его повсеместное использование стали началом становления абсолютно новой бизнес-модели, в которой ценность обеспечивалась за счет создания платформы, предоставляющей возможности другим предприятиям, а не конкурирующей с ними. Именно в этот период и появляются такие известные цифровые платформы как Ебай, основателем которой выступил французский программист и предприниматель Пьер Омидьяр, или платформа Amazon, которая была создана американским предпринимателем Джеффом Безосом⁹⁷. Обе эти платформы были просто экспериментами, которые в корне изменили принципы работы традиционного бизнеса. Ключевая задача платформ сводилась к тому, чтобы связывать покупателей и продавцов, и облегчать последующее взаимодействие между ними. Они имитировали форму брокерского обслуживания, но благодаря использованию веб-технологий быстро расширились без какого-либо дополнительного вмешательства человека⁹⁸.

Цифровые платформы начали трансформировать целые отрасли и по утверждению М. Альстейна и Дж. Паркера⁹⁹ эта трансформация выражается в трех ключевых изменениях:

1) Происходит переход от контроля над ресурсами к их рациональному использованию, что также выражается в изменении роли самих

⁹⁷History of eCommerce: birth and evolution of the selling method that changed the world [Электронный ресурс] // URL: <https://marketing4ecommerce.net/en/history-of-electronic-commerce/> (дата обращения: 19.01.2025).

⁹⁸Zutshi A., Grilo A. The Emergence of Digital Platforms: A Conceptual Platform Architecture and impact on Industrial T Engineering // Computers & Industrial Engineering. 2019. Vol. 136. P. 546.

⁹⁹Parker G. G., Van Alstyne M. W. Choudary S. P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You // W. W. Norton & Company. 2016. P. 109.

производителей и потребителей, которые выступают как новый актив платформы.

2) Переход от внутренней оптимизации, которая свойственна традиционному бизнесу, к внешнему взаимодействию. Цель платформы не оптимизировать производство продавца, а создать ценность, облегчая взаимодействие между внешними производителями и потребителями.

3) Смена ориентира с потребительской ценности на ценность экосистемы.

Классическая бизнес-система стремится максимизировать пожизненную ценность отдельных потребителей, продуктов и услуг, которые, по сути, находятся в конце линейного процесса. Платформы, напротив, стремятся максимизировать общую ценность расширяющейся экосистемы в рамках циклического, повторяющегося процесса, основанного на обратной связи.

Эти изменения показывают, что платформы меняют экономическую реальность, делая ее более сложной и динамичной. Содержание понятия цифровая платформа тоже отличается своей динамикой и вариативностью. Если обратиться к этимологии слова «платформа», то впервые оно появилось во французском языке в 1434 году (как «platte fourme») и обозначало «горизонтальную поверхность, служащую опорой»¹⁰⁰. Такое определение платформы позже было добавлено в Оксфордский толковый словарь, который определяет платформу как «приподнятую ровную поверхность, например, ту, на которой стоит оборудование или с которой осуществляется управление»¹⁰¹. Обращаясь к толковым словарям русского языка, можно обнаружить аналогичные подходы к определению «платформы» — возвышение, площадка для посадки пассажиров или погрузки багажа¹⁰²; помост для установки чего-

¹⁰⁰Schrepe T. Platforms or Aggregators: Implications for Digital Antitrust Law // Journal of European Competition Law and Practice. 2021. Vol. 12. № 1. P. 1.

¹⁰¹Oxford Advanced American Dictionary [Электронный ресурс] // URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/platform (дата обращения: 19.01.2025).

¹⁰²Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова [Электронный ресурс] // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=21083> (дата обращения: 19.01.2025).

либо¹⁰³; ровная возвышенная площадка из какого-н. твердого материала¹⁰⁴. А.В. Габов отмечает, что термин «платформа» – полисемантический, он может использоваться в различных областях, когда речь идет о железных дорогах или об электронном правительстве и т.д.¹⁰⁵

Новое значение «платформа» начала приобретать в конце 20-го века, когда в экономике появились компании, которые начали строить свой бизнес на предоставлении услуг по размещению товаров сторонних поставщиков. Не производя ничего, но связывая продавцов и покупателей они выступили в роли посредников, а учитывая форму их работы (онлайн-платформа, функционирующая с помощью сети Интернет) они стали именоваться цифровыми посредниками. Основоположниками теории в области платформенной экономики выступают Ж.-Ш. Роше и Ж. Тироль, которые в 2004 году опубликовали труд под названием «Двухсторонние рынки», в котором описывали основные принципы построения и работы бизнеса с использованием цифровой платформы¹⁰⁶. На сегодняшний день термин «платформенная экономика» уже нашел закрепление и в отечественном законодательстве. В новом Федеральном законе от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» дано понятие платформенной экономики, которая определяется как совокупность организационных и имущественных отношений, складывающихся в результате взаимодействия неограниченного круга лиц посредством цифровых платформ для осуществления предпринимательской деятельности или в иных целях, в том числе не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности¹⁰⁷.

¹⁰³Толковый словарь русского языка / Под ред. В.И. Даля [Электронный ресурс] // URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=26144> (дата обращения: 19.01.2025).

¹⁰⁴Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс] // URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=48876> (дата обращения: 19.01.2025).

¹⁰⁵Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 14.

¹⁰⁶Rochet J.-C., Tirole J. Two-Sided Markets: An Overview [Электронный ресурс] // URL: https://web.mit.edu/14.271/www/rochet_tirole.pdf (дата обращения: 19.01.2025).

¹⁰⁷Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 4.08.2025. № 31. Ст. 4643.

Сущность цифровой платформы как средства осуществления предпринимательской деятельности возможно рассмотреть с помощью двух подходов: технического и экономического. В соответствии с первым цифровая платформа понимается как набор подсистем и интерфейсов, образующие общую структуру, для которой могут разрабатываться и распространяться производные приложения¹⁰⁸. Профессор университета Суррея Аннабель Гавер предлагает следующее определение цифровой платформы: «цифровая платформа – это блок, обеспечивающий важную функцию технологической системы и служащий основой для разработки дополнительных продуктов, технологий или услуг¹⁰⁹. Цифровая платформа здесь выступает как специальное программное обеспечение, которое формирует определенную технологическую структуру, с помощью которой обеспечивается функционирование бизнес-модели.

Технологическая структура цифровой платформы состоит из ряда компонентов, которые в сочетании друг с другом создают основу для функционирования платформы. Одним из компонентов является аппаратное обеспечение (англ. hardware), которое представляет собой совокупность технических средств (оборудования), необходимого для использования цифровой платформы. Основным техническим компонентом для работы цифровой платформы выступает программное обеспечение (англ. software), которое представлено в виде программы для ЭВМ и ряда цифровых технологий. Программа для ЭВМ определяется в статье 1261 Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ), как представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

¹⁰⁸Xu X., Venkatesh V., Tam K.Y., Hong S-J. Model of Migration and Use of Platforms: Role of Hierarchy, Current Generation, and Complementarities in Consumer Settings // *Management Science*. 2010. Vol. 56. № 8. P. 1306.

¹⁰⁹Gawer, A. *Platforms, Markets and Innovation: an introduction* // Edward Elgar Publishing. 2009. P. 2.

Наличие цифровых технологий в структуре цифровой платформы является ее отличительной чертой, когда идет сравнение цифровой платформы с иной информационной структурой. В качестве цифровых технологий в платформе представлены облачные сервисы, обработка больших данных и технологии искусственного интеллекта. Облачные сервисы позволяют обеспечить взаимодействие пользователей, путем предоставления удаленного доступа к платформе, который не предполагает установления специальной программы на устройство пользователя. Как отмечает О.В. Жевняк: «пользователь получает доступ к платформе через программный компонент, при этом вся или большая часть информации, которую он предоставляет и получает, обрабатывается программами, «встроенными» в саму платформу, и хранится не на устройствах пользователя»¹¹⁰. Цифровые технологии по сбору, хранению и обработке больших данных являются неотъемлемой частью цифровой платформы, так как ее владелец имеет доступ к большому объему данных пользователей и владение такой информацией дает большие преимущества платформенному бизнесу. Еще одним примером цифровой технологии выступает технология искусственного интеллекта, которая выражается в использовании алгоритмов и машинного обучения для обработки данных. Искусственный интеллект позволяет оптимизировать процесс обработки и анализа больших данных, по результатам которого формируются соответствующие рекомендации для пользователей платформы. Наиболее распространенной формой искусственного интеллекта на платформах являются алгоритмы, представляющие собой совокупность правил, в соответствии с которыми осуществляется функционирование цифровой платформы (взаимодействие отдельных ее компонентов для достижения поставленных целей). Искусственный интеллект также используется в работе цифровых платформ, когда создаются виртуальные

¹¹⁰Жевняк О. В. Цифровая платформа как технико-технологический феномен и его правовое значение // Вестник Пермского университета.Юридические науки. 2024. № 4(66). С. 548.

ассистенты или чат-боты, которые берут на себя функции по информированию пользователей по возникающим вопросам.

В качестве еще одного компонента цифровой платформы иногда выделяют Интернет¹¹¹. Информационно-коммуникационная сеть Интернет выступает необходимым условием для доступа к цифровой платформе, и его функция не всегда ограничивается созданием канала связи на платформе, Интернет может быть инструментом для создания инфраструктуры платформы¹¹².

В литературе выделяют ряд требований, которым цифровая платформа должна соответствовать в техническом смысле¹¹³:

1) функционирование платформы возможно только при техническом обеспечении повсеместного доступа и совместимости устройств;

2) поскольку цифровое пространство не привязано к конкретной территории, пользователи должны иметь возможность доступа к платформе в любом месте и в любое время;

3) цифровая платформа должна обеспечить онлайн коммуникацию между пользователями. Взаимодействие на платформе является одним из необходимых элементов для ее функционирования, и оно оптимизирует процесс покупки товаров и оказания услуг, что и сделало технологию цифровых платформ такой привлекательной для бизнеса.

Зарубежные исследователи предлагают платформам разрабатывать собственную онлайн-коммуникацию или пойти по пути сотрудничества с крупными социальными сетями, которое основывается на возможности управлять общим хранилищем систематизированной информации.

Необходимо внедрять в программные модули цифровой платформы механизмы контроля и координации, чтобы гарантировать качественное

¹¹¹Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy // Issues in Science and Technology. 2016. Vol. 32. № 3. P.64.

¹¹²Parker G. G., Van Alstyne M. W. Choudary S. P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You // W. W. Norton & Company. 2016. P. 171.

¹¹³Spagnoletti P., Resca A., Lee G. A Design Theory for Digital Platforms Supporting Online Communities: A Multiple Case Study // Journal of Information Technology. 2015. Vol. 30. № 4. P. 6.

взаимодействие на платформе. Это напрямую связано с вопросом доверия на цифровых платформах, которое является необходимым для развития цифровой среды и для создания этой среды доверия технология цифровой платформы должна предусматривать механизм внутреннего мониторинга (контроля), который обеспечит равную защиту всем пользователям.

Таким образом, цифровая платформа представляет собой сложную структуру, сочетающую в себе множество интерфейсов и сервисов, которая используется для создания безопасной и бесперебойно работающей цифровой среды для взаимодействия всех пользователей цифровой платформы относительно продажи (покупки) товаров, оказания услуг или выполнения работ.

Для экономической науки, цифровая платформа – это коммерческая сеть поставщиков, производителей, посредников и клиентов, которые объединены посредством заключения официальных контрактов и/или взаимной зависимости¹¹⁴. Платформа – это двусторонняя сеть, которая облегчает взаимодействие между различными, но взаимозависимыми группами пользователей, такими как покупатели и поставщики¹¹⁵. Ю.С. Кашкин и авторы пишут: «цифровая платформа характеризуется наличием многоуровневой структуры. Она базируется на одной или нескольких сферах общественных отношений, над которыми надстраиваются, например, такие интегрированные модули цифровой платформы как: единая управленческая информационная система, системы роботизации рутинных операций, управление качеством продукции, рисками, логистического и бухгалтерского учета и т.д.»¹¹⁶

¹¹⁴Tan B., Pan S. L., Lu X., and Huang L. The Role of IS Capabilities in the Development of Multi-Sided Platforms: The Digital Ecosystem Strategy of Alibaba.com // Journal of the Association for Information Systems. 2015. Vol.16. № 4. P. 249.

¹¹⁵Koh T. K., Fichman M. Multi-Homing Users' Preferences for Two-Sided Exchange Networks // MIS Quarterly. 2014. Vol. 38. № 4. P. 977.

¹¹⁶Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Алтухов А.В. Основы платформенного и экосистемного права: учебное пособие /отв. ред. С.Ю. Кашкин. – Москва: РУСАЙНС, 2024. – С. 11.

М. Пагани выделяет ряд причин, в связи с которым платформа может выступать выгодным вариантом для ведения предпринимательской деятельности:

- Компания ставит перед собой цель объединить две (или более) различные группы субъектов, которые каким-либо образом нуждаются друг в друге.

- Компания создает специальную инфраструктуру (платформу), которая формирует ценность за счет сокращения затрат на распространение, транзакции и поиск, возникающих при взаимодействии этих групп друг с другом¹¹⁷.

Для экономики цифровые платформы сыграли ключевую роль в ее трансформации, которая привела к появлению «цифровой экономики». В.Д. Маркова определяет цифровую экономику как новый этап развития экономики, в основе которого лежит интеграция физических и цифровых объектов в сфере производства и потребления, в экономике и в обществе¹¹⁸.

В.А.Вайпан пишет, что в своей основе, цифровая экономика представляет собой трехуровневую систему¹¹⁹:

1) Рынки и отрасли экономики, где осуществляется непосредственное взаимодействие конкретных субъектов (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг).

2) Платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (сфер деятельности).

3) Среда, которая создает условия для развития платформ, технологий, эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность.

¹¹⁷Pagani M. Digital Business Strategy and Value Creation: Framing the Dynamic Cycle of Control Points // MIS Quarterly. 2013. Vol. 37. № 2. P. 625.

¹¹⁸Маркова В. Д. Цифровая экономика: учебник /В.Д. Маркова. – М.: ИНФРА-М, 2020. С. 10.

¹¹⁹Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С.8.

Цифровые платформы являются основой для функционирования цифровой экономики, они служат средством, обеспечивающим взаимодействие в цифровой среде и все процессы, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, осуществляются через цифровые платформы. Использование цифровых платформ возможно в самых разнообразных сферах деятельности, не ограничиваясь исключительно торговлей или оказанием услуг¹²⁰. Ключевой особенностью, которая привлекает предпринимателей использовать цифровые платформы в своей деятельности, выступает организация среды доверия на цифровых платформах. О важности доверия пишет Е.А. Абросимова, которая отмечает, что потенциальные инвесторы не спешат с вложениями в нашу экономику в связи с неблагонадежностью многих отечественных хозяйствующих субъектов в сфере производства и обмена¹²¹. Для защиты прав и интересов инвесторов и других субъектов предпринимательской деятельности необходимо создание механизма, позволяющего отслеживать деятельность хозяйствующих субъектов и выявлять с определенной степенью достоверности среди них тех, кто заслуживает доверия.

Первые упоминания о доверии в «цифровой среде» были сделаны в Программе «Цифровая экономика РФ»¹²², в которой утверждалась необходимость создания правовых условий для формирования единой цифровой среды доверия. После отмены программы был утвержден Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика»¹²³, в котором была определена цель: «формирование правовых условий для создания единой цифровой среды доверия в части уточнения правового

¹²⁰См. подробнее: Лескова Ю.Г. Применение информационных (цифровых) технологий в саморегулировании как условие развития строительной отрасли и правового регулирования // Гражданское право. 2018. № 5. С. 9 – 11.

¹²¹См. подробнее: Абросимова, Е. А. Организаторы торгового оборота: учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 183 с.

¹²²Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утратило силу) // СЗ РФ. 7.08.2017. № 32. Ст. 5138.

¹²³Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7) [Электронный ресурс] // URL: <https://digital.ac.gov.ru/materials/passport/> (дата обращения: 15.03.2025).

статуса удостоверяющих центров, установления унифицированных требований к универсальной (единой) усиленной квалифицированной электронной подписи, расширения возможностей и способов идентификации». Таким образом, законодатель предлагает обеспечить доверие в цифровой среде путем идентификации и аутентификации участников отношений для придания их действиям юридической силы в цифровой среде¹²⁴. В. А. Вайпан отмечает, что для развития доверия в цифровой среде необходимо обеспечить возможность идентификации и аутентификации разнообразными техническими способами, так, использовать помимо электронных подписей, биометрические данные, абонентские номера и т.д.¹²⁵ Несмотря на акцент законодателя на идентификацию и аутентификацию субъектов отношений, доверие в цифровой среде ими не исчерпывается. Для создания среды доверия в цифровом пространстве необходимо обеспечить не только идентификацию пользователей цифровых платформ, а также безопасность и конфиденциальность пользовательских данных. Безопасность пользователей при использовании цифровых платформ и конфиденциальность их данных обеспечивается разработкой внутренней системы мониторинга и существованием требований законодательства к сбору, обработке и хранению персональных данных. Обеспечение доверия на цифровой платформе, сочетающего в себе все три фактора (идентификацию, безопасность и конфиденциальность) повышает ее конкурентоспособность на рынке.

Согласно исследованию Digital Evolution Index в структуре цифрового доверия выделяются четыре элемента: поведение, отношение, среда и опыт¹²⁶. Среда доверия формируется предприятиями, которым принадлежит цифровая платформа путем создания системы мониторинга информации оператором,

¹²⁴Ворникова Е.Д. Понятие цифровой среды доверия // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т.13. № 6. С. 254.

¹²⁵Правовое регулирование цифровой экономики: история, теория, практика. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2019. – С. 38.

¹²⁶The Digital Evolution Index 2017 [Электронный ресурс] // URL: http://files.r-trends.ru/reports/Mastercard_DigitalTrust_PDFPrint_FINAL_AG.pdf (дата обращения: 26.06.2025).

разработки внутренней системы разрешения конфликтов, и государством, путем принятия специальных требований к деятельности оператора цифровой платформы. Категория опыта формируется из количества проблем и неполадок, которые возникают у пользователей платформы и позволяют оператору усовершенствовать работу цифровой платформы. Такие элементы как отношение и поведение контролируются пользователями платформы. Отношение характеризуется уровнем доверия пользователей к крупным технологическим компаниям, совершаемым онлайн-транзакциям и возможности безопасного хранения персональных данных. Поведение – это показатель того, с каким энтузиазмом и терпением пользователи взаимодействуют с цифровой средой¹²⁷.

Доверие на цифровых платформах строится с учетом всех вышеперечисленных элементов. Так, в предпринимательских отношениях с использованием цифровых платформ участники таких отношений получают дополнительные гарантии добросовестности поведения всех субъектов цифровой платформы, которая обеспечивается путем обязательной идентификации их на платформе (регистрация для доступа к платформе), мониторинге деятельности всех пользователей на платформе со стороны оператора (установление нарушений законодательства и (или) внутренних правил пользования платформы) и наличие внутренней неюрисдикционной системы защиты прав пользователей (возможность прямого обращения к оператору платформы для разрешения возникших проблем). Новый ФЗ № 289 в статье 5 закрепляет обязанность оператора посреднической платформы по проверке сведений о лице, намеревающемся стать партнером платформы или владельцем пункта выдачи заказов. Этот процесс осуществляется путем проверки информации, содержащейся в ЕГРЮЛ (ЕГРИП) или посредством идентификации и (или) аутентификации с использованием федеральной государственной информационной системы (ЕСИА) или иным способом,

¹²⁷Нурмухаметов Р.К., Торин С.С. Цифровое доверие (digital trust): сущность и меры по его повышению // Известия Тульского государственного университета: экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 35.

определяемым Правительством РФ. Включение такой нормы в новый закон подтверждает тезис о том, что создание среды доверия на цифровых платформах остается одной из приоритетных задач для регулятора.

Создание цифровой среды доверия при использовании цифровых платформ можно рассматривать как одну из социальных задач, стоящих перед предпринимателями и современным обществом. Реализация государственной социальной политики, которая включает в себя обеспечение справедливости, солидарности и доверия в обществе, невозможна без участия предпринимателей и без работы над предпринимательским законодательством¹²⁸. Цифровые платформы могут рассматриваться как один из инструментов предпринимательской деятельности, с использованием которого достигаются обозначенные выше социальные задачи и первоначально задача по обеспечению доверия.

Развитие цифровой экономики и продолжающийся процесс разработки новых технологий привели к тому, что появился абсолютно новый способ потребления товаров и услуг. Цифровизация создала условия для установления и реализации новых экономических связей с помощью информационных сервисов и цифровых технологий¹²⁹. Эти условия привели к появлению и развитию экономики совместного потребления (англ. sharing economy), которая предполагает коллективное использование товаров и услуг. Экономика совместного потребления существует при поддержке цифровой экономики, или, скорее, является ее составной частью, учитывая зависимость экономики совместного потребления от цифровой технологической инфраструктуры¹³⁰.

¹²⁸См. подробнее: Губин Е.П. Предпринимательское право как инструмент решения социальных задач современного общества (социальная функция предпринимательского права России) // Предпринимательское право. 2023. №3. С. 2 – 10.

¹²⁹Аюшеева И.З., Подузова Е.Б., Сойфер Т.В. Концептуальные основы правового регулирования отношений по коллективному использованию товаров и услуг (sharing economy) в условиях развития цифровых технологий: монография. – М.: Юстицинформ, 2021. – С. 13.

¹³⁰Awli O., Lau E. Digital and Sharing Economy for Sustainable Development: A Bibliometric and Systematic Review [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.3390/economies11040105> (дата обращения: 10.02.2025).

Первые упоминания об экономике совместного потребления были сделаны еще в 2008 году в работе Л. Лессига, который описывал данным термином процесс социального обмена, противопоставляемый традиционной «коммерческой» экономике¹³¹. Подробнее концепцию экономики совместного потребления описали Р. Ботсман и Р. Роджерс, которые сформулировали ее сущность и выделили признаки. Они определили экономику совместного потребления, как экономическую систему, которая основана на децентрализованных сетях и торговых площадках, которые раскрывают ценность недостаточно используемых активов путем сопоставления потребностей и состояния имущих, часто минуя традиционных посредников¹³². Среди признаков экономики совместного потребления выделяют: 1) доступ к продуктам или услугам без необходимости владения базовыми активами, 2) перераспределение товаров и 3) обмен нематериальными активами.

О роли цифровых платформ в экономике совместного потребления пишут Ж.-Ш. Роше и Ж. Тироль, которые связывают цифровые платформы с двусторонними рынками, которые определяются как рынки, на которых одна или несколько платформ обеспечивают взаимодействие между конечными пользователями и пытаются привлечь две (или несколько) сторон к сотрудничеству, взимая соответствующую плату с каждой из сторон¹³³. Платформа для экономики совместного потребления представляет собой рынок, который связывает воедино две группы пользователей (лиц, предлагающих и запрашивающих), причем каждая группа ценит присутствие пользователей с другой стороны. Учитывая такую значимость цифровых платформ для современной экономики и рост их количества они стали рассматриваться как новые бизнес-модели.

¹³¹ Lessig L. Two economies: Commercial and sharing. In: Remix: Making Art and Commerce Thrive in the Hybrid Economy [Электронный ресурс] // URL: <https://archive.org/stream/LawrenceLessigRemix/Remix-o.txt> (дата обращения: 10.02.2025).

¹³² Botsman R., Rogers, R. What's mine is yours: The rise of collaborative consumption // HarperCollins Publishers. 2015. P. 304.

¹³³ Rochet J.-C., Tirole J. Two-Sided Markets: An Overview [Электронный ресурс] // URL: https://web.mit.edu/14.271/www/rochet_tirole.pdf (дата обращения: 10.02.2025).

В самом общем смысле бизнес-модель – это метод ведения бизнеса, с помощью которого компания может обеспечить себе прибыль. Бизнес-модель описывает, как компания зарабатывает деньги, определяя, какое место она занимает в цепочке создания стоимости¹³⁴. П. Тиммерс определяет бизнес-модель через совокупность товаров, услуг и потоков информации, а также через описание участников бизнес-процесса, их роли в цепи ценности, потенциальных выгод с расшифровкой источников получения дохода¹³⁵. Полное и исчерпывающее определение бизнес-модели предложено в исследовании Дж. Мюллера и соавторов, которые утверждают, что бизнес-модели показывают, как компании разрабатывают и осуществляют свою деятельность, чтобы обеспечить ценность для своих клиентов, как они взаимодействуют со своими поставщиками, партнерами и заказчиками, и как они работают¹³⁶.

Среди функций бизнес-модели выделяются:

- 1) создание ценности для пользователей технологий;
- 2) определение сегмента рынка, на который ориентирована технология;
- 3) указание механизмов получения доходов;
- 4) определение всей цепочки создания стоимости, структуры затрат и доходов, а также бизнес-стратегии¹³⁷.

Цифровая платформа – это бизнес-модель, которая объединяет людей, организации и ресурсы с помощью технологий в интерактивную экосистему, в которой можно создавать новые ценности и делиться ими¹³⁸. Платформы могут эффективнее использовать ресурсы и создавать ценность за счет сетевых эффектов. Когда новые пользователи получают доступ к платформе,

¹³⁴Rappa M. Business Models On The Web [Электронный ресурс] // URL : <https://digitalenterprise.org/models/> (дата обращения: 10.02.2025).

¹³⁵Timmers, P. Business Models for Electronic Markets // Electronic Markets. 1998. Vol. 8. № 2. P. 4.

¹³⁶Müller J. M., Buliga O., Voigt, K. I. Fortune favors the prepared: How SMEs approach business model innovations in Industry 4.0 // Technological Forecasting and Social Change. 2018. Vol. 132. P.7.

¹³⁷Chesbrough H., Rosenbloom R. The role of the business model in capturing value from innovation: evidence from Xerox Corporation's technology spin-off companies. // Industrial and Corporate Change. 2002. Vol. 11. № 3. P. 533.

¹³⁸Parker G. G., Van Alstyne M. W. Choudary S. P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You // W. W. Norton & Company. 2016. P. 155.

они создают дополнительную ценность с каждым другим пользователем для платформы и начинают проявляться сетевые эффекты (экономия за счет масштаба). Е.П. Губин и Ю.С. Харитоновна пишут, что бизнес-модели цифровых платформ растут, потому что они изменили коммерческие традиции между потребителями и производителями и изобрели новые, удалив дистрибьютера из уравнения¹³⁹. Цифровая платформа как бизнес-модель основывается на взаимодействии, которое включает в себя три элемента: 1) участники платформы (производитель, который создает ценность, и потребитель, который потребляет ценность), 2) единица ценности (единица ценности, которая создается производителем в начале основного взаимодействия) и 3) фильтр (фильтры позволяют доставлять единицу ценности потребителям). Основываясь на алгоритмах, цифровая платформа позволяет обмениваться единицами ценности между пользователями платформы¹⁴⁰.

Цифровая платформа в качестве бизнес-модели определяется в «Концепции общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы»¹⁴¹, подготовленной Минэкономразвития России. Цифровая платформа понимается как бизнес-модель, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией (цифровыми сервисами), включая предоставление продуктов/услуг/информации собственного производства. Приведенное в данном докладе определение цифровой платформы демонстрирует, что к ним относятся такие модели осуществления предпринимательской деятельности, которые работают онлайн, связывают поставщиков и потребителей, но могут

¹³⁹Губин Е. П., Харитоновна Ю. С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8(340). С. 6.

¹⁴⁰Parker G. G., Van Alstyne M. W., Choudary S. P. Указ. Соч. С. 156.

¹⁴¹Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы» [Электронный ресурс] // URL: https://economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf (дата обращения: 10.02.2025).

распространять продукты (услуги) собственного производства. Чаще всего это услуги информационного сопровождения.

При рассмотрении цифровой платформы как экономической категории можно встретить идею об определении цифровой платформы в качестве части инфраструктуры рынка¹⁴². Цифровая платформа как вид (или часть) инфраструктуры рынка позволяет оптимизировать все процессы взаимодействия между ее пользователями. В доктрине инфраструктура товарного рынка определяется как совокупность организаций, обеспечивающих нормальную деятельность производителей (изготовителей), торговых посредников и розничных торговых организаций в процессе движения товаров, осуществляемых субъектами, формирующими структуру товарного рынка¹⁴³. Инфраструктура рынка выполняет ряд функций:

- 1) облегчает участникам рыночных отношений покупку и продажу товаров;
- 2) повышает эффективность и оперативность работы субъектов рынка;
- 3) организует оформление рыночных отношений
- 4) облегчает юридический и экономический контроль¹⁴⁴.

Рассматривая цифровую платформу через призму функций инфраструктуры рынка, можно сделать вывод о том, что цифровая платформа тоже является видом инфраструктуры. Основная задача цифровой платформы, это упрощение взаимодействия пользователей друг с другом в процессе покупки товаров или оказания услуг. Платформа предоставляет возможность быстрого заключения договоров и оплаты товаров (услуг или работ), контролирует все вопросы, связанные с логистикой и обеспечением доставки товаров по специально созданной системе доставки в пункты выдачи (для отдельных видов цифровых платформ), а также существование фигуры

¹⁴²Филиппова С.Ю., Харитонов Ю.С., Щербак Н.В. Правовое регулирование электронной коммерции: учебное пособие. – М.: Юстицинформ, 2024. – С. 82.

¹⁴³Коммерческое право: учебник для вузов /под общей ред. Е. А. Абросимовой, В. А. Белова, Б. И. Пугинского. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — С. 193.

¹⁴⁴Экономическая теория: Учебник / ВЗФЭИ; Под ред. Николаевой И.П. — 2-е изд. — М.: ЮНИТИ, 2008. — С. 76.

оператора цифровой платформы обеспечивает юридический и экономический контроль за деятельностью всех пользователей платформы.

Отмеченная выше значимая роль цифровой платформы в экономике позволяет выделить ее среди существующих технических и информационных сервисов, которые нашли закрепление в законодательстве.

Начать стоит с рассмотрения вопроса о разграничении таких категорий как «цифровая платформа» и «информационная система». Информационная система определена в статье 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» как совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств¹⁴⁵. Информационные системы активно используются в государственном и муниципальном управлении, что, по мнению С.Е. Чаннова, является спецификой именно Российской Федерации и в большинстве стран мира информационные системы, если и используются в публичном управлении, то их роль, как правило, является вспомогательной, в то время как в России они все чаще становятся одним из основных инструментов государственного управления¹⁴⁶.

В.Н. Лопатин дает следующее определение информационной системы: «технологическая система, представляющая собой совокупность технических, программных и иных средств, объединенных структурно и функционально для обеспечения одного или нескольких видов информационных процессов и предоставления информационных услуг»¹⁴⁷. В.М. Жерновой отмечает о наличии в информационной системе двух ключевых составляющих:

¹⁴⁵Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (часть I). Ст. 3448; СЗ РФ. 4.08.2025. № 31. Ст. 4679.

¹⁴⁶Чанов С.Е. Использование цифровых технологий в сфере публичного управления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21. №. 4. С. 424.

¹⁴⁷Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право: Учебник / Под ред. Топорнина. – СПб.: Юрид.центр Пресс, 2001 г. – С. 165.

информации и технических компонентов, которые позволяют осуществлять ее обработку¹⁴⁸.

Законодатель выделяет в составе информационной системы отдельные элементы, которые в совокупности образуют информационную систему: информация, информационные технологии и технические средства. Цифровая платформа по своей структуре тоже состоит из отдельных элементов, которые в своем единстве образуют платформу и часть этих элементов совпадает с элементами информационной системы, но не исчерпывается ими (наличие других объектов и специальных цифровых технологий). Вся деятельность информационной системы нацелена на обработку информации и оказание информационных услуг, в то время как цифровая платформа, в своей основе осуществляя информационную функцию, не ограничивается ею и спектр услуг, которые она может оказывать шире и зависит от конкретного вида платформы (к прим. агрегатор информации не только предоставляет информацию о товарах (услугах), но и обеспечивает возможность заключения договоров с продавцами и осуществления оплаты товаров (услуг) через платформу). Таким образом, основа цифровой платформы совпадает с информационной системой, однако, она отличается от системы наличием определенных особенностей в технологических возможностях платформы, ввиду чего может рассматриваться как вид информационной системы. Данная точка зрения поддерживается в доктрине, так, Пашкин С.А. пишет: «Цифровые платформы – это сложные информационные системы, в которых идут бизнес-процессы, обеспечивающие выполнение функций взаимосвязи между участниками рынков, открытые для использования клиентами и партнерами, разработчиками приложений, поставщиками услуг и агентами»¹⁴⁹. В рамках аналитического доклада Центра подготовки руководителей цифровой трансформации по теме «Стратегия цифровой

¹⁴⁸Жернова В.М. Правовой режим информационных систем: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.13 / Жернова Влада Михайловна. – Челябинск, 2017. – С. 15.

¹⁴⁹Пашкин С.А. «Развитие цифровых платформ в России» [Электронный ресурс] // URL: <https://research-journal.org/archive/1-139-2024-january/10.23670/IRJ.2024.139.47#metrics> (дата обращения: 13.01.2025).

трансформации» было дано еще одно определение цифровой платформы как вида информационной системы: «цифровая платформа — это автоматизированная информационная система особого класса. Она позволяет неограниченному либо условно неограниченному кругу лиц пользоваться ее возможностями через интернет и решать свои технологические или функциональные задачи в автоматизированном режиме¹⁵⁰».

Цифровая платформа, однако, не исчерпывается определением ее как вида информационной системы. В соответствии с ФЗ № 289 цифровая платформа – это информационная система, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. ФЗ № 289 закрепляет, что платформа может выступать как в качестве вида информационной системы, так и представлять собой иной сложный объект, образующийся из совокупности других объектов (сайт и программа для ЭВМ).

Дискуссионным остается и вопрос соотношения категорий «цифровая платформа» и «цифровая экосистема». Экосистема как экономический термин, это самоорганизующаяся, устойчивая система, в основе которой лежат цифровые платформы, образующие единую информационную среду, в которой участники экосистемы могут взаимодействовать при отсутствии между ними сложных функциональных связей¹⁵¹. В сфере малого и среднего предпринимательства экосистема обозначает сетевую среду с открытым исходным кодом для бизнеса, позволяющую эффективно взаимодействовать друг с другом внутри сети и с другими пользователями¹⁵². А.Е. Шаститко, А.А. Курдина и И.Н. Филиппова определяют экосистему как совокупность

¹⁵⁰ Доклад «Стратегия цифровой трансформации» [Электронный ресурс] // URL: <https://strategy.cdto.ranepa.ru/6-2-cifrovye-proekty-i-platformy> (дата обращения: 13.01.2025).

¹⁵¹ Barykin S.Y., Kapustina I.V., Kirillova T.V., Yadykin V.K., Konnikov Y.A. Economics of Digital Ecosystems // Journal of Open Innovation Technology Market and Complexity. 2020. Vol.6. № 124. P. 8.

¹⁵² Martin F. M. The digital ecosystem related with the development of SMEs // Conference Paper. 2009. P. 138.

хозяйствующих субъектов, тесно связанных с ключевой фирмой, технологией («фокальной инновацией», производимой одним из субъектов) или платформой (рассматриваемой как особый вид технологии и контролируемой владельцем или «спонсором» платформы) и взаимодействующих с ней и между собой на базе гибридного механизма управления транзакциями¹⁵³. М. Дж. Якобит и К. Джинами дают следующее определение экосистеме: «это совокупность участников с различной степенью многосторонней, непатентованной взаимодополняемости, которые не контролируются полностью иерархически»¹⁵⁴. А.Н. Арзамскин анализируя структуру цифровой экосистемы приходит к выводу, что составными элементами цифровых экосистем, как правило, являются цифровые платформы, посредством которых субъектам экосистемы предоставляются различные продукты и услуги, именно цифровая платформа выступает базовым элементом цифровой экосистемы¹⁵⁵.

На наш взгляд, ставить знак равенства между «цифровой платформой» и «цифровой экосистемой» не представляется возможным ввиду структурных особенностей описываемых категорий. Экосистема представляет собой расширенную сеть платформ, в своей основе имеющая цифровую платформу, с помощью которой происходит расширение и построение цифровой экосистемы.

Однако, в литературе можно найти исследования, в которых выделяется идея, что экосистема и есть многосторонняя цифровая платформа¹⁵⁶. Такой подход можно встретить в работах зарубежных авторов, которые пишут о наличии экосистемы внутри цифровой платформы, когда речь идет о

¹⁵³Шаститко А.Е., Курдин А.А., Филиппова И.Н. Мезоинституты для цифровых экосистем // Вопросы экономики. 2023. № 2. С. 69.

¹⁵⁴Jacobides M. G., Cennamo C., Gawer A. Towards a theory of ecosystems // Strategic Management Journal. 2018. Vol. 39. № 8. P. 16.

¹⁵⁵Арзамскин А.Н. «Цифровые экосистемы в современном российском обществе: понятие, общая характеристика, правовой аспект регулирования» // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2(68). С. 11.

¹⁵⁶Иващенко Н.С., Зернова Л.Е., Мишаков В.Ю. Бизнес-экосистема как форма ведения бизнеса: виды, принципы партнерства и направления развития в текстильной промышленности // Технология текстильной промышленности. 2022. № 1(397). С. 40.

цифровых платформах, в сфере программного обеспечения (Apple и магазин приложений App Store)¹⁵⁷. Но данный подход не учитывает природу цифровой экосистемы, которая создается и функционирует на базе цифровой платформы и не может существовать без платформы.

В отечественных нормативных правовых актах придерживаются первого подхода, например, в «Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов», экосистеме (цифровой экосистеме) дается следующее определение: «это совокупность сервисов, в том числе платформенных решений, одной группы компаний или компании и партнеров, позволяющих пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках единого бесшовного интегрированного процесса. Экосистема может включать в себя закрытые и открытые платформы»¹⁵⁸. Минэкономразвития тоже предлагает свое определение: «цифровая экосистема — это клиентоцентричная бизнес-модель, объединяющая две и более группы продуктов, услуг, информации (собственного производства и/или других игроков) для удовлетворения конечных потребностей клиентов (безопасность, жилье, развлечения и т.д.)»¹⁵⁹. Если обратиться к международным актам, то в решении Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года», цифровая экосистема определяется как открытая устойчивая система, включающая субъекты цифровой экосистемы (физических, юридических, виртуальных и пр.), а также связи и отношения этих субъектов в цифровой форме на основе сервисов цифровой платформы¹⁶⁰.

¹⁵⁷Parker G.G., Van Alstyne M.W., Jiang X. Platform Ecosystems: How Developers Invert the Firm // MIS Quarterly. 2017. Vol. 41. №. 1. P. 258.

¹⁵⁸Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов // Вестник Банка России. 2024. № 5.

¹⁵⁹Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы» [Электронный ресурс] // URL: https://economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

¹⁶⁰Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // <https://docs.eaeunion.org/documents/320/3264/> (дата обращения: 15.02.2025).

Нормативное закрепление понятия цифровой экосистемы подтверждает тезис о том, что цифровая платформа и экосистема не тождественные понятия и обозначают различные, но связанные между собой явления.

Вывод: При характеристике цифровой платформы, как нового инструмента осуществления предпринимательской деятельности необходимо учитывать его сложную технологическую структуру, которая включает в себя цифровые технологии, выделяющие платформу среди всех урегулированных законодателем информационных сервисов. Так, при разработке правового режима цифровой платформы, в зависимости от своего назначения, она может быть рассмотрена как вид информационной системы и «сложный» объект права, образующийся совокупностью отдельных объектов. Отличительная черта платформы, наличие в ней цифровых технологий, которые способствуют формированию прозрачной и безопасной среды доверия, в которой пользователи платформы приобретают дополнительные гарантии добросовестного поведения всех участников предпринимательских отношений с использованием данной платформы и тем самым сокращают риски, связанные с неисполнением обязательств между ними. Прямым следствием существования среды доверия на цифровых платформах служит их расширение в цифровые экосистемы, которые представляют собой устойчивую среду для бесперебойного обмена информацией и взаимодействия всеми субъектами этой экосистемы, в основе которой лежит цифровая платформа.

Для экономики и рынка цифровые платформы определяются как новые бизнес-модели, в связи с более эффективным использованием ресурсов и созданием ценности за счет сетевых эффектов. Цифровая платформа как бизнес-модель стала основой для возникновения экономики совместного потребления, в сущности, изменившая традиционный подход к осуществлению предпринимательской деятельности, которая в рамках этой экономики предполагает коллективное использование товаров (услуг), где

преимущество отдается обмену и аренде вместо владения¹⁶¹. В рамках осуществления предпринимательской деятельности цифровая платформа способна оптимизировать все процессы, связанные с продажей товаров (оказанием услуг или выполнением работ), путем обеспечения возможности организации встреч, заключения договоров, оплаты соответствующих товаров (услуг или работ) и доставки товаров (предоставления услуг или выполнения работ) для всех пользователей цифровой платформы.

¹⁶¹Лымарь Е. Н. Экономика совместного потребления в современной России // Вестник ЧелГУ. 2018. № 12. С. 68.

§3. Классификация видов цифровых платформ

Важным аспектом в исследовании цифровых платформ является проблематика, связанная с их классификацией. Классификация цифровых платформ позволят выработать соответствующее регулирование деятельности с их использованием в зависимости от конкретного вида цифровой платформы. Стоит отметить, что в доктрине, как отечественной, так и зарубежной, не существует общепринятой универсальной классификации цифровых платформ, их предложено множество, но некоторые из них имеют фундаментальное значение для исследования.

Американские исследователи К.Дж. Бурдо и К.Ф. Лахани классифицируют цифровые платформы в зависимости от их бизнес-модели. При классификации, основанной на этом аспекте, различают три вида платформ: интегрированная платформа, продуктовая платформа и многосторонняя платформа¹⁶².

Первый вид – интегрированная платформа, которая представляет собой «звено» между внешними участниками и конечными пользователями¹⁶³. Например, компания Apple предоставляет платформу, с помощью которой внешние участники (например, разработчики программного обеспечения для iOS) могут подключаться и создавать приложения для конечных пользователей. Согласно этой модели, Apple может напрямую отслеживать и контролировать транзакции, и получать прибыль от транзакций, происходящих на ее платформе. Примерами таких платформ служат еще InnoCentive.com и Google Android.

Второй вид платформы —продуктовая платформа. Для этой платформы характерно, что внешние разработчики опираются на базовую технологию, предоставляемую владельцем платформы, и продают продукты (услуги) напрямую конечным пользователям (без участия владельца платформы).

¹⁶²Boudreau K. J., Lakhani K. R. How to Manage Outside Innovation // MIT Sloan Management Review. 2009. P. 73.

¹⁶³Hagiu A. Merchant or Two-Sided Platform? // Harvard NOM Working Paper. 2006. № 950100. P. 2.

Таким образом, в соответствии с этой моделью владелец платформы в меньшей степени контролирует взаимодействие между внешними участниками и конечными пользователями. Эта модель используется, например, в сервисах облачных вычислений, таких как Linux и Google.

Третий вид— это многосторонняя платформа. Впервые формальное определение двусторонности и многосторонности платформ было дано Ж.-Ш.Роше и Ж. Тиролем в 2004 году¹⁶⁴. Это платформа, в которой внешние участники могут свободно взаимодействовать с конечными пользователями через платформу. Кроме того, внешний разработчик не обязан взаимодействовать с владельцем платформы во время проектирования и разработки нового продукта или услуги, в то время как владелец платформы может устанавливать определенные правила и регламенты для внешних разработчиков. Эта модель применяется такими платформами как eBay.

Относительно многосторонних платформ, Д.С. Эванс предлагает подразделять их на три вида¹⁶⁵:

1) Создатели рынка (англ. Market-Makers) позволяют участникам отдельных групп совершать сделки на платформе.

2) Создатели аудитории (англ. Audience-Makers) сопоставляют рекламодателей с целевыми аудиториями.

3) Координаторы спроса (англ. Demand-Coordinators). Такой тип платформ не занимается продажами в понимании Market-Makers и не распространяет рекламные сообщения, как Audience-Makers, эти платформы скорее представляют собой остаточную категорию. Координаторы спроса производят товары и услуги, которые создают косвенные сетевые эффекты для двух или более групп.

Классификация видов платформ в зависимости от их бизнес-модели может иметь ключевое значение для разработки регулирования

¹⁶⁴Rochet J.-C., Tirole J. Two-Sided Markets: An Overview [Электронный ресурс] // URL: https://web.mit.edu/14.271/www/rochet_tirole.pdf (дата обращения: 16.03.2025).

¹⁶⁵Evans D.S. The Antitrust Economics of Multi-Sided Platform Markets // Yale Journal on Regulation. 2003. Vol. 20. № 2. P. 334.

предпринимательской деятельности с использованием каждой из них. Так, степень вовлеченности владельца и (или) оператора отличается для каждого вида цифровой платформы, что в свою очередь ведет к установлению разных требований и мер ответственности для этих субъектов. Аналогично строятся и механизмы защиты прав пользователей, так, для продуктовой и многосторонней платформы будут предусмотрены усиленные меры защиты прав конечных пользователей, в то время как для интегрированной платформы характерна большая вовлеченность владельца и (или) оператора, с их стороны осуществляется определенный контроль и мониторинг и введение дополнительных мер для защиты прав и законных интересов пользователей не требуется.

В своем исследовании¹⁶⁶ К.Дж. Бурдо и К.Ф. Лахани предложили еще одну классификацию, в основе которой лежит такой критерий, как способ взаимодействия между внешними участниками. Они предложили два вида платформ, основанных на этом критерии: платформы для сотрудничества и конкурентные платформы.

Первая категория, платформы для совместной работы, включает платформы, которые регулируются общественными нормами и гибкими правилами. В рамках этой категории сторонним разработчикам предлагается предоставлять открытый доступ к информации. Примерами платформ для совместной работы являются Threadless, SAP developers network и Google для разработки приложений для Android, Википедия и т.д.

Во второй категории, конкурентных платформ, внешние разработчики создают конкурирующие товары или услуги. Конечные пользователи, находящиеся на другой стороне платформы, выбирают одну из них, исходя из своих предпочтений и потребностей. Примерами конкурентных платформ являются консоли для видеоигр, TopCoder и Local Motors (для разработки идей дизайна автомобилей).

¹⁶⁶Boudreau K. J., Lakhani K. R. How to Manage Outside Innovation // MIT Sloan Management Review. 2009. P.74.

Такой критерий как «способ взаимодействия участников» является общим и не имеющим достаточного практического значения. Приведенный критерий разграничивает платформы на две группы, в которых оказываются совершенно разные по своему функциональному назначению платформы и определить правовое регулирование исходя только из способа взаимодействия участников не представляется возможным, так как не учитывает множество других особенностей цифровых платформ, которые могут быть объединены в отдельные группы.

Существует классификация цифровых платформ в зависимости от субъектов, между которыми происходит взаимодействие на платформе или для удовлетворения чьих интересов создана платформа. С помощью этого критерия выделяются платформы: B2B (взаимодействие коммерческих организаций), B2C (бизнес для потребителя) и C2C (взаимодействие потребителей)¹⁶⁷.

На платформе B2B участниками будут только субъекты предпринимательства. В этом сегменте один бизнес продает продукты другому таким образом, чтобы это было выгодно обеим сторонам. В этом случае крупная торговая площадка, такая как Alibaba, будет продавать товары оптом поставщикам, которые, в свою очередь, будут продавать их своим покупателям. Такая платформа дает преимущества различным сторонам: крупная торговая площадка позволяет продавать значительные объемы продукции постоянным оптовым покупателям, поставщик избавляется от необходимости искать товары и приобретает значительные запасы по конкурентоспособным ценам, а конечному потребителю предлагается широкий ассортимент товаров по разумным ценам.

Платформа B2C представляет собой классическое взаимодействие продавца и покупателя. Этот тип торговой площадки объединяет широкий круг предпринимателей, потребителей и продуктов в рамках единой

¹⁶⁷Different Types of Online Marketplaces: C2C, B2B & B2C [Электронный ресурс] // URL: <https://datacluster.com/different-types-of-online-marketplaces-c2c-b2b-b2c> (дата обращения: 14.03.2025).

платформы, управляемой владельцем. Платформа В2С предлагает широкий спектр преимуществ для всех вовлеченных сторон: владелец платформы получает регулярный доход от каждого предпринимателя, предприниматель имеет доступ к большому количеству существующих потребителей и пользуется набором услуг, предоставляемых владельцем, а потребитель получает доступ к системе «одного окна» с большим ассортиментом продукции и конкурентоспособными ценами.

Платформа С2С объединяет не коммерческие организации, а физических лиц с общими интересами. Их целью может быть экономия денег, совместное использование услуг или продвижение общих целей. Примером, предоставляемой через С2С платформу услуги является совместное использование поездок. Водитель предоставляет место в своем транспортном средстве, в то время как пассажиры могут добраться до места назначения в обмен на стоимость топлива. Однако целью такого рода платформ является не только обеспечение экономии денежных средств, например, платформа Etsy поощряет контакты между людьми, разделяющими хобби. Хотя снижение затрат является очевидным преимуществом, такая платформа также укрепляет социальные отношения между всеми вовлеченными сторонами.

Субъектный состав в качестве критерия разграничения цифровых платформ имеет правовое значение, так как от субъектного состава напрямую зависит какого характера требования будут сформированы к владельцу и (или) оператору, а также к пользователям цифровой платформы. Так, для платформ В2В необходимо предусмотреть такую систему способов защиты прав и законных интересов, которая формируется с учетом субъектного состава такой платформы, где обе стороны являются равными субъектами предпринимательской деятельности. Для платформ В2С необходимо установить систему требований и мер ответственности для владельца и (или) оператора цифровой платформы в качестве дополнительной защиты прав пользователей платформы (слабой стороны договора). Платформа С2С предполагающая участие исключительно не коммерческих субъектов,

нуждается в установлении в отношении владельца и (или) оператора такой платформы обязанностей по внутреннему контролю и защите прав пользователей.

Отечественные исследователи тоже предлагают различные классификации цифровых платформ с использованием критериев функциональности, масштаба деятельности, применяемой технологии и т.д. М.В. Рыжкова отмечает, что цифровые платформы появляются все чаще в самых разных сферах деятельности и соответственно классификаций этих платформ по функциональному принципу в литературе огромное множество. Автор приводит несколько примеров классификаций платформ, в основу которых лег критерий функциональности¹⁶⁸:

- 1) операционные (Uber, Gett, Yandex), инновационные (Android, IOS, Microsoft Windows), интегрированные (Apple: App Store, iCloud), инвестиционные платформы (Kickstarter);
- 2) агрегированные (Alibaba)), социальные (VK), мобилизационные (Bitrix24), обучающие платформы (YouTube, Coursera);
- 3) инструментальные (Java, Andriod), инфраструктурные (Госуслуги, Predix), прикладные платформы (Яндекс, Avito, Booking);
- 4) социальные сети и мессенджеры (VK, Telegram), платформы электронной коммерции (Amazon, Alibaba), платформы совместного пользования (AirBnB, Uber), поисковые системы (Google, Яндекс);
- 5) классификация простым перечислением сфер производства: сельское хозяйство, потребительские товары, энергетика и т.д.

Функциональный критерий также лег в основу классификации А.А.Карцхия, который использует функциональное назначение платформ и делит их на: осуществляющие электронную торговлю (включая глобальные интернет-магазины (маркетплейс); предоставляющие информационные услуги и являющиеся агрегаторами данных; оказывающие услуги

¹⁶⁸Рыжкова М.В. Концептуализация феномена «цифровая платформа»: рынок или бизнес? // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 47. С. 55.

(пассажирские перевозки, предоставление компьютерных вычислительных мощностей или данных и др.); организующие управление интеллектуальных («умных») предприятий и иных технологических платформ; управляющие различным бизнесом: финансовые и биржевые операции (включая криптобиржи, криптобанки, торговые электронные площадки); а также предоставляющие государственные услуги (сервисы) в цифровой (электронной) форме¹⁶⁹.

Функциональный критерий наиболее полно учитывает особенности цифровых платформ и может являться ключевым при их классификации. Данный критерий позволяет распределить все существующие цифровые платформы по группам и разработать соответствующее регулирование, которое будет отвечать потребностям пользователей платформы и соответствовать ее функциональной составляющей. В зависимости от конкретного вида деятельности, осуществляемой на цифровой платформе, будет строиться правовой режим платформы и правовое регулирование деятельности, связанной с ее использованием.

А.В. Бабкин и П.А. Михайлов предлагают свою классификацию цифровых платформ по основным типам¹⁷⁰:

1) инструментальная цифровая платформа, в основе которой лежит программный комплекс, с помощью которого создаются прикладные решения с использованием типовых функций и интерфейсов для обработки информации и с применением сквозных технологий работы с данными.

Примеры: Android OS, iOS, Java, Intel x86 и т.д.;

2) инфраструктурная цифровая платформа – это уровень экосистем участников рынков информатизации, на которые выводятся IT-сервисы. Происходит объединение поставщиков информации, разработчиков и

¹⁶⁹Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 26.

¹⁷⁰Бабкин А.В., Михайлов П.А. Цифровые платформы в экономике: понятие, сущность, классификация // Вестник Академии знаний. 2023. № 54 (1). С. 33.

операторов платформ, разработчиков и потребителей IT-сервисов. Примеры: General Electric Predix, ЭРА-ГЛОНАСС;

3) прикладная цифровая платформа представляет собой площадку для обмена ценностями между разными участниками рынка. Происходит заключение и выполнение сделок между различными экономическими субъектами – поставщиками товаров производственных ресурсов, их потребителями, а также операторами платформ и регуляторами. Примеры: Aliexpress, Uber, Яндекс Такси, Avito и т.д.

Предложенная классификация по основным типам делает акцент на платформах, которые используются на рынках по разработке новых технологий (интегрированные и инфраструктурные), а все остальные платформы объединены в группу прикладных, в которую, по описанию платформы, не могут быть включены социальные сети и поисковые системы.

Еще одним примером классификации является предложенная Е.М. Стыриным, Е.Н. Дмитриевой метаклассификация цифровых посреднических площадок, включающая в себя позиции ряда исследователей. Они предлагают выделять виды цифровых платформ в зависимости от следующих критериев¹⁷¹:

- по функциональной направленности выделяют: платформы электронной коммерции, коммуникационные платформы, мультимедийные платформы, краудсорсинговые платформы, транзакционные платформы, инновационные платформы, интегрированные платформы;
- по экономической модели: платформы для обмена, платформы для творчества, платформы для разработки приложений;
- по применяемым технологиям: платформы, предлагающие коммодитизированные услуги и платформы, предлагающие некоммодитизированные услуги;

¹⁷¹Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е. Государственные цифровые платформы: формирование и развитие: монография. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — С. 164.

- по отраслевому признаку: например, платформы в области сельского хозяйства, медиа, образования, здравоохранения и т.д.

На две большие группы разделяет цифровые платформы В.Д. Маркова, используя критерии количества типов участников и способов создания дополнительной ценности¹⁷².

Первая группа — платформы-агрегаторы, которые могут именоваться рыночными платформами. Такая платформа облегчает взаимодействие между продавцом и покупателем, в особенности, упрощается процесс транзакций. Примерами таких платформ служат все электронные торговые площадки или маркетплейсы, поисковые системы Google, Яндекс, платформы Uber, «ЦИАН.РУ» и др.

Вторую группу представляют многосторонние (или отраслевые) платформы, которые характеризуются более сложным составом участников. Участники таких платформ представлены четырьмя группами: владелец платформы, потребители, посредники и обязательно разработчики дополнительных продуктов, услуг, сервисов, которые могут работать в любой части света, получив доступ к технологическому ядру платформы через прикладной программный интерфейс. Именно разработчики во многом формируют дополнительную ценность многосторонней платформы, обеспечивая ее инновационное развитие.

Рассматривая отдельно агрегаторов, А.Е. Шаститко и О.А. Маркова, предлагают выделять четыре вида используя критерий степени свободы потребителей и производителей при взаимодействии с платформой¹⁷³:

- 1) с полной свободой каждой из сторон при принятии решения о заключении договора с контрагентом (HeadHunter);
- 2) только с одним вариантом выбора контрагента (позиция потребителя в Яндекс.Такси);

¹⁷²Маркова В.Д. Платформенные модели бизнеса: подходы к созданию // ЭКО. 2019. № 5(539). С. 107.

¹⁷³Шаститко А.Е., Маркова О.А. Агрегаторы вокруг нас: новая реальность и подходы к исследованию // Общественные науки и современность. 2017. № 4. С.9.

3) с максимальной свободой выбора контрагента на стороне потребителя и ограниченной свободой выбора у производителя (iTunes.store);

4) с максимальной свободой выбора контрагента на стороне производителя и ограниченной свободой выбора у потребителя (позиция таксиста как исполнителя услуг в Яндекс.Такси).

В литературе можно найти также классификации платформ в зависимости от области их использования. Например, в сфере предпринимательской деятельности, по мнению Г.И. Абдрахмановой, Л.М. Гохберг и А.В. Демьяновой, выделяется не менее восьми типов цифровых платформ: 1) маркетплейсы и агрегаторы; 2) классифайды; 3) шеринговые платформы; 4) платформы рынка труда; 5) финтех-решения и краудфандинг; 6) информационно-справочные платформы; 7) развлекательные ресурсы; 8) социальные сети и мессенджеры¹⁷⁴.

И.З. Гелисханов, Т.Н. Юдина и А.В. Бабкин пишут, что в рамках платформенной экономики можно выделить три различные модели платформ, принцип разделения которых зависит от того, кто владеет активом и кто устанавливает цены и другие условия: децентрализованная, централизованная и гибридная модели¹⁷⁵.

В децентрализованной модели поставщик актива устанавливает свои условия и предлагает актив непосредственно пользователю. А платформа, в свою очередь, связывает между собой участников и упрощает транзакции в обмен на небольшую комиссию (AirBnB, Booking).

Централизованная модель, где владеет активом и устанавливает цены владелец платформы. Ему принадлежит контроль над качеством и стандартизацией и он забирает большую долю от стоимости транзакции, при этом затраты на масштабирование также намного выше (Zipcar, Rent the Runway).

¹⁷⁴Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад [Электронный ресурс] // URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/832628936.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁷⁵Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 6. С. 26.

В случае с гибридной моделью платформ, владельцы активов предлагают услугу с ценой и стандартами, установленными цифровой платформой. Здесь наблюдается децентрализация владения и рисков, и в то же время централизация стандартизации и уровня обслуживания (Uber, Lyft).

Разграничение платформ исходя из факта владения и распоряжения ресурсом платформы представляется интересным с практической точки зрения. Такой критерий разграничения достаточно «удобен» для законодателя, так как сразу предполагает установление разного содержания требований к владельцу и (или) оператору платформы. Если в случае с децентрализованной платформой со стороны государства необходимо предусмотреть дополнительные механизмы контроля за деятельностью на платформе для защиты прав и интересов пользователей, то в случае с централизованной платформой механизмы контроля и мониторинга деятельности на цифровых платформах осуществляется самостоятельно владельцем и (или) оператором платформы.

Исходя из критерия, чьим интересам должна служить цифровая платформа Л.К. Терещенко делит их на публичные и частные. К частной сфере относятся: маркетплейсы, классифайды, шеринг-платформы, финансовые платформы и т.д. В свою очередь, публичные цифровые платформы имеют отраслевую специфику, «подстроены» под потребности и задачи отрасли (например, государственная цифровая платформа в социальной сфере, в сфере занятости и т.д.), под реализацию конкретных государственных или муниципальных задач¹⁷⁶.

Еще одним примером классификации цифровых платформ служит примененное, в процессе разработки Пятого антимонопольного пакета, разделение платформ на транзакционные и нетранзакционные¹⁷⁷. Нетранзакционные платформы предоставляют товары и услуги на самой

¹⁷⁶Терещенко Л.К. Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 166.

¹⁷⁷Интервью Сергея Пузыревского журналу «Конкуренция и право» [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/p/contents/2671> (дата обращения: 15.03.2025)

цифровой платформе (социальные сети, видеохостинги), а транзакционные платформы организуют взаимодействие участников других (зависимых) рынков (маркетплейсы, агрегаторы)¹⁷⁸. Очевидным недостатком данного деления служит то, что антимонопольное регулирование распространяется только на транзакционные платформы, в то время как нетранзакционные тоже могут оказывать влияние на конкуренцию на отдельных рынках, так и конкурировать между собой.

Вывод: Цифровая платформа является сложным по своей технологическому составу объектом, что позволяет охарактеризовать ее как многофункциональную структуру. В приведенных выше классификациях критерий функциональности был использован чаще остальных и позволял распределить по группам наибольшее количество цифровых платформ. Но он является недостаточным и использование только одного критерия функционального назначения как основание для формирования универсальной классификации для всех сфер регулирования приведет к путанице и игнорированию отдельных аспектов деятельности по использованию цифровых платформ.

На наш взгляд, использование критериев функциональности и типа бизнес-модели имеет правовое значение для целей антимонопольного регулирования (например, для выявления количественных критериев доминирующего положения для различных рынков, функционирующих с использованием цифровых платформ), а классификация по критерию субъектного состава играет решающую роль, при разработке системы требований и мер ответственности для пользователей цифровых платформ, владельца и оператора платформы и организации контроля и мониторинга за деятельностью, осуществляемой всеми субъектами при использовании цифровой платформы.

¹⁷⁸Экосистемы и цифровые платформы, анализ рынка, антимонопольный комплаенс. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.delcredere.org/publications/808/> (дата обращения: 15.03.2025).

Глава 2. Структура предпринимательских отношений с использованием цифровых платформ

§1. Правовой режим цифровой платформы в предпринимательской деятельности

Определение категории объекта деятельности напрямую связано с вопросом соотношения таких понятий как «объект права» и «объект правоотношений». Субъекты правоотношений осуществляя свои субъективные права или исполняя обязанности формируют общественные отношения, подвергающиеся правовому регулированию. Из чего прямо следует, что объектом «правоотношений» является сама деятельность (поведение) сторон¹⁷⁹. Однако в законодательстве объекты правоотношений нашли закрепление в виде предметов деятельности субъектов правоотношений (ст. 128 ГК РФ). М.М. Агарков писал, о необходимости рационализации терминологии и понимать в качестве объекта права то, на что направлено поведение обязанного лица, прежде всего вещь, а поведение же обязанного лица, характеризуемое теми или иными признаками, называть содержанием правоотношения¹⁸⁰.

В доктрине превалирует позиция отождествления «объекта правоотношений» с «объектом права», исходя из того, что объекты (материальные и нематериальные блага) являются не только объектами прав, но и обязанностей, что, в свою очередь и составляет содержание правоотношения, ввиду чего категории совпадают. Е.А. Суханов также отмечает, что поведение участников невозможно рассматривать изолированно

¹⁷⁹Гражданское право: учебник: в 4-х т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. Т. I. – С.100.

¹⁸⁰Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву: монография. – Москва: Юриздат НКЮ СССР, 1940. – С. 22.

от тех объектов, по поводу которых оно осуществляется, так как такое поведение не является беспредметным или бесцельным¹⁸¹.

Определить роль объекта в имущественных отношениях можно с помощью двух подходов: объективного и субъективного¹⁸². Через призму объективного подхода, объект права будет определяться как общественные отношения имущественного характера, основанные на равенстве сторон, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, которые представляют собой предмет регулирования, а в соответствии с субъективным подходом объект представляет собой различные виды имущества, работ, услуг и иных благ.

Цель выделения категории объекта правоотношений состоит прежде всего в необходимости установить применимый к нему правовой режим. Впервые категория правового режима была упомянута в работе А. В. Венедиктова, который определял правовой режим как специальные правила о порядке образования и использования имущества¹⁸³. В настоящее время в доктрине существует несколько подходов к определению «правового режима»¹⁸⁴. Первый исходит определение правового режима через предмет общественного отношения. Так, И. Л. Бачило пишет: «правовой режим – это нормативно установленные правила относительно определенного предмета отношений или ситуации, которые должны соблюдаться участниками отношений по поводу этого предмета (объекта или определенной ситуации)»¹⁸⁵. Она отмечает, что «правовой режим дает определение юридической природы предмета отношений и содержит требования и принципы поведения субъектов в определенной ситуации». Второй подход берет за основу регулирующее значение правового режима и исходя из такого

¹⁸¹Гражданское право: учебник: в 4-х т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. Т. I. – С. 336.

¹⁸²Свирков С.А. К вопросу об объектах гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 115.

¹⁸³Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948 г. – С. 381.

¹⁸⁴Подшивалов Т.П. Объект гражданских прав и правовой режим: проблема определения // Вестник УЮрГУ. Серия Право. 2013. Т.13. № 3. С. 50.

¹⁸⁵Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. - М.: Юристъ, 2001. – С. 812.

понимания А. В. Малько пишет, что «правовой режим – это не столько результат, сколько система условий и методик осуществления правового регулирования, определенный «распорядок» действия права, необходимый для оптимального достижения соответствующих целей»¹⁸⁶. Выделяется также третий подход, сторонники которого исходят из объектной и функциональной характеристик правового режима. Э. Ф. Шамсумова определяет правовой режим «как особый порядок законодательного урегулирования деятельности, действий или поведения физических и юридических лиц в различных сферах общественных отношений либо на определенных объектах, включающий в себя установление механизма обеспечения фактической реализации системы стимулов, нормативов, гарантий, запретов, обязываний, ограничений, а также их компетентное исполнение, применение мер принуждения и привлечения виновных к ответственности»¹⁸⁷.

Правовой режим – это категория, которая характеризуется наличием в своей структуре ряда элементов, которые в различных сочетаниях формируют разные виды правовых режимов. Определение правового режима через его структуру дается в трудах С.С. Алексева, где он пишет: «правовой режим – это порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных связываний и создающих особую направленность регулирования»¹⁸⁸. О наличии в структуре правового режима правовых средств пишет и Г.С. Беляева: «правовой режим можно определить как особый порядок правового регулирования общественных отношений, основанный на определенном сочетании правовых средств (в т.ч. и способов правового регулирования), гарантий и принципов, создающий благоприятные (неблагоприятные) условия для удовлетворения интересов субъектов права и направленный на достижение оптимального социально-значимого

¹⁸⁶Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2003. – С. 206–207.

¹⁸⁷Шамсумова Э. Ф. Правовые режимы: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01/ Шамсумова Эмма Файсаловна. – Екатеринбург, 2001. – С. 15.

¹⁸⁸Алексеев С. С. Теория права. — М.: Издательство БЕК, 1995. — С. 243.

результата»¹⁸⁹. Структурные элементы правового режима предлагают разделять на три уровня¹⁹⁰:

1. Первый уровень состоит из элементов, образующих механическую основу правового режима, который выражается в соответствующих элементах механизма правового регулирования: нормы права, правоотношения, юридические факты и т. д.;

2. Второй уровень характеризуется включением таких элементов как стимулы и ограничения, которые составляют информационную сторону воздействия правовых режимов на общественные отношения;

3. Третий уровень включает совокупность элементарных операциональных правовых средств, способствующих эффективной работе основных средств первого и второго уровней.

Выделив подходы к определению «правового режима» и его структурные элементы, можно отметить, что несмотря на определенные различия в приведенных примерах определений, в своей основе правовой режим выражается в возможности или невозможности совершения с объектом, в отношении которого он установлен, определенных действий, которые повлекут гражданско-правовой результат¹⁹¹. По правовому режиму разделяются объекты в статье 128 ГК РФ. Исходя из этой статьи можно выделить несколько правовых режимов: 1) правовой режим вещей (который также включает наличные деньги и документарные ценные бумаги), 2) правовой режим иного имущества в том числе и имущественных прав (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права), 3) правовой режим для результатов работ и оказания услуг, правовой режим охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств

¹⁸⁹Беляева Г.С. Правовой режим: общетеоретическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.01/ Беляева Галина Серафимовна. – Курск, 2013. – С. 70.

¹⁹⁰Родионов О.С. Механизм установления правовых режимов российским законодательством: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01/ Родионов Олег Сергеевич. – Саратов, 2001. – С. 57.

¹⁹¹Гражданское право: учебник: в 4-х т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. Т. I. – С. 336.

индивидуализации (интеллектуальная собственность) и правовой режим нематериальных благ. Для объектов гражданских прав могут быть разработаны и более детальные правовые режимы для конкретного вида объекта (например, в рамках такого объекта гражданских прав как вещь выделяются движимые и недвижимые вещи, для которых будут установлены разные правовые режимы).

Объектом предпринимательских отношений с использованием цифровых платформ выступает сама цифровая платформа. А. А. Карцхия предлагает определение цифровой технологической платформы, под которой понимается «комплекс технологических решений в цифровом пространстве сети Интернет на базе сочетания программных алгоритмов, компьютерного технологического оборудования, сервисных услуг («облачные» сервисы, базы данных и др.), а также других цифровых технологий (блокчейн технологии, аналитика данных и т. д.)»¹⁹². Данное определение демонстрирует, что цифровая платформа – это объект, состоящий из совокупности отдельных объектов, на каждый из которых распространяется свой правовой режим, в связи с чем, для выделения правового режима цифровой платформы необходимо рассмотреть каждый, образующий ее элемент.

В ФЗ № 289 дается новое понятие цифровой платформы, которая определяется как информационная система, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. Представленное определение позволяет рассмотреть цифровую платформу как объект права через призму норм об информационных системах или норм об объектах интеллектуальных прав.

¹⁹²Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.03 / Карцхия Александр Амиранович. – М., 2019. – С. 205.

Для определения цифровой платформы как объекта интеллектуальных прав, учитывая правовую природу объектов ее образующих, необходимо обратиться к доктрине интеллектуальных прав. В отечественной правовой науке термин «интеллектуальные права» впервые был введен В.А. Дозорцевым и он отмечал, что интеллектуальные права включают в себя, наряду с исключительным (имущественным) правом, и личные неимущественные права автора творческого результата¹⁹³. Исключительное право по своей природе является имущественным правом и распространяется на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации. По своему содержанию исключительное право отличается от вещного составом правомочий, здесь нет традиционной триады «владения, пользования и распоряжения», для исключительных прав характерны два правомочия: использования и распоряжения. Объектом использования будет сам охраняемый результат, а объектом распоряжения право на него (право на его использование)¹⁹⁴.

Субъект исключительного права (правообладатель) имеет право использовать охраняемый результат любым не противоречащим закону способом и распоряжаться им по своему усмотрению. Распоряжение исключительным правом на объекты возможно в том числе путем его отчуждения по договору другому лицу или предоставление на основании договора права использовать соответствующий объект в пределах, установленных договором. В статье 128 ГК РФ закреплена интеллектуальная собственность, под которой понимается совокупность объектов интеллектуальных прав. Интеллектуальная собственность является объектом гражданского оборота и в статье 1225 ГК РФ идет перечисление видов этих объектов (их 17) и перечень является исчерпывающим.

¹⁹³Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей / В. А. Дозорцев; Исслед. центр частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ. – 2-е изд. – М. : Статут, 2023. – С. 6.

¹⁹⁴Там же С. 121.

Личные неимущественные права, входящие в состав интеллектуальных прав, именуется авторскими и объекты перечисленные в 1259 ГК РФ охраняются соответствующими нормами об авторском праве. По своей природе авторское право является абсолютным и исключительным. Абсолютность выражается во всеобщей обязанности каждого воздерживаться от действий, которые с автором не согласованы. Исключительность заключается в том, что только автор имеет право на распоряжение своим произведением и получением дохода от его использования. Получается, что исключительное авторское право выполняет аналогичную с правом собственности функцию, только для нематериальных объектов.

Объекты, образующие цифровую платформу, можно разделить на три группы: основные, факультативные и обеспечивательно-инфраструктурные. Основные объекты представляют собой элементы цифровой платформы как единого объекта, без которых функционирование платформы будет невозможно при отсутствии одного из них, в то время как факультативные и обеспечивательно-инфраструктурные играют вспомогательную роль и не имеют конституирующего значения для работы цифровой платформы.

Одним из основных элементов, входящих в состав цифровой платформы, является программа для ЭВМ. Наличие программы в составе цифровой платформы как необходимого элемента для ее функционирования отмечается во множествах законодательных определений цифровой платформы или ее отдельных видов¹⁹⁵.

Гражданский кодекс РФ в статье 1261 закрепляет следующее понятие программы для ЭВМ: «представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата,

¹⁹⁵ См.: прим. в ФЗ № 289 в определении цифровой платформы она может быть программой для ЭВМ; В Законе № 2300-1 владелец агрегатора информации определяется как владелец программы для ЭВМ и т.д.; В ФЗ № 135 где дано понятие сетевого эффекта, который оценивается через потребительскую ценность программы ЭВМ, тем самым приравнивая цифровую платформу и программу для электронной вычислительной машины.

включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения».

Из определения программы для ЭВМ можно выделить ее составные части, которые являются охраняемыми элементами и в совокупности образуют единый объект: «1) исходный текст и объектный код (представляющие собой совокупность данных и команд, направленных на функционирование программы); 2) подготовительные материалы, полученные в результате создания программы для ЭВМ; 3) аудиовизуальные отображения, порождаемые программой, в частности, интерфейс, дизайн компьютерных игр и т.п.»¹⁹⁶.

Исходный текст представляет собой компьютерную программу, существующую в текстовом виде (понятном и читаемом для человека) и написанную на одном из языков программирования. Исходный текст – это основа программы, с помощью которой создается объектный код (представленный в виде двоичного кода), который в свою очередь читается только процессором компьютерного устройства. Компьютерная программа формируется из исходного текста, что объясняет охрану этого объекта интеллектуальной собственности как литературного произведения. Объектный код, в свою очередь, является ключевым компонентом в механизме работы программы для ЭВМ, так как именно объектный код позволяет компьютеру обрабатывать и выводить на экран необходимую информацию.

При разработке программы для ЭВМ появляются подготовительные материалы, в которых содержится информация о разрабатываемой программе, о ее характеристиках и т.д. В качестве подготовительных материалов могут быть: техническое задание, блок-схемы, пояснительные записки, содержащие описание алгоритма и (или) функционирования программы и иные

¹⁹⁶Трошкина С. М. Правовая охрана программ для ЭВМ: российский и зарубежный опыт // Скиф. 2023. № 1 С. 580.

документы, составленные разработчиками в связи с созданием программы для ЭВМ.

В свою очередь, аудиовизуальное отображение представляет собой последовательность изображений и звуков, сопровождающих организационную структуру компьютерной программы, путем их вывода на экран пользователя. Таким образом, охраняется не только программный текст, но и интерфейс, порождаемый компьютерной программой в процессе ее деятельности.

А.И. Савельев, основываясь на законодательном определении программы для ЭВМ предлагает выделить ее признаки:

- 1) наличие данных и команд, которые в совокупности представляют собой определенный алгоритм;
- 2) их предназначенность для функционирования ЭВМ или иных компьютерных устройств;
- 3) направленность на достижение определенного результата, который является признаком, позволяющим выделить ключевую особенность программы для ЭВМ как объекта авторского права: ее прикладной и функциональный характер¹⁹⁷.

Выделенные автором признаки программы для ЭВМ позволяют отметить сложную структуру обозначенного объекта, которая характеризуется наличием разнородных элементов, связанных единым назначением для достижения определенного результата, для которого создавалась программа для ЭВМ.

Представленное выше описание содержания программы для ЭВМ и ее признаков позволяет прийти к выводу, что основу цифровой платформы составляет именно программа для ЭВМ, однако она ею не ограничивается несмотря на то, что наш законодатель иногда ставит знак равенства между этими объектами. Само по себе наличие программной составляющей в

¹⁹⁷Савельев А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. – Москва: Статут, 2024. – С.10.

цифровой платформе не оспаривается. При определении содержания цифровой платформы всегда идет указание на ее программный характер. Еще в 2013 году А. Тивана писал: «основанием платформы служит программное обеспечение, на котором внешние стороны могут строить дополнительные продукты и услуги. Программы платформы обеспечивают ключевую функциональность платформы, а приложения являются дополнительными программными подсистемами, которые расширяют ее функциональность и связаны с ней через интерфейсы»¹⁹⁸. Основная цель создания цифровой платформы, которой является обеспечение взаимодействия пользователей платформы, как с оператором, так и друг с другом достигается с помощью специальной программы для ЭВМ, установленной на оборудовании, используемом оператором платформы, и к которой пользователи имеют доступ со своих абонентских устройств¹⁹⁹. Однако цифровая платформа не ограничивается наличием только программного элемента и представляет собой более сложную структуру.

Сбор, хранение и обработка персональных данных пользователей осуществляется оператором платформы ежедневно в процессе работы на цифровой платформе, что подтверждает тезис о том, что каждая цифровая платформа в своей структуре имеет базу данных, которая наряду с программой для ЭВМ относится к основным объектам, образующим цифровую платформу. База данных выделяется законодателем в качестве отдельного объекта интеллектуальных прав и в статье 1260 ГК РФ дается определение базы данных, под которой понимается представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ).

¹⁹⁸Tiwana A. Platform Ecosystems: Aligning Architecture, Governance, and Strategy // Elsevier Inc. 2013. P. 54.

¹⁹⁹Жевняк О. В. Цифровая платформа как технико-технологический феномен и его правовое значение // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 4(66). С. 545.

База данных обладает двойственной правовой природой из-за своего сложного состава, в который входит два самостоятельно охраняемых элемента: структура базы данных, на которую распространяется защита нормами авторского права и материалы, входящие в базу данных, охраняемые смежным правом²⁰⁰. База данных рассматривается в качестве объекта авторского права в связи с тем, что для ее создания требуются творческие и интеллектуальные ресурсы создателя. А в качестве объекта смежных прав, когда на ее создание требуется затратить существенные финансовые, материальные, организационные и другие ресурсы. Необходимость распространения защиты на базу данных как на объекта смежных прав проистекает из цели защитить вложения изготовителя базы данных, так как авторское право защищает лишь структуру, а не само содержание, которое может и не являться объектом авторских прав, но при этом обладать ценностью²⁰¹. Статьями 1333-1336 ГК РФ подробно регулируется исключительное право изготовителя базы данных, где устанавливается запрет на извлечение из базы данных материалов и их последующего использования без разрешения правообладателя, кроме случаев, предусмотренных ГК РФ.

В судебной практике можно найти пример, когда компания, которой принадлежит цифровая платформа, обращалась в суд за защитой нарушенного исключительного права на базу данных. Так, в 2017 между социальной сетью «ВКонтакте» и компанией в сфере технологий больших данных Double Data возник судебный спор, согласно которому Double Data без получения предварительного согласия изготовителя базы данных собирала информацию из открытых профилей пользователей «ВКонтакте». Социальная сеть аргументировала свою позицию тем, что данные о пользователях – это база данных, в которую были вложены финансовые средства и иные затраты. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска посчитав, что пользователи

²⁰⁰Ламанов С.А. Базы данных как объекты авторских и смежных прав: критерии разграничения // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 3(14). С. 24.

²⁰¹Белоусов В.Н., Баянова Ж.Л. Правовой режим базы данных в условиях информатизации общества // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т.33. № 1. С. 176.

социальной сети сами заполнили эту базу данных. С этим доводом не согласился Суд по интеллектуальным правам, который указал, что важно не кто заполнял базу данных, а кто понес существенные затраты на создание условий для ее заполнения. Такие затраты презюмируются, так как база данных служит огромным информационным ресурсом и имеет более 10 тыс. пользователей. Апелляционный суд вынес решение в пользу «ВКонтакте» и признал нарушение исключительных прав изготовителя базы данных обязав Double Data выплатить компенсацию и запретил им извлекать данные пользователей социальной сети²⁰². Дело в конечном итоге завершилось подписанием мирового соглашения между сторонами. Приведенная судебная практика демонстрирует, что база данных является необходимым и обладающим самостоятельной ценностью составной частью цифровой платформы.

При определении структуры цифровой платформы не обходится без упоминания Интернета или иной информационно-коммуникационной сети, которая рассматривается как необходимое условие работы платформы. При этом Интернет (или иная информационно-коммуникация сеть) выполняет не просто функцию канала для связи, он является «инструментом для создания инфраструктуры» платформы²⁰³. В доктрине можно встретить мнения о том, что информационно-коммуникационные сети могут рассматриваться как составной элемент платформы²⁰⁴. Учитывая основную функцию Интернета (или иной сети), наиболее логичным представляется закрепление за ним роли канала связи, который обеспечивает доступ к платформе для пользователей и наличие которого является одним из признаков существования взаимодействия на цифровой платформе. О.В. Жевняк выделяет использование Интернета в своей системе признаков существования

²⁰²См. подробнее: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23 сентября 2022 г. № С01-201/2018. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71899404/> (дата обращения: 17.03.2025).

²⁰³Parker G. G., Van Alstyne M. W. Choudary S. P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You // W. W. Norton & Company. 2016. P. 233.

²⁰⁴Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy // Issues in Science and Technology. 2016. Vol. 32. № 3. P. 64.

взаимодействия на цифровой платформе: «1) осуществляется через информационно-телекоммуникационные сети; 2) осуществляется с использованием информационных технологий, а именно программ для ЭВМ; 3) осуществляется автоматизированно, то есть с помощью специальных технических средств и способов, включая электронно-вычислительные устройства, разработанных специально для обеспечения этого взаимодействия»²⁰⁵.

Рассматривая наличие Интернета как условия доступа к цифровой платформе, то в качестве одного из основных составляющих цифровую платформу элементов можно выделить интернет-сайт. Интернет-сайт представляется мобильным и доступным средством для использования цифровой платформы. По смыслу статьи 1260 ГК РФ он представляет собой составное произведение. Составное произведение это совокупность оригинальных произведений, которые находятся в подборке или расположены в определенном порядке и возникшие в результате творческой деятельности. А. И. Савельев, выделяет составные части интернет-сайта как составного произведения: система управления интернет-сайтом, дизайн интернет-сайта, текст интернет-сайта и информационное наполнение интернет-сайта²⁰⁶.

Наряду с Интернетом, который является условием для доступа к цифровой платформе, платформа создает специальное взаимодействие используя дополнительные технологии. Среди цифровых технологий, которые используются для функционирования цифровой платформы выделяются облачные сервисы. А.И. Савельев пишет, что термин «облачный сервис», это перевод английского термина «cloud service», который в свою очередь является производным от термина «cloud computing» («облачные

²⁰⁵Жевняк О. В. Цифровая платформа как технико-технологический феномен и его правовое значение // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 4(66). С. 547.

²⁰⁶Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2016. – С. 284.

вычисления»)²⁰⁷. Тем самым данные категории можно рассматривать в качестве синонимов.

Определение облачных сервисов было дано Национальным институтом стандартов и технологий США (National Institute of Standards and Technology (NIST), который определил облачные технологии как «модель обеспечения повсеместного и удобного сетевого доступа по требованию к вычислительными ресурсным пулам (например, сетям, серверам, системам хранения, приложениям, сервисам), которые могут быть быстро предоставлены или выпущены с минимальными усилиями по управлению и взаимодействию с поставщиком услуг»²⁰⁸. Данное определение характеризует облачные технологии как способ организации взаимодействия на платформе, а не как объект деятельности. Основным преимуществом облачных сервисов является то, что они обеспечивают удаленный доступ к соответствующим вычислительным мощностям при наличии сети Интернет и пользователь больше не привязан к одному конкретному месту или устройству для получения этого доступа.

В отечественном законодательстве облачные сервисы также не выделяются законодателем в качестве объекта интеллектуальных прав и для них не выработано определение на уровне закона. Однако, в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы», дается определение облачных вычислений, под которыми понимается информационно-технологическая модель обеспечения повсеместного и удобного доступа с использованием сети «Интернет» к общему набору конфигурируемых вычислительных ресурсов («облаку»), устройствам хранения данных, приложениям и сервисам, которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены от нагрузки с

²⁰⁷Савельев А.И. Правовая природа «облачных» сервисов: свобода договора, авторское право и высокие технологии // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 66.

²⁰⁸The NIST Definition of Cloud Computing [Электронный ресурс] // URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/legacy/sp/nistspecialpublication800-145.pdf> (дата обращения: 17.03.2025).

минимальными эксплуатационными затратами или практически без участия провайдера.

Приведенная дефиниция не вносит ясности в вопрос определения облачных сервисов в качестве объекта права и установления для них правового режима. Наличие в составе облачных технологий программного обеспечения не позволяет нам сделать однозначный вывод о возможности распространения на них норм авторского права. Как справедливо отмечает А.И. Савельев, в случае использования облачных сервисов не происходит использование программы в классическом авторско-правовом смысле со стороны пользователя: «он потребляет результаты использования программы другим лицом, в данном случае - провайдером облачного сервиса. Программное обеспечение облачных сервисов установлено на оборудовании провайдера и находится под его полным контролем - пользователь получает лишь возможность удаленного доступа к его отдельным функциям (полезным свойствам)»²⁰⁹.

В доктрине и на практике предлагают рассматривать облачные сервисы как цифровую технологию и как новый вид цифровых услуг²¹⁰. Отсутствие в российском законодательстве специальных норм, регулирующих работу облачных сервисов (оказание ими облачных услуг) на практике приводит к тому, что правоотношения, связанные с предоставлением «облачных» услуг, регулируются статьей 779 ГК РФ и всей главой 39 ГК РФ через призму договора возмездного оказания услуг. Сложившаяся квалификация облачных сервисов как вида услуг не позволяет выделять их в качестве самостоятельного объекта, входящего в состав цифровой платформы. Их наличие скорее является отличительной чертой цифровой платформы, на которой доступ к платформе обеспечивается, в том числе, посредством оказания «облачных» услуг.

²⁰⁹См. подробнее: Савельев А.И. Правовая природа «облачных» сервисов: свобода договора, авторское право и высокие технологии // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 62 – 99.

²¹⁰Карцхия А. А. «Облачные» технологии: российское и зарубежное законодательство и практика правоприменения // Мониторинг правоприменения. 2018. № 2(27). С. 36.

В качестве факультативного элемента цифровой платформы также выделяют искусственный интеллект (далее также – ИИ). Его наличие не является обязательным, так как платформа может функционировать и без него, однако, в настоящее время сферы использования ИИ расширяются и множество цифровых платформ уже внедрили его в свою структуру (например, в качестве виртуальных ассистентов или чат-ботов). Вопрос об установлении правового режима искусственного интеллекта остается одним из дискуссионных в правовой доктрине. На законодательном уровне правовой режим искусственного интеллекта находится на стадии становления, уже приняты ряд законов и подзаконных актов, которые создают экспериментальные правовые режимы для разработки и внедрения ИИ в разные сферы деятельности. Под экспериментальным правовым режимом понимается: «применение в течение предусмотренного Федеральным законом срока проведения эксперимента в отношении участников экспериментального правового режима специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта»²¹¹. Е.А. Громова предлагает рассматривать экспериментальный правовой режим как вид стимулирующего правового режима, под которым, в свою очередь, понимается: «особый порядок правового регулирования общественных отношений, возникающих по поводу осуществления предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий, выраженный в комплексе правовых средств, направленных на

²¹¹Экспериментальные правовые режимы в области искусственного интеллекта регулируются: Федеральным законом от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 3.08.2020. № 31 (часть I). Ст. 5017; СЗ РФ. 30.12.2024. № 53 (часть I). Ст. 8533.; Федеральный закон от 02.07.2021 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»»// СЗ РФ. 5.07.2021. № 27 (часть I). Ст. 5159; СЗ РФ. 2.01.2023. № 1 (часть I). Ст. 27.; Федеральным законом от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»// СЗ РФ. 27.04.2020. № 17. Ст. 2701. и рядом Постановлений Правительства РФ.

стимулирование предпринимательской деятельности в целях развития цифровых инноваций и технологий»²¹².

В ФЗ № 123 от 24.04.2020 года²¹³ дается определение искусственного интеллекта, под которым понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Из данного определение можно вывести составляющие ИИ элементы, к которым относятся: информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение и сервисы по обработке данных и поиску решений. Учитывая такую сложную структуру искусственного интеллекта и саму его функцию, подвести его под существующие правовые режимы не представляется возможным, в связи с чем и были разработаны экспериментальные правовые режимы.

Наряду с искусственным интеллектом, факультативным элементом цифровой платформы являются алгоритмы рекомендательной системы. Рекомендательные системы определяются как программные решения, которые используют алгоритмы ИИ для анализа данных о пользователях с целью предоставления персонализированных предложений. Они играют

²¹²См. подробнее: Громова Е. А. Модели экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций и технологий: монография. – Москва: Проспект, 2023. – 96 с.; Громова Е.А. Стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук 5.1.3 / Громова Елизавета Александровна. – Казань, 2024. – 43 с.

²¹³Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»// СЗ РФ. 27.04.2020. № 17. Ст. 2701.

ключевую роль в электронной коммерции, так как возможность предложить релевантный контент напрямую влияет на конверсию, удовлетворённость пользователей и их лояльность к платформе²¹⁴. Работа рекомендательных систем заключается в том, что эти программы собирают данные о пользователях и их предпочтениях, а затем система сравнивает данные из разных источников и вычисляет список для конкретного пользователя²¹⁵. Для использования рекомендательных технологий в работе цифровой платформы необходимо соблюдение требований ФЗ № 149, где в статье 10.2-2 закрепляются требования и правила применения рекомендательных технологий.

В качестве факультативных элементов цифровой платформы можно выделить и средства индивидуализации, среди которых: товарный знак, коммерческое обозначение и доменное имя. Они не влияют на функциональные возможности цифровой платформы, однако служат средствами ее индивидуализации и могут быть размещены на сайте платформы или в ее приложении. Товарный знак в статье 1477 ГК РФ определяется как обозначение, служащее для индивидуализации товаров, и на которое признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак. Е.Н. Каменева отмечает, что основой понятия товарного знака выступает термин «обозначение», которое согласно пункту 1 статьи 1482 ГК РФ может быть представлено в виде словесных, графических, объемных элементов или их комбинаций²¹⁶. Товарный знак – это обозначение, которое обладает различительной способностью и характеризуется признаком новизны. С. П. Гришаев видит сущность новизны товарного знака в том, что «представленное для регистрации обозначение не должно быть сходным со знаками, ранее зарегистрированными или заявленными для маркировки

²¹⁴Михайлов А.Н. Персонализация 2.0: как искусственный интеллект меняет подходы к персонализации в маркетинге // Вестник науки. 2021. № 7. С. 45.

²¹⁵Харитонов Ю.С., Савина В.С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования: монография. – М.: Юстицинформ, 2025. – С. 175.

²¹⁶Каменева Е. Н. Условия охраноспособности товарных знаков в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 171.

подобного рода изделий»²¹⁷. Товарные знаки обладают самым широким спектром форм выражения в сравнении с другими средствами индивидуализации²¹⁸. О факультативности такого объекта как товарный знак в составе цифровой платформы свидетельствует и сложившаяся практика, так, к примеру, когда маркетплейс Wildberries сменил свое название на Ягодки и поменял все соответствующие обозначения на сайте и в приложении на функционирование платформы это никак не повлияло и сама индивидуализация платформы может строиться не только исходя из правообладания товарным знаком, но при наличии незарегистрированного логотипа или доменного имени²¹⁹.

Коммерческое обозначение, наряду с товарным знаком, является поименованным ГК РФ средством индивидуализации. В соответствии со статьей 1538 ГК РФ оно используется юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями для индивидуализации принадлежащих им торговых, промышленных и других предприятий. Коммерческое обозначение не является фирменным наименованием и не подлежит обязательному включению в учредительные документы и единый государственный реестр юридических лиц. В качестве признаков коммерческого обозначения в литературе выделяют следующие²²⁰: 1) коммерческое обозначение не подлежит государственной регистрации; 2) является общеизвестным; 3) используется в отношениях с контрагентами; 4) представляет собой словесное обозначение, которое может включать в себя элементы изобразительного и иного характера (условное обозначение).

В качестве средства индивидуализации еще можно выделить доменное имя. Доменное имя в ФЗ № 149 определяется как обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети «Интернет» в целях обеспечения

²¹⁷Гришаев С. П. Интеллектуальная собственность: учебное пособие. – М., Юристь, 2004. – С. 55.

²¹⁸Афанасьева Е.Г., Долгих М.Г., Афанасьева Е.А. Средства индивидуализации в предпринимательской деятельности: правовые вопросы : учеб. пособие /Отв. ред. Е.В. Алферова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНИОН РАН, 2020. – С. 10.

²¹⁹Wildberries сменил название сайта на «Ягодки» // URL: <https://www.forbes.ru/biznes/474373-wildberries-smenil-nazvanie-sajta-na-agodki> (дата обращения: 11.09.2025).

²²⁰Полещенков А. В. Понятие коммерческого обозначения // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2009. № 3. С. 49.

доступа к информации, размещенной в сети «Интернет». Доменное имя не является средством индивидуализации по смыслу части четвертой ГК РФ и соответственно не имеет охрану аналогичную результатам интеллектуальной деятельности.

Использование цифровых платформ в предпринимательской деятельности сопровождается организацией безопасной и бесперебойно работающей среды взаимодействия для всех пользователей и исходя из обязанности владельца обеспечить безопасность для пользователей и защиту их данных в этой цифровой среде можно выделить обеспечительно-инфраструктурные элементы образующую цифровую платформу. К обеспечительно-инфраструктурным элементам цифровой платформы относятся технологии верификации и идентификации пользователей, а также их цифровые идентификаторы. Технология идентификации применяется в момент первичной регистрации пользователя на цифровой платформе и предполагает установление и сохранение его данных с присвоением ему цифрового идентификатора пользователя. В свою очередь, технология верификации заключается в проверке подлинности, предоставленных данных пользователя. Верификация данных пользователей способствует обеспечению доверия при использовании цифровой платформы.

А.В. Минбалеев пишет, что при взаимодействии с цифровой средой у каждого субъекта появляется право на цифровую идентичность и оно предполагает возможность индивидуализации себя в цифровой среде, так как при любом взаимодействии с цифровой средой формируется набор данных, которые идентифицируют субъектов²²¹. В качестве средств идентификации пользователей можно выделить цифровые идентификаторы. Цифровые идентификаторы пользователей создаются в момент регистрации пользователя на платформе, они позволяют распознавать и отличать пользователей цифровой платформы. В качестве цифровых идентификаторов

²²¹ Минбалеев А.В. Понятие и правовая природа цифровых прав в общеправовом значении // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2025. Т. 35. № 5. С. 905.

могут выступать электронная почта, номер телефона, сгенерированный системой ID, логин и т.д. Как и доменное имя, цифровые идентификаторы не относятся к средствам индивидуализации по ГК РФ.

Выделив все составляющие цифровую платформу элементы, необходимо дать ей правовую квалификацию как объекта права и наиболее точно будет определено цифровой платформе как сложного объекта интеллектуальных прав. Концепция сложного объекта интеллектуальных прав нашла свое закрепление в ГК РФ в 2014 году, однако, о необходимости закрепления в законодательстве категории комплексных результатов творческого труда отмечалось в доктрине и ранее²²². Статья 1240 ГК РФ не содержит определения сложного объекта или его признаков, но закрепляет их закрытый перечень, в который входят кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театральное зрелищное представление, мультимедийный продукт, база данных. Е.С. Гринь отмечает, что определение правового режима для данной категории объектов представляется сложным, поскольку они не могут быть отнесены исключительно к объектам авторских, смежных прав или к другим охраняемым результатам интеллектуальной деятельности²²³. Из анализа содержания статьи 1240 ГК РФ следует, что в состав сложного объекта входят несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, что применимо, когда мы говорим о цифровой платформе, основными элементами которой являются охраняемые объекты интеллектуальных прав. Организатором сложного объекта может выступать как физическое, так и юридическое лицо, которое приобретает право использования указанных результатов на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров, заключаемых таким лицом с обладателями исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности, входящих в

²²²См. подробнее: Дозорцев В. А. Права на фильм как сложное многослойное произведение // Вестник ВАС РФ. 2000. № 3 – 4.

²²³Гринь Е.С. Концепция сложных объектов интеллектуальных прав: дис. ... д-ра юрид. наук. 5.1.3/ Гринь Елена Сергеевна. – М., 2025. – С. 27.

состав сложного объекта. Под лицом, организовавшим создание сложного объекта, понимается лицо, ответственное за организацию процесса создания такого объекта, в частности лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за создание соответствующего объекта²²⁴.

Все объекты входящие в состав сложного объекта связаны единством, что подтверждается пунктом 2 статьи 1240 и позицией Верховного Суда РФ, который пишет: «ничтожны условия лицензионного договора, ограничивающие использование теми или иными способами результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта и таким образом создающие препятствия для использования сложного объекта в целом»²²⁵. Единство, входящих в состав сложного объекта элементов обеспечивается также запретом для автора произведения, вошедшего в сложный объект, отзываться его независимо от того, кому принадлежат интеллектуальные права на сам сложный объект. Правовой режим сложного объекта распространяется на единое целое завершенное произведение, в котором невозможность использования хотя бы одной составляющей его части приведет к утрате авторского замысла создателя сложного объекта и повлечет невозможность его дальнейшего применения²²⁶. Признак единства объектов, входящих в состав сложного объекта характерен и для цифровой платформы, в которой основные ее элементы взаимосвязаны и формируют платформу в совокупности и исключение одного из них делает невозможным использование платформы в связи с ее назначением.

Еще одним подходом к определению цифровой платформы как объекта права, который прямо закрепляется законодателем, является определение цифровой платформы как вида информационной системы. Сама информационная система в литературе рассматривается как сложный объект,

²²⁴См.: п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

²²⁵См. Там же.

²²⁶См.: п. 17 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 сентября 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 11.

состоящий из совокупности элементов²²⁷. Информационная система – это совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Исследователи выделяют в информационной системе две составляющие: информация и технические компоненты, позволяющие осуществить ее обработку²²⁸. В свою очередь, анализ определения из ФЗ №149 позволяет выделить три элемента, образующих информационную систему: информация, информационные технологии и технические средства.

Информация – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Она не является объектом гражданского права по смыслу статьи 128 ГК РФ, однако, в статье 5 ФЗ №149 закреплено: «информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений». Не вдаваясь в дискуссию о правовой природе информации, стоит отметить, что в соответствии с ФЗ №149 идет закрепление двух дефиниций «информации» и «документированной информации», что подтверждает нематериальную природу «информации». В определенных случаях информации может быть предоставлена охрана, как результату интеллектуальной деятельности в соответствии с частью четвертой ГК РФ. В иных случаях устанавливаются другие правовые режимы информации (коммерческая тайна, банковская тайна и др.). Информация по смыслу ФЗ № 149 представляет собой не просто массив информации, а определенную базу данных, которая эту информацию объединяет. И здесь снова стоит обратиться к части четвертой ГК РФ и нормам об охране прав на базу данных. Анализ действующего законодательства и судебной практики²²⁹ позволяет сделать

²²⁷Амелин Р.В. Правовое регулирование общественных отношений в сфере информационных систем: цивилистический и информационно-правовой подходы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12. С. 72.

²²⁸Жернова В.М. Правовой режим информационных систем: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.13 / Жернова Влада Михайловна. – Челябинск, 2017. – С.23.

²²⁹Определение Высшего Арбитражного суда РФ от 14.08.2013 № ВАС-10741/13 [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/55675239/> (дата обращения: 19.03.2025); Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.01.2022 № Ф05-30939/2021 по делу № А41-20065/2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/69210746/> (дата обращения: 19.03.2025); Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 03.12.2018 № Ф06-40159/2018 по делу № А57-26901/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/39280099/> (дата обращения: 19.03.2025).

вывод о том, что информационные технологии, являющиеся одним из составных элементов информационной системы, включают в себя программы для ЭВМ, которые были описаны выше.

В качестве технических средств выступают материальные объекты внешнего мира, на которые распространяется действие вещного права. Для информационной системы технические средства, это программно-аппаратные устройства, которые осуществляют сбор, хранение, обработку и передачу информации. Примерами технических средств еще могут быть средства вычислительной техники, информационно-вычислительные сети и комплексы, системы передачи и др. На материальную природу технических средств указывают требования об их территориальном размещении и меры ответственности за нарушение этих требований в статье 14 ФЗ №149.

Таким образом, информационная система представляет собой «сложный» объект права, ввиду неоднородности ее составных элементов, среди которых выделяются как материальные объекты (технические средства), так и нематериальные (информация и информационные технологии). В действующем законодательстве отсутствует правовая конструкция, к которой можно было бы отнести информационную систему и дать ей характеристику как объекту права. Наряду с информационной системой, цифровая платформа как ее вид представляет собой сложный объект, в который объединены функциональным единством отдельные ее элементы. С.Ю. Филиппова и Ю.С. Харитоновна отмечают, что определение платформы как сложного объекта необходимо для объяснения единства правовой судьбы этих отдельных элементов платформы, потому что в силу разнородности объектов, образующих сложный объект, можно говорить, с одной стороны, о праве на каждый из объектов, входящих в данный комплекс, и это право зависит от вида объекта и правоспособности обладателя, и, с другой стороны, о праве на платформу как единый комплекс, — в последнем случае следует говорить о принадлежности этого комплекса лицу на вещном

праве, соответствующем правоспособности²³⁰. На наш взгляд, материальная составляющая (технические средства) в цифровой платформе не является конституирующим элементом цифровой платформы. Безусловно, что с помощью технических средств создается цифровая платформа и с их помощью обеспечивается к ней доступ, однако, их повреждение или уничтожение не влечет к повреждению или уничтожению цифровой платформы, которая продолжает существовать в нематериальном виде и доступ к ней может быть в любой момент восстановлен, в то время как повреждение одного из нематериальных объектов, образующих платформу (программа для ЭВМ или база данных) приведет к потере цифровой платформы.

Вывод: Цифровая платформа формируется из совокупности самостоятельных объектов, которые в своем единстве формируют ее в качестве сложного объекта интеллектуального права с соответствующим правовым режимом. Все объекты, формирующие цифровую платформу в зависимости от их значимости для функционирования цифровой платформы, делятся на основные, факультативные и обеспечивательно-инфраструктурные. Основные объекты являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности и к ним относятся: программа для ЭВМ, база данных и интернет-сайт. В качестве факультативных выделены: искусственный интеллект, алгоритмы рекомендательных систем, исключительные права на товарный знак и коммерческое обозначение и субъективные права на доменное имя. К обеспечивательно-инфраструктурным отнесены: технологии идентификации и верификации пользователей, а также цифровые идентификаторы.

Как и для любого сложного объекта интеллектуального права, для цифровой платформы характерно наличие фигуры организатора создания такого объекта в лице владельца цифровой платформы, которому принадлежит исключительное право на цифровую платформу как на сложный объект, а также интеллектуальные права на объекты, входящие в состав

²³⁰ Филиппова С. Ю., Харитонов Ю. С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение. 2025. Т.69. № 1. С. 60.

цифровой платформы, если он является их автором или только исключительные права на образующие платформу объекты, которые получены на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров.

Входящие в состав цифровой платформы объекты связаны единым назначением и использование платформы в соответствии с ее целями невозможно при исключении одного из перечисленных основных объектов, их повреждение или утрата приводит к потере ценности цифровой платформы.

Проведенный анализ цифровой платформы на соответствие критериям сложного объекта интеллектуальных прав (в состав входят охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, наличие организатора создания такого объекта и единство всех составляющих ее элементов) позволяет сделать вывод о том, что целесообразно расширить перечень сложных объектов, путем включения цифровой платформы в статью 1240 ГК РФ.

§2. Субъекты предпринимательских отношений с использованием цифровых платформ

Использование цифровых платформ в предпринимательской деятельности оказало влияние и на субъектный состав, возникающих отношений. Исходя из положения субъекта в предпринимательских отношениях по использованию цифровой платформы их можно разделить на две группы: субъекты, выступающие на стороне цифровой платформы и внешние пользователи, которые заключают договор с представителем платформы.

Наиболее сложным представляется вопрос о субъектном составе на стороне цифровой платформы, где представлены два субъекта: владелец платформы, который выступает ее собственником (правообладателем) и оператор платформы, который уполномочен осуществлять все функции по обеспечению ее текущей работы.

В зарубежном и отечественном законодательствах нет отдельных норм, которые определяли бы правовой статус владельца цифровой платформы, что создает проблемы при определении содержания правового статуса владельца цифровой платформы как субъекта соответствующих отношений. Разрешение вопроса о статусе владельца цифровой платформы напрямую зависит от определения цифровой платформы как сложного объекта. Стоит рассмотреть владельца цифровой платформы через призму норм об информационных системах и интеллектуальной собственности.

Владелец и оператор цифровой платформы являются разными субъектами и не совпадают в одном лице (случай совпадения этих статусов в одном лице устанавливается прямо законом, преимущественно для Государственных информационных систем). Впервые о существовании двух отдельных субъектов (владельца и оператора) упоминается в статье 13 ФЗ №149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где закрепляется, что оператором информационной системы

является собственник используемых для обработки содержащейся в базах данных информации технических средств, который правомерно пользуется такими базами данных, или лицо, с которым этот собственник заключил договор об эксплуатации информационной системы. Эта норма закрепляет разграничение двух субъектов: собственника информационной системы (который иногда может быть и оператором системы) и оператора, который может работать на договорной основе.

Разграничение статусов оператора и владельца платформы закреплено и в новом ФЗ № 289, где владелец цифровой платформы – «лицо, обеспечивающее организацию взаимодействия пользователей цифровой платформы, в том числе самостоятельно и по своему усмотрению определяющее цели и порядок использования цифровой платформы, включая порядок размещения информации на такой платформе, с учетом положений, предусмотренных федеральным законом»²³¹. Первым и очевидным в этом определении является отсутствие указания на организационно-правовую форму владельца цифровой платформы из чего можно сделать вывод, что владельцем может быть как физическое лицо без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или без статуса самозанятого, так и юридическое лицо, индивидуальный предприниматель и самозанятый.

Напротив, в Законе РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» можно наблюдать ситуацию совпадения статусов оператора и владельца платформы и ограничения круга лиц, которые могут являться владельцами агрегаторов информации. О совпадении статусов свидетельствует отсутствие в законе норм об операторе агрегатора информации, все функции по обеспечению текущей работы цифровой платформы осуществляет ее владелец. Из Закона № 2300-1 следует: «владелец агрегатора информации – это организация независимо от организационно-правовой формы либо индивидуальный предприниматель, которые являются

²³¹Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 4.08.2025. № 31. Ст. 4643.

владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов»²³². Из представленного определения и сравнения его с определением владельца по смыслу ФЗ № 289, можно сделать вывод о том, что, когда предполагается совпадение статусов владельца и оператора, где все функции по организации работы на платформе осуществляет сам владелец ему необходимо регистрироваться в качестве субъекта предпринимательской деятельности.

Еще одной чертой определения из Закона № 2300-1 является то, что владелец агрегатора информации приравнивается к владельцу программы для ЭВМ из чего следует, что владельцем выступает лицо, которому принадлежит исключительное право на программу для ЭВМ, и которое вправе распоряжаться ею по своему усмотрению. Уравнивание статусов владельца цифровой платформы и владельца программы для ЭВМ закрепляется и в нормах Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», где с сентября 2023 года появилось определение сетевого эффекта в соответствии с которым, это свойство товарного рынка, при котором потребительская ценность программы (совокупности программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»,

²³²Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 140; СЗ РФ. 4.08.2025. №31. Ст. 4644.

обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров (далее – цифровая платформа), изменяется в зависимости от изменения количества таких продавцов и покупателей²³³. В данной дефиниции закрепляется уравнивание цифровой платформы и программы для электронных вычислительных машин из чего прямо следует, что владельцем платформы будет выступать владелец программы для ЭВМ. О раскрытии термина «владелец агрегатора информации» через понятие владельца программного обеспечения для ЭВМ, владельца сайта или страницы в сети «Интернет» также обращает внимание А.Е. Шерстобитов²³⁴.

Отмеченный подход законодателя к определению статуса владельца цифровой платформы представляется достаточно узкими и не отражающими действительность. Цифровая платформа представляет собой «сложный» объект, который состоит из различных элементов, к которым относятся программа для ЭВМ, интернет-сайт, база данных и возможно другие элементы (цифровые технологии и т.д.), и уравнивание статусов владельца цифровой платформы с владельцем программы для ЭВМ представляется достаточно схематичным и не учитывающим ряд аспектов структуры цифровой платформы

Не останавливаясь подробно на правах и обязанностях владельца программы для ЭВМ, для более подробного рассмотрения содержания правового статуса конкретно владельца цифровой платформы стоит обратиться к вышеупомянутому владельцу агрегатора информации. Основной и единственной закреплённой обязанностью владельца агрегатора информации является информационная обязанность, которая выражается в требовании довести до потребителей информацию о себе и продавце (исполнителе). К информации о себе (о продавце/исполнителе) относится фирменное наименование, адрес, режим работы, контакты и т.д. Однако,

²³³Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (часть I). Ст. 3434; СЗ РФ. 4.08.2025. № 31. Ст. 4658.

²³⁴См. подробнее: Шерстобитов А.Е. Защита прав потребителей в современном российском гражданском праве // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 116 – 125.

данная обязанность считается соблюденной, если владелец агрегатора предоставил информацию в том виде, в каком получил ее от продавца (не внося никаких изменений в нее) и ответственность за недостоверность такой информации владелец агрегатора не несет. В связи с этим, в доктрине высказывались идеи о необходимости модернизировать законодательство в этой части и опираясь на опыт зарубежных стран (страны Евросоюза и Китай) закрепить за владельцем агрегатора информации обязанность осуществлять меры по установлению достоверности предоставляемой продавцами или исполнителями информации²³⁵. В ФЗ № 289 такая обязанность появилась у оператора посреднической платформы, который в соответствии со статьей 5 обязан проверять сведения о лице, намеревающемся стать партнером платформы или владельцем пункта выдачи заказов. Еще раз отметим, что такая обязанность закреплена для операторов посреднических платформ и на операторов других видов цифровых платформ не распространяется.

Определяя владельца цифровой платформы, стоит отметить, что прежде всего речь идет о лице, которому принадлежит исключительное право на цифровую платформу, который исходя из системного анализа норм ФЗ № 289 является субъектом, определяющим порядок и правила использования платформы. Владелец обязан обеспечить равный доступ к платформе для всех пользователей, не допускать создания дискриминационных условий, а также обязан разместить на сайте платформы сведения о себе и контактную информацию для направления владельцу (физическому или юридическому лицу) юридически значимых сообщений.

Вторым субъектом, выступающим на стороне цифровой платформы, является оператор. В законодательстве не нашло закрепление определение оператора цифровой платформы, аналогично определению владельцу, которое было бы универсальным для каждого вида цифровой платформы. Нормы об операторе закрепляются применительно к каждому отдельному виду

²³⁵Шелепов А.В., Колмар О.И. Регулирование цифровых платформ в России // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2. С. 114.

цифровой платформы. В доктрине, до принятия нового ФЗ № 289 предлагали определять оператора платформы как субъекта, создающего нормы и правила поведения пользователей, формирующего цифровой обычай, который подчиняется как воле оператора цифровой платформы, так и сообществу, объединенному на этой платформе²³⁶. После закрепления определения владельца цифровой платформы, становится ясно, что оператор может быть лицом, создающим нормы и правила поведения для пользователей цифровой платформы лишь в том случае, если он одновременно является и ее владельцем.

В настоящее время, преимущественный подход к определению правового статуса оператора, это его рассмотрение в зависимости от вида цифровой платформы, которая используется в предпринимательской деятельности. Как правило, он определяется законом и внутренними правилами использования платформы. Случаев закрепления статуса оператора по отдельным видам платформ на уровне закона не так много (оператор инвестиционной платформы, оператор финансовой платформы и т.д.) и даже их определения и регулирования недостаточно и требуется обращение к внутренним правилам использования цифровой платформы. Наличие внутренних правил цифровой платформы создают ситуацию, когда несоответствие положений правил пользования нормам закона в части ответственности оператора платформы приводит к безосновательному исключению или ограничению ответственности оператора. Так, например, положения, исключаящие ответственность оператора, можно найти в пользовательском соглашении сайта «AUTO.RU», где Администрация Сайта не гарантирует, что Информация, размещенная на Сайте, будет доступна в любое время, или не будет удалена или утеряна. Администрация Сайта не несет ответственности за сбои и задержки в работе Сайта, а также за возможные последствия таких сбоев и задержек, а также она не несет

²³⁶Харитонов Ю.С. Обычай в регулировании отношений с использованием цифровых платформ // Право и Бизнес. 2024. № 2. С. 7.

ответственности за возможную утечку Информации из Базы данных Сайта по любым причинам, в том числе в результате несанкционированных действий третьих лиц²³⁷.

Для анализа правового статуса оператора необходимо снова обратиться к Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где дается определение оператора информационной системы. В статье 2 закрепляется: «оператором информационной системы может быть гражданин или организация, которые осуществляют деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных». В данном определении важно отметить, что законодатель разрешает физическим лицам наравне с юридическими лицами выступать в роли оператора информационной системы, а сама деятельность оператора сводится к использованию информационной системы в широком смысле (не ограничиваясь только функцией обработки информации из баз данных).

Роль операторов цифровых платформ в доктрине сводится к посредникам в отношениях между пользователями платформы. В литературе можно найти позиции, где за оператором признается роль цифрового²³⁸ или информационного²³⁹ посредника. А.И. Савельев предлагает два критерия, в соответствии с которыми за лицом признается статус информационного посредника²⁴⁰:

1. Услуги информационного посредника носят автоматизированный характер. Информационные посредники обеспечивают технические условия

²³⁷Пользовательское соглашение сайта «AUTO.RU» [Электронный ресурс] // URL: https://yandex.ru/legal/autoru_terms_of_service/ (дата обращения: 16.11.2024).

²³⁸Ворникова, Е. Д. Правовое регулирование внешней торговли услугами в цифровой экономике: дис. ... канд. юрид. наук. 5.1.3 / Ворникова Екатерина Дмитриевна. – М., 2023. – С. 52; Подузова, Е. Б. Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2 (123). С. 56.

²³⁹Терещенко Л. К., Тиунов О. И. Информационные посредники в российском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6(61). С. 47.

²⁴⁰Савельев, А. И. Критерии наличия действительного и предполагаемого знания как условия привлечения к ответственности информационного посредника // Закон. 2015. № 11. С. 7.

для передачи, хранения и доступа к материалу и информации в информационно-телекоммуникационной сети.

2. Информационные посредники нейтральны по отношению к получаемой и передаваемой информации. Информационные посредники в процессе своей деятельности не изменяют получаемую и передаваемую информацию, никак не влияют на ее содержание.

Опираясь на эти критерии, можно прийти к выводу, что оператор цифровой платформы выполняет посреднические функции между пользователями, и в то же время не ограничивается ими.

Исходя из посреднической роли оператора платформы можно выделить основную обязанность оператора, которая корреспондирует с целью создания цифровой платформы, которой является организация взаимодействия пользователей, и она выражается, в первую очередь, в осуществлении регистрации пользователей на платформе. Отечественный законодатель не во всех случаях выделяет эту обязанность отдельно в законах, так как она проистекает из существа отношений, возникающих при использовании цифровой платформы, которая предлагает заключение пользовательского соглашения (или договора, опосредующего предпринимательскую деятельность с использованием платформы) посредством публичной оферты, а заключение соглашения или договора влечет за собой регистрацию на платформе. В зарубежных правовых порядках делается акцент на обязанности по регистрации пользователей, так в Китае речь идет не просто о заключении пользовательского соглашения, а об осуществлении ряда процедур по проверке лица, собирающегося реализовать свои товары или оказать услуги через платформу. В соответствии со статьей 27 Закона об электронной коммерции оператор должен требовать от лица, которое подает заявку на присоединение к платформе для продажи товаров или оказания услуг, информацию о личности, адрес, контактную информацию, бизнес-лицензию и другую информацию, а также регулярно ее проверять и обновлять. Закрепление такой обязанности за оператором прямо в законе является

достаточно нетипичным, так как расширяет зону ответственности оператора платформы и делает его активным субъектом рынка, наделенным властно-распорядительными полномочиями в отношении внутриплатформенного бизнеса²⁴¹.

Для подробного анализа правового статуса оператора стоит рассмотреть примеры того, как он определяется для отдельных видов цифровых платформ. В качестве первого примера можно привести оператора инвестиционной платформы. Его правовой статус урегулирован подробно и закрепляется в Федеральном Законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁴². В ФЗ № 259 уточняется организационно-правовая форма юридического лица, которое может быть оператором инвестиционной платформы, а именно это хозяйственное общество, которое осуществляет деятельность по организации привлечения инвестиций и включенное Банком России в соответствующий реестр операторов инвестиционных платформ. За оператором закрепляется специальная правоспособность, которая связана с его деятельностью, требующей разрешения и контроля со стороны государства. Также устанавливается запрет совмещения оператором своей деятельности с иной деятельностью финансовой организации, за исключением видов деятельности, которые непосредственно закреплены в статье 10 ФЗ № 259. Учитывая организационно-правовую форму оператора, представляется, что общие положения о хозяйственных обществах, предусмотренные гражданским законодательством, могут быть применены к оператору инвестиционной платформы.

²⁴¹Алексеев А.П. Правовой статус оператора платформы электронной коммерции в КНР // Правоведение. 2024. Т. 68. № 2. С. 291.

²⁴²Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 05.08.2019. № 31. Ст. 4418; СЗ РФ. 12.08.2024. № 33 (Часть I). Ст. 4959.

Для оператора инвестиционной платформы, наряду с обязанностью по раскрытию информации о себе и платформе, с целью обеспечить защиту интересов контрагентов оператора и предоставить им гарантию, в законе закрепляется требование о наличии у оператора минимального размера собственных средств (капитала), который должен составлять не менее 5 миллионов рублей. Также устанавливаются ограничения по участию лиц в юридическом лице, являющимся оператором, такие ограничения можно разделить на две группы: те, что связаны с долей участия, и те, что связаны со статусом субъекта. В законе закрепляется еще ряд обязанностей и запретов для оператора: 1) обязанность оператора утвердить внутренний документ (документы) по управлению конфликтами интересов, а также раскрывать информацию о выявленных конфликтах интересов и принятых мерах по управлению такими конфликтами интересов, 2) запрет на совмещение своей деятельности с иной деятельностью финансовой организации, за исключением видов деятельности, прямо предусмотренных законом и т.д..

Вторым примером оператора цифровой платформы является оператор финансовой платформы, который определяется Федеральным законом от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы»²⁴³. Аналогично оператору инвестиционной платформы тут сужается круг субъектов, имеющих право осуществлять функции оператора платформы. Оператором финансовой платформы может быть только юридическое лицо с организационно-правовой формой акционерного общества, которое является посредником между финансовыми организациями или эмитентами и потребителями финансовых услуг на финансовой платформе. Оператор платформы не является стороной финансовых сделок, совершаемых на платформе.

Требования и обязанности оператора финансовой платформы сформулированы подробнее, чем у оператора инвестиционной платформы,

²⁴³Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // СЗ РФ. 27.07.2020. № 30. ст. 4737; СЗ РФ. 30.12.2024. № 53 (часть I). Ст. 8532.

однако можно выделить, что ключевые обязанности у обоих операторов совпадают. У оператора финансовой платформы, также в качестве гарантии установлен минимальный размер собственных средств (капитала), который составляет 100 миллионов рублей. У оператора также установлен запрет на осуществленной иной деятельности, за исключением тех видов, которые поименованы в законе. Оператор финансовой платформы обязан организовать и осуществлять внутренний контроль в соответствии с действующим законодательством, организовать систему управления рисками и т.д.

В новом ФЗ № 289 нашло закрепление определение оператора посреднической цифровой платформы, которым может быть юридическое лицо, иностранное юридическое лицо, иностранная организация, не являющаяся юридическим лицом, индивидуальный предприниматель, иностранный гражданин или лицо без гражданства, оказывающие услуги, связанные с организацией взаимодействия партнеров и пользователей на посреднической цифровой платформе, и являющиеся владельцем такой цифровой платформы или лицом, с которым этот владелец заключил договор об эксплуатации посреднической цифровой платформы. Аналогично предыдущим определениям операторов на других цифровых платформах, круг субъектов уполномоченных осуществлять функции оператора посреднической платформы тоже ограничен. В качестве обязанностей оператора закрепляются: обязанность обеспечить заключение договоров с партнерами платформы, обязанность осуществлять проверку сведений о лице, намеревающемся стать партнером платформы, а также обеспечить ему доступ к цифровой платформе путем создания личного кабинета.

Таким образом, можно отметить, что в качестве оператора цифровой платформы может выступать ограниченный круг субъектов и из анализа норм посвященных операторам различных цифровых платформ следует, что это как правило юридические лица или физические лица зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей т.е. обязательно субъекты предпринимательской деятельности. Оператор является субъектом,

обеспечивающим текущую деятельность на цифровой платформе, путем заключения договоров с пользователями, обработки обращений и поддержания бесперебойной работы цифровой платформы. В отличие от владельца платформы, оператор является оператором обработки персональных данных и обязан зарегистрироваться в реестре операторов обработки персональных данных, а также выполнять иные обязанности, возлагаемые на операторов персональных данных. Отдельно стоит выделить, что те цифровые платформы, деятельность которых специально контролируется со стороны государства (требуется разрешение) устанавливают более строгие критерии выбора субъектов, которые могут выступать в качестве оператора цифровой платформы.

Вторую группу субъектов предпринимательских отношений с использованием цифровой платформы образуют пользователи. По смыслу норм ФЗ № 149 пользователем информационной системы является любое физическое или юридическое лицо, осуществляющее поиск и получающее информацию из информационных систем. Для целей правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ в субъектом составе, возникающих предпринимательских отношений целесообразно выделять две категории пользователей: 1) пользователи, регистрирующиеся на цифровой платформе без цели осуществления предпринимательской деятельности с использованием этой платформы (потребитель) и 2) пользователи, которые регистрируются на цифровой платформе с целью осуществления предпринимательской деятельности путем использования технологической инфраструктуры этой цифровой платформы (поставщик).

Понятие пользователя-потребителя цифровой платформы не закрепляется в законодательстве, однако, его можно определить как лицо, приобретающее товары или услуги при использовании цифровой платформы и заключающее с оператором платформы пользовательское соглашение для получения доступа к ней. Для цифровых платформ пользователем-

потребителем может быть не только физическое лицо, а также юридическое лицо, индивидуальный предприниматель и иной субъект предпринимательской деятельности, который присоединяется к цифровой платформе без цели осуществления предпринимательской деятельности с использованием этой платформы. В ФЗ № 289 закрепляется понятие пользователя посреднической цифровой платформ, которое определяется как лицо, не являющееся оператором посреднической цифровой платформы и использующее технические возможности посреднической цифровой платформы в целях приобретения товаров (пользователь-покупатель) и (или) получения результатов выполнения работ, оказания услуг (пользователь-заказчик). Так, в приведенном определении также отсутствует указание на статус лица, которое может являться пользователем посреднической цифровой платформы из чего следует, что пользователя-потребителя надо рассматривать в широком смысле, не ограничиваясь подходом к определению потребителя закрепленному в Законе № 2300-1.

Пользователи, регистрирующиеся на цифровой платформе с целью осуществления предпринимательской деятельности путем использования этой платформы, могут условно именоваться пользователями-поставщиками. Как правило, это субъекты предпринимательской деятельности, зарегистрированные в таком качестве в соответствии с законом, и которые заключают договор с оператором цифровой платформы для получения доступа к ней с целью осуществления предпринимательской деятельности путем использования технологической инфраструктуры цифровой платформы. Пользователи-поставщики осуществляют предпринимательскую деятельность путем продажи товаров, оказания услуг или выполнения работ пользователям-потребителям с использованием цифровой платформы. Для отдельных видов цифровых платформ можно найти закрепление определения пользователя-поставщика, так, в статье 2 ФЗ № 289 эта категория пользователей именуется партнерами посреднической платформы. Партнером может быть юридическое лицо, иностранное юридическое лицо, иностранная

организация, не являющаяся юридическим лицом, индивидуальный предприниматель либо физическое лицо, в том числе иностранный гражданин или лицо без гражданства, применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» и являющиеся партнером-продавцом и (или) партнером-исполнителем, осуществляющими деятельность на посреднической цифровой платформе. Данное определение подтверждает вывод о том, что пользователь-поставщик всегда является субъектом предпринимательской деятельности, который осуществляет продажу товаров (оказывание услуг или выполнение работ) посредством использования цифровой платформы, на которой осуществлена регистрация.

Вывод: Субъектный состав предпринимательских отношений с использованием цифровых платформ характеризуется наличием четырех видов субъектов: владелец цифровой платформы, оператор цифровой платформы, пользователи-потребители и пользователи-поставщики.

Основным субъектом выступает владелец цифровой платформы, который может быть физическим лицом в случае заключения договора с другим лицом для осуществления функций оператора, однако, в случае осуществления функций оператора владельцем цифровой платформы обязательна его регистрация в качестве субъекта предпринимательской деятельности. Владелец обладает исключительным правом на цифровую платформу как на сложный объект из чего следует, что он самостоятельно может определять правила и порядок использования цифровой платформы, а также разрабатывать стандарты договоров, заключаемых с пользователями цифровой платформы.

Оператор цифровой платформы всегда является субъектом предпринимательской деятельности, зарегистрированным в таком качестве в соответствии с законом. Он может быть как владельцем цифровой платформы, так и заключить договор с ним на осуществление функций оператора. Оператор является субъектом, обеспечивающим текущую деятельность на

цифровой платформе и в отличие от владельца, оператор одновременно является оператором обработки персональных данных.

Для целей правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ целесообразно разделить всех пользователей цифровых платформ на две категории: 1) пользователи-потребители, которые получают доступ к платформе для приобретения товаров (услуг) без цели осуществления предпринимательской деятельности с использованием этой платформы и 2) пользователи-поставщики, являющиеся субъектами предпринимательской деятельности, и которые получают доступ к платформе с целью осуществления предпринимательской деятельности путем использования технологической инфраструктуры цифровой платформы.

§3. Система договоров в предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ

Новые способы осуществления предпринимательской деятельности обуславливают модернизацию существующих договорных конструкций для оформления отношений в цифровой среде. Рассмотрев виды цифровых платформ в первой главе настоящего исследования, стоит отметить, что каждому виду цифровой платформы корреспондирует соответствующий договор, которой оформляет отношения по использованию этой платформы. Идеи о выделении договоров, заключаемых на цифровых платформах, уже отмечались в доктрине. Так, В.Ф. Попондопуло сравнивает отношения с использованием цифровых информационных систем с отношениями по проведению организованных торгов: «подобно тому, как различаются договоры, совершаемые в ходе торгов и договоры оказания услуг по проведению торгов, автор предлагает различать договоры, совершаемые в цифровой информационной системе, и договор оказания услуг по предоставлению информации со стороны оператора цифровой информационной системы»²⁴⁴.

В законодательствах зарубежных стран встречаются примеры, когда идет разграничение и выделение договоров, заключаемых на цифровых платформах. Для целей обеспечения функционирования Единого Европейского Рынка в 2019 году Европейский парламент принял Директиву по договорам поставки цифрового контента и оказания цифровых услуг²⁴⁵, а также Директиву по договорам купли-продажи товаров²⁴⁶, где выделяется договор купли-продажи товаров, содержащих цифровой контент или цифровую услугу.

²⁴⁴Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 3.

²⁴⁵Directive (EU) 2019/770 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2019 on certain aspects concerning contracts for the supply of digital content and digital services [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/770/oj/eng> (дата обращения: 21.03.2025).

²⁴⁶Directive (EU) 2019/771 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2019 on certain aspects concerning contracts for the sale of goods [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/771/oj/eng> (дата обращения: 21.03.2025).

При использовании цифровой платформы могут быть заключены договоры двух видов: пользовательские соглашения с пользователями-потребителями и договоры, опосредующие предпринимательскую деятельность с пользователями-поставщиками.

Целью выделения договоров, заключаемых на цифровой платформе, прежде всего заключается в необходимости обеспечить правовую защиту всем категориям пользователей и систематизировать существующее многообразие договоров, которые можно заключить в рамках отношений по использованию платформы. Отсутствие единого понимания и подхода к определению сущности таких договоров ставит перед исследователями важный вопрос о правовой природе пользовательского соглашения и договора, опосредующего предпринимательскую деятельность с использованием цифровой платформы. Именно эти два вида договоров являются основаниями для возникновения отношений между пользователями и оператором цифровой платформы. Чтобы использовать ресурсы или контент платформы, пользователи должны принять условия конкретного интернет-ресурса и только после этого он получает к нему доступ²⁴⁷.

Пользовательское соглашение иногда может именоваться правилами (или условиями) пользования сайтом (платформой). Другое наименование не меняет сущности данного документа, единственное различие заключается в формулировках, используемых для его описания. И пользовательское соглашение и условия пользования направлены на установление правовых отношений между оператором платформы и пользователем-потребителем, создавая гарантии для обеих сторон.

Опираясь на действующие нормы гражданского законодательства в области договоров, можно определить пользовательское соглашение как соглашение двух сторон, одна из которых является оператором цифровой

²⁴⁷Гасанов А. Я. Правовая природа пользовательских соглашений оказания услуг с использованием цифровых технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 86.

платформы, а другая пользователем, об установлении гражданских прав и обязанностей при использовании цифровой платформы.

Правовой статус оператора подробно был рассмотрен ранее в настоящей диссертации и исходя из проведенного исследования можно отметить, что оператором цифровой платформы выступает (в зависимости от вида цифровой платформы) юридическое или физическое лицо, зарегистрированное в качестве субъекта предпринимательской деятельности, уполномоченное заключать пользовательское соглашение от лица платформы и действующее в соответствии с внутренними правилами платформы. В качестве пользователя цифровой платформы может выступать любой субъект гражданских прав, если платформой не установлены специальные ограничения (возраст пользователя, наличие полной дееспособности и т.д.).

Пользовательское соглашение это договор, заключаемый посредством публичной оферты. Согласно п. 2 ст. 437 ГК РФ: «публичной офертой признается содержащее все существенные условия договора предложение, из которого усматривается воля лица, делающего предложение, заключить договор на указанных в предложении условиях с любым, кто отзовется». Особенностью публичной оферты является то, что она адресована неопределенному кругу лиц²⁴⁸, что делает ее необходимым элементом для построения договорных отношений на цифровых платформах, для которых рост числа пользователей напрямую связан с повышением ценности самой платформы.

Любой договор характеризуется наличием в нем существенных условий. Относительно существенных условий М.И. Брагинский и В.В. Витрянский писали, что речь идет об условиях, формирующих договоры в целом и их отдельные типы (виды) в частности. Исходя из этого существенными, по общему признанию, являются условия, необходимые и достаточные для того, чтобы договор считался заключенным и тем самым способным породить права

²⁴⁸Халеппо И.М. Оферта в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03 / Халеппо Ирина Михайловна. – Краснодар, 2013. – С. 9.

и обязанности у его сторон²⁴⁹. Существенным условием любого договора выступает условие о его предмете, а также существенными могут быть условия, определенные в качестве таковых законом или иными нормативными правовыми актами как существенные или необходимые для данного вида договора, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

В качестве существенного условия пользовательского соглашения выступает его предмет. Для пользовательского соглашения предметом договора является оказание услуги посредством предоставления доступа к цифровой платформе с возможностью извлечения полезных свойств платформы как сложного объекта. Доступ может осуществляться в нескольких формах: в виде доступа к программному обеспечению, в виде организации покупки и продажи или в виде доступа к соцсетям (к коммуникации). Обеспечение коммуникации является неотъемлемой частью услуги по предоставлению доступа к платформе.

Основным способом оказания услуги по предоставлению доступа к цифровой платформе выступает регистрация лица на платформе. Подробный порядок регистрации и перечень сведений, которые необходимо отразить, предопределяются разновидностью пользовательского соглашения на конкретном виде цифровой платформы. Так для маркетплейсов при регистрации достаточно Ф.И.О. и контактных данных пользователя,²⁵⁰ в то время как для инвестиционных или финансовых цифровых платформ требуется указать паспортные данные, идентификационный номер налогоплательщика, сведения о финансовом статусе пользователя и т.д.²⁵¹

²⁴⁹Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. – 3-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2001. – Кн.1.— С. 284.

²⁵⁰Пользовательское соглашение Lamoda [Электронный ресурс] // URL: <https://www.lamoda.ru/about/oferta/> (дата обращения: 21.03.2025).

²⁵¹Правила инвестиционной платформы «Инвестиционный компас» [Электронный ресурс] // URL: <https://cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/98365/1669#:~:text=5.10.1.&text=%2D%20ОГРНИП%20для%20зарегистрированных%20в%20качестве,:%20%2D%20контактный%20номер%20мобильного%20телефона> (дата обращения: 21.03.2025).

Сама обязанность заключать пользовательское соглашение вытекает из предпринимательского характера деятельности с использованием цифровой платформы, отношения между оператором платформы и пользователем отвечают признакам гражданско-правовых, что приводит к необходимости облачить эти отношения в правовую форму (договор).

Основной целью пользовательского соглашения выступает установление условий, на которых пользователь может использовать программу или программный сервис. Соглашение определяет обязательства владельца платформы, ограничивает злоупотребление программным обеспечением, объясняет, как лицензируется программное обеспечение, и разъясняет условия, при которых соглашение может быть расторгнуто. На практике принято разделять цели такого соглашения на две группы: заявленные и реальные²⁵².

Заявленные цели включают в себя намерение бизнеса рассказать о возможностях продукта, описать порядок работы с клиентами и дать исчерпывающие представления о средствах юридической защиты. Реальные цели более прагматичны – компаниям необходимо ограничить ответственность и защитить интеллектуальную собственность.

В литературе также предлагают выделить ряд признаков, присущих пользовательскому соглашению²⁵³:

- 1) выступает в качестве правил использования программного обеспечения;
- 2) может рассматриваться в качестве публичной оферты;
- 3) согласие с его условиями выступает обязательным для любого пользователя.

Пользовательские соглашения можно классифицировать по виду цифровой платформы, на которой оно заключается и по способу его

²⁵²Пользовательское соглашение: инструкция по составлению [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/08/polzovatel'skoe_soglashenie_instrukciya_po_sostavleniyu (дата обращения: 22.03.2025).

²⁵³Гаврилов В.Н., Рассказов А.А., Чиркаев С.А. Правовое регулирование пользовательского соглашения в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 3(152). С. 157.

заклучения. По способу заключения они делятся на два вида: соглашения, которые не нужно самостоятельно принимать (подписывать) и соглашения, которые требуют действия со стороны пользователя.

В первом случае, речь идет о таких соглашениях, как соглашения о просмотре (англ. *browsewrap*)²⁵⁴, которые являются популярным выбором среди некоторых владельцев веб-сайтов из-за простого внешнего вида и функциональности. Как правило, они отображаются в виде гиперссылки в нижней части экрана пользователя, указывающей на то, что использование сайта подразумевает согласие пользователя соблюдать любые существующие пользовательские соглашения (пользователю не нужно сначала согласиться с условиями соглашения и только потом получить доступ к ресурсу, с таким соглашением все делается автоматически).

Второй вариант соглашений требуют, чтобы пользователи давали согласие на использование программы или сервиса. Обычно это делается путем установки галочки. В некоторых соглашениях галочка установлена в конце, и пользователям необходимо просмотреть его, прежде чем согласиться с условиями. Такие соглашения (англ. *clickwrap*) имеют большую юридическую силу, чем их аналоги с *browsewrap*. Поскольку пользователям необходимо установить галочку, нажать на кнопку или иным образом указать, что они ознакомились с соглашением, в связи с чем провайдеры могут ограничить свои риски, не оказывая негативного влияния на работу пользователей.

В результате анализа разных пользовательских соглашений можно выделить общие положения, которые характерны для всех пользовательских соглашений независимо от вида цифровой платформы, на которой оно заключается. Среди них:

1) Положения о правах и обязанностях пользователя и оператора. Для пользовательских соглашений больше характерно излагать права и

²⁵⁴User Agreements 101: What You Need to Know [Электронный ресурс] // URL: <https://ironcladapp.com/journal/contracts/user-agreements/> (дата обращения: 22.03.2025).

обязанности через систему запретов для пользователей и разрешений для оператора. Так, оператор платформы вправе устанавливать ограничения в использовании сервисов для всех пользователей, либо для отдельных категорий, он также может направлять информационные сообщения или рекламу без специального согласия пользователя. Пользователю сервиса запрещено осуществлять ряд действий с контентом платформы, а также осуществлять любые действия нарушающие права и интересы третьих лиц.

2) Положение о внесении изменений. Как правило, оператор платформы не принимает встречных предложений от пользователя по изменению содержания соглашения, оно остается единым для всех. А также за оператором сохраняется право в любой момент вносить изменения в данное соглашение без предварительного уведомления пользователя.

3) Положение о нарушении условий договора. Здесь определяется, что является нарушением договора именно со стороны пользователя. Эти положения служат руководством для пользователей относительно того, как они могут/не могут использовать платформу. Еще одним необходимым условием является положение об ответственности. Для пользовательских соглашений характерно исключение какой-либо ответственности владельца перед пользователями, кроме тех случаев, когда это прямо следует из закона.

4) Положение о выборе применимого права (арбитражная оговорка). Наличие такого раздела в соглашении характерно для международных платформ. В нем определяется закон, который регулирует возникшие между сторонами соглашения отношения. Как правило применимые законы относятся к географическому положению поставщика, а не конечного пользователя. Это положение является необходимым и важным для пользовательского соглашения цифровой платформы, поскольку оно полностью регулирует вопросы относительно споров, вытекающих из соглашения, и определяет порядок действий сторон при переходе на судебную стадию разбирательств.

Со стороны цифровой платформы такие соглашения очень удобны и ускоряют процесс оказания услуг и продажи товаров. Но с точки зрения потребителя из-за большого объема пользовательского соглашения возникает фундаментальная асимметрия между платформами и пользователями²⁵⁵.

В доктрине также обсуждался вопрос относительно содержания пользовательского соглашения, с чем именно соглашается пользователь, принимая данное соглашение – с условиями использования сайта как цифровой платформой или с условиями договора, заключаемого посредством этого сайта²⁵⁶. Цели и условия пользовательского соглашения определяют порядок и условия доступа пользователя к цифровой платформе как к площадке взаимодействия между пользователями-потребителями и пользователями-поставщиками и соответственно, принимая пользовательское соглашение он соглашается с условиями использования цифровой платформы, а не с условиями договора, который будет заключен посредством платформы.

Неразрешенным остается и вопрос правовой природы пользовательского соглашения. В доктрине на сегодняшний день существует несколько точек зрения относительно правовой природы пользовательского соглашения. На практике, ряд юристов, отмечают, что пользовательское соглашение обладает природой **смешанного договора** и является смешанной и непоименованной гражданским законодательством сделкой, которая заключается в виртуальном пространстве²⁵⁷. Н.В. Щербак пишет, что смешанная модель договора – это наиболее рациональный вариант для цифровых платформ, поскольку она наилучшим образом соответствует правовой природе возникающих отношений²⁵⁸. Учитывая невозможность изменения содержания такого соглашения, пользователи либо принимают

²⁵⁵Samples T. R., Ireland K., Kracson C. DR: The Law and Linguistics of Social Platform Terms-of-Use // 39 Berkeley Technology Law Journal. 2024. № 47. P. 52.

²⁵⁶Сергеева О.В. Влияние цифровизации на преддоговорные отношения в международном частном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С.169.

²⁵⁷Пользовательское соглашение: инструкция по составлению [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/08/polzovatelskoe_soglashenie_instrukciya_po_sostavleniyu (дата обращения: 22.03.2025).

²⁵⁸См. подробнее: Щербак Н.В. Лицензионный договор как основная модель функционирования цифровых платформ // Законодательство. 2025. № 6. С. 26 – 35.

условия и пользуются ресурсом, либо отказываются и доступ к сервису тоже прекращается и в этой характеристике соглашения, можно усмотреть природу **договора присоединения** по смыслу статьи 428 ГК РФ. Существует и точка зрения, согласно которой пользовательские соглашения представляют собой **«локальные законы»**, разработанные компаниями на основании наиболее удобной договорной конструкции, позволяющей нивелировать ответственность при возникающих правовых спорах²⁵⁹.

Действующее гражданское законодательство не содержит специальных норм, регламентирующих порядок и способы заключения пользовательских соглашений, они не выделяются в качестве новой разновидности гражданско-правового договора. Принимая во внимание все многообразие цифровых платформ и соответственно пользовательских соглашений, используемых платформами, весь массив уже существующих соглашений характеризуется наличием в них элементов лицензионного договора и договора возмездного оказания услуг.

Стоит отметить, что лицензионное соглашение и пользовательское соглашение не тождественны друг другу. Пользовательское соглашение произошло от лицензионного в силу развития цифровой среды и появления новых услуг и объектов в этой среде. В ГК РФ существуют нормы, подробно регулирующие порядок и последствия заключения лицензионных договоров. В соответствии с п. 1 ст. 1235 ГК РФ по лицензионному договору одна сторона – обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах.

Лицензионный договор, как правило, используется для оформления правоотношений по использованию программ для ЭВМ, однако, в настоящем

²⁵⁹См. подробнее: Глонина В.Н. Не все то лицензия, что ею зовется: проблемные аспекты правового регулирования отношений между пользователями и цифровыми сервисами // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 43 – 53.

исследовании уже было отмечено, что программа для ЭВМ и цифровая платформа не тождественны друг другу. Заключение пользовательского соглашения приводит к доступу к цифровой платформе с возможностью извлечения ее полезных свойств как сложного объекта, однако, квалифицировать, в связи с этим, пользовательское соглашение, исключительно как лицензионное соглашение не представляется верным. Знак равенства между пользовательским и лицензионным соглашением ставится тогда, когда пользователи используют такой вид цифровой платформы, позволяющий генерировать контент, так как в иных случаях это лишь доступ к инфраструктуре. Цель лицензионного соглашения дать возможность легально использовать чужую интеллектуальную собственность для решения собственных задач, однако, не все в цифровой среде преследует цель использовать чужую интеллектуальную собственность, иногда пользователь хочет получить информационную услугу или доступ к информационному продукту и в таком случае используется пользовательское соглашение²⁶⁰.

Еще одним подтверждением, что пользовательское соглашение может содержать элементы лицензионного договора, но не приравнивается к нему являются функциональные возможности оператора в этих договорных отношениях. Оператор цифровой платформы, в свою очередь, обладает функционалом, который существенно шире, чем просто предоставление доступа на платформу²⁶¹. Так операторы цифровых платформ в рамках своей деятельности наряду с предоставлением информации о товарах (услугах) еще и обеспечивают возможность заключения и оплаты договора, и предлагают множество дополнительных услуг для пользователей в контексте обеспечения бесперебойного взаимодействия между пользователями.

Вопрос квалификации пользовательского соглашения как договора возмездного оказания услуг уже являлся предметом диссертационных

²⁶⁰См. подробнее: Рожкова М.А. О различиях между лицензионным договором и пользовательским соглашением // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4(46). С. 121 - 133.

²⁶¹Ворникова, Е. Д. Правовое регулирование внешней торговли услугами в цифровой экономике: дис. ... канд. юрид. наук. 5.1.3 / Ворникова Екатерина Дмитриевна. – М., 2023. – С. 147.

исследований. Данный подход к определению правовой природы пользовательского соглашения имеет значение, так как предмет соглашения включает в себя оказание услуг по предоставлению доступа к цифровой платформе и очевидно, что элементы договора оказания услуг будут в нем отражены.

В текстах пользовательских соглашений нередко можно встретить прямое указание на то, что предметом соглашения является оказание оператором платформы различных услуг. Так в пункте 3.1 Пользовательского соглашения «Яндекс Маркета» закрепляется, что: «Сервис предназначен для заказа Пользователем услуг по доставке Товаров, предлагаемых Продавцами на Сервисе, оплаты и приобретения Продуктов цифрового контента, а также осуществления предварительного бронирования Товаров для здоровья и алкогольной продукции на Сервисе для последующего их приобретения в стационарной аптеке/стационарном магазине Продавца.»²⁶² В пользовательских соглашениях иностранных цифровых платформ также упоминаются услуги, оказываемые платформой (Amazon²⁶³, Ebay²⁶⁴). В статье 2 Директивы о цифровых рынках²⁶⁵ платформа тоже определяется через ряд услуг, которые оказываются при ее использовании.

По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги (п. 1 ст. 779 ГК РФ). Предметом исполнения по данному договору будет полученный заказчиком полезный эффект от совершения исполнителем

²⁶²Правила использования сервиса «Яндекс Маркет» [Электронный ресурс] // URL: https://yandex.ru/legal/market_termsofuse/ (дата обращения: 23.03.2025).

²⁶³Amazon Services Terms of Use [Электронный ресурс] // URL: <https://www.amazon.com/gp/help/customer/display.html?nodeId=202140280> (дата обращения: 23.03.2025).

²⁶⁴User Agreement [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ebay.com/help/policies/member-behaviour-policies/user-agreement?id=4259#2> (дата обращения: 23.03.2025).

²⁶⁵Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L.2022.265.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A265%3ATOC> (дата обращения: 24.03.2025).

определенных действий либо осуществления им определенной деятельности, причем важнейшей характеристикой является качество услуг²⁶⁶.

Знак равенства между отношениями по допуску к цифровой платформе и отношениями по оказанию услуг ставится и в многочисленной правоприменительной практике. В судебной практике сложилась тенденция квалификации предоставления доступа к программному обеспечению в качестве договора возмездного оказания услуг²⁶⁷, либо смешанного договора с элементами оказания услуг²⁶⁸. ФАС России также квалифицирует пользовательские соглашения как оказание услуг по обеспечению доступа к онлайн-платформам²⁶⁹.

Рассматривая пользовательское соглашение как договор оказания услуг, стоит отдельно рассмотреть наличие признака возмездности в отношениях между оператором и пользователями платформы. Возмездность может выражаться в удерживании оператором комиссии за оказываемые услуги (например, платформа Avito удерживает комиссию в размере 8% при отправке товаров через сервисы доставки платформы), однако, не на всех платформах действует комиссия и она не взимается при заключении пользовательского соглашения с пользователем. В качестве примера можно привести п. 2.1

²⁶⁶Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – С. 637.

²⁶⁷См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2017 № 09АП-11464/2017 по делу № А40-190547/16 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ab4b41a5-9362-495b-ab4d-6df0c6310f24/65f5abc2-bb9f-4cf3-ac45-f1fe6e8923b5/A40-190547-2016-20161216-Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.03.2025); Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2022 № 09АП-64168/2022 по делу № А40-111861/2022 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0754d59b-e117-41d1-af7e-3a0982cc3880/be62cc92-a7d3-42f6-b96c-1c46265daaef/A40-111861-2022-20220810-Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.03.2025); Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 10.08.2017 № 02АП-5381/2017 по делу № А28-2245/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d397eaaa-ea44-41dc-a7ef-0e70afb1e8f/89735745-50d0-4fd9-977d-3e1aec542b92/A28-2245-2017-20170607-Reshenie.pdf?isAddStamp=True> (дата обращения: 25.03.2025).

²⁶⁸См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.07.2022 № Ф05-14395/2022 по делу № А40-188537/2021 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cc26262c-c275-4174-81a5-3d986331e44b/6b8f7652-a78b-4153-a4fc-1fc8c5d55add/A40-188537-2021-20220425-Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.03.2025).

²⁶⁹Рекомендации Экспертного совета при ФАС России по развитию конкуренции в области информационных технологий и Экспертного совета ФАС России по развитию конкуренции в сфере розничной торговли «О практиках в сфере использования информационных технологий в торговле, в том числе связанных с использованием ценовых алгоритмов» [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/documents/684828> (дата обращения: 25.03.2025).

Пользовательского соглашения сервиса Яндекс-услуги, сервис предоставляет бесплатную функциональную возможность размещения, поиска и просмотра Объявлений и Заказов Пользователей, поиска Исполнителей, Откликов на Заказы, а также иные функциональные возможности²⁷⁰.

Возмездность в договорах может выражаться не только в получении платы, но и иного встречного предоставления, как это указано в статье 423 ГК РФ. Пользователь принимает пользовательское соглашение и одновременно с этим предоставляет доступ к своим персональным данным, что позволяет оператору осуществлять обработку, хранение и иные функции в установленном соглашении и законом порядке. В таком случае, возникает вопрос о возможности признания предоставления доступа к персональным данным в качестве встречного требования по договору. По смыслу действующего ГК РФ персональные данные являясь разновидностью информации не входят в перечень объектов гражданских прав по статье 128 ГК РФ и скорее могут рассматриваться как личное неимущественное благо по смыслу п. 1 ст. 150 ГК РФ. В доктрине можно найти позиции, согласно которым допустимо рассматривать данные в качестве объекта гражданских правоотношений, в связи с тем, что для быстро меняющейся экономической реальности ряд существующих юридических конструкций оказываются непригодными²⁷¹.

В качестве встречного предоставления по пользовательскому соглашению с платформой можно рассматривать сам факт присоединения пользователя к платформе. Пользователи платформы представляют собой необходимый ресурс для повышения ценности цифровой платформы и ее товаров(услуг) за счет создания сетевых эффектов. Сетевой эффект представляет собой экономическое явление, при котором ценность цифровой

²⁷⁰Условия использования сервиса «Яндекс Услуги» [Электронный ресурс] // URL: https://yandex.ru/legal/uslugi_termsofuse/ (дата обращения: 26.03.2025).

²⁷¹См.: Мефодьева К.А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.03 / Мефодьева Кристина Александровна. – М., 2019. – 28 с.; Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106 – 123.

платформы возрастает по мере увеличения количества ее пользователей. Каждый новый пользователь повышает ценность сети, а также мотивирует других потенциальных пользователей присоединиться к платформе²⁷². Таким образом, пользователь, заключивший соглашение и присоединившийся к платформе в качестве встречного предоставления повышает ее ценность и привлекательность для других потенциальных пользователей.

В доктрине уже предлагали рассматривать встречное предоставление в отношениях между оператором платформы и пользователями через концепцию связанных договоров²⁷³. Использование конструкции связанных договоров позволяет теоретически обосновать наличие встречного предоставления в пользовательском соглашении. А.Л. Маковский указывал: «для того, чтобы считаться «встречным», предоставление не обязательно должно быть предусмотрено тем же самым договором, что и «подарок». Оно может быть предметом отдельной сделки и иногда даже с другим лицом»²⁷⁴. Данная идея прослеживается и у М.И. Брагинского, который писал: «то обстоятельство, что «дарение» причинно обусловлено встречным предоставлением со стороны «одаряемого» (в том числе и по иной сделке), бесспорно свидетельствует о том, что стороны, заключая договор дарения, на самом деле имели в виду сделку, совершаемую на возмездной основе, которую они хотели прикрыть сделкой дарения»²⁷⁵. Таким образом, получается, что условие о встречном предоставлении в рамках отношений по использованию цифровых платформ реализуется иначе, чем традиционный порядок уплаты денежных средств со стороны потребителя оператору платформы. Пользовательские соглашения между оператором и пользователем, а также договоры пользователей друг с другом представляют собой конструкцию,

²⁷²Шайдуллин А. И. Влияние сетевых эффектов на цифровые платформы: теоретические положения и эмпирический анализ // Российский журнал менеджмента. 2024. № 22 (3). С. 409.

²⁷³ Ворникова, Е. Д. Правовое регулирование внешней торговли услугами в цифровой экономике: дис. ... канд. юрид. наук. 5.1.3 / Ворникова Екатерина Дмитриевна. – М., 2023. – С. 155.

²⁷⁴Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно – предметный указатель / Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. – М., 1996. – С. 305.

²⁷⁵Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. – 4-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2002. – Кн. 2. – С. 670.

которая характеризуется экономической выгодой для всех субъектов платформы. Экономическая выгода для пользователя-поставщика выражается в возможности эффективно реализовать свои товары (услуги) с использованием платформы, для пользователя-потребителя выгода представляется в возможности быстрого поиска нужного товара (услуги) продукта в рамках одной цифровой платформы, а оператор платформы, в свою очередь, получает материальную выгоду от их взаимодействия в виде комиссии за совершаемые на платформе сделки²⁷⁶. С формально-юридической точки зрения вся цепочка состоит из самостоятельных договоров, но результат их параллельного заключения и исполнения выражается в выгоде для всех участников отношений.

Еще одним способом получения встречного предоставления оператором платформы является реклама. Обращаясь снова к персональным данным пользователя, стоит отметить, что рекламная деятельность придает этим данным экономическую ценность, так как с помощью обработки персональных данных формируется релевантная для конкретного пользователя реклама, которая с помощью алгоритмов платформы будет попадаться этому пользователю. Новые технологии являются средством создания рекламного продукта на основе информации о потребителях, собранной через платформы²⁷⁷. Рекламодатель получает выгоду от целевой рекламы, так как она повышает вероятность того, что его продукт действительно будет представлен целевой аудитории и соответственно будет куплен данной категорией пользователей.

В доктрине также можно встретить мнения, о признании за пользовательским соглашением правовой природы агентского договора. Основанием для такой позиции служит постановление, принятое Верховным Судом РФ в 2018 году, в котором суд признал отношения агрегатора такси и

²⁷⁶ Ворникова, Е. Д. Правовое регулирование внешней торговли услугами в цифровой экономике: дис. ... канд. юрид. наук. 5.1.3 / Ворникова Екатерина Дмитриевна. – М., 2023. – С. 160.

²⁷⁷ Рахматуллин Т.Э. Цифровые технологии в рекламной деятельности: правовое регулирование // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2019. – С. 164.

пользователя в качестве агентских²⁷⁸, что послужило началом размышлений о возможности признания за пользовательским соглашением правовой природы агентского договора. В соответствии со статей 1005 ГК РФ: «по агентскому договору одна сторона (агент) обязуется за вознаграждение совершать по поручению другой стороны (принципала) юридические и иные действия от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала».

Предмет агентского договора – это длящееся совершение агентом юридических и фактических действий, из чего следует, что агентский договор заключается не для совершения одной сделки или действия, а с целью длительного представления интересов принципала. В то время как, регистрация пользователя на цифровой платформе не всегда предполагает систематическое использование платформы для приобретения товаров или услуг. Пользователь, получая доступ к цифровой платформе может совершить разовую операцию и больше не использовать платформу. Уравнивание пользовательского соглашения с агентским договором отрицается и в текстах пользовательских соглашений цифровых платформ. Так, в пользовательском соглашении сервисов Яндекса в пункте 10.5 закреплено: «ничто в Соглашении не может пониматься как установление между Пользователем и Яндексом агентских отношений, отношений товарищества, отношений по совместной деятельности, отношений личного найма, либо каких-то иных отношений, прямо не предусмотренных Соглашением»²⁷⁹. Стоит также отметить, что Ю.С. Гамбаров относил агентский договор к числу фидуциарных сделок²⁸⁰ и если рассматривать пользовательское соглашение на наличие лично-доверительных отношений между оператором и пользователем, то мы приходим к отрицательному ответу, так как автоматизированный порядок заключения и исполнения соглашения не предполагает возникновения лично-

²⁷⁸Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 8.

²⁷⁹Пользовательское соглашение сервисов Яндекса [Электронный ресурс] // URL: <https://yandex.ru/legal/rules/> (дата обращения: 30.03.2025).

²⁸⁰Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Том I. Часть общая. – С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1911. – С. 734.

доверительных отношений с оператором платформы. Таким образом, квалификация пользовательского соглашения как агентского договора, на наш взгляд, представляется ошибочной и не отражающей действительную правовую природу соглашения.

По порядку заключения, стоит рассмотреть пользовательское соглашение через призму договора присоединения. В соответствии со статьей 428 ГК РФ: «договором присоединения признается договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом». В. В. Витрянский отмечает: «критерием выделения договора присоединения из всех гражданско-правовых договоров служит не существо возникших из него обязательств, как это имеет место при дифференциации договорных обязательств на отдельные виды договоров, и не характер деятельности одной из сторон (публичный договор), а способ заключения договора»²⁸¹.

Модель договора присоединения создана прежде всего для многократного использования однотипных сделок, для сокращения издержек, которые могут возникнуть при согласовании договора в каждом отдельном случае. Такой договор можно использовать в самых различных сферах: розничная торговля, банковские услуги, лицензия, оказание услуг связи и др. При этом важным признаком этого договора выступает формальная невозможность изменения условий договора, можно принять их полностью, но никак не отдельные пункты или разделы.

Однако ГК РФ прямо предусматривает защиту слабой стороны в таком договоре. Так, в п. 2 статьи 428 ГК РФ закреплено, что присоединившаяся к договору сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора, если:

²⁸¹См.: Витрянский В. В. Новые типы гражданско-правовых договоров // Закон. 1995. № 6.

- 1) договор присоединения хотя и не противоречит закону и иным правовым актам, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида;
- 2) исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств;
- 3) либо содержит другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она исходя из своих разумно понимаемых интересов не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора.

В доктрине отмечают, что квалификация какого-либо договора как договора присоединения осуществляется не для того, чтобы исключить для данного договора преддоговорные споры, а для того, чтобы создать возможность для последующих «последоговорных» споров об изменении или расторжении заключенного договора²⁸². Е. А. Суханов пишет, что смысл договора присоединения состоит в предоставлении потребителю более широкой, чем обычно, возможности добиваться его изменения или расторжения²⁸³. Учитывая порядок заключения договора присоединения, который не предполагает предварительного согласования условий с присоединяющейся стороной, можно отметить сходство с пользовательским соглашением, однако, договор присоединения в силу закона предоставляет присоединяющейся стороне возможность изменения его условий, что в случае с пользовательскими соглашениями полностью исключается.

Таким образом можно признать за пользовательским соглашением частичную природу договора присоединения, лишь в части, указывающей на способ его заключения. О наличии в пользовательском соглашении признаков договора присоединения в части способа заключения указывает И.З. Аюшеева, отмечая, что договор на платформе, как правило, заключается путем

²⁸²См.: Ершов Ю. Л. О некоторых особенностях конструкции договора присоединения в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 49 – 50.

²⁸³Гражданское право: учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.:Статут, 2023. Т.3. – С. 187.

присоединения к уже разработанным владельцем сайта правилам в электронной форме с использованием технологии click-wrap, пользователю предоставляются логин и пароль от личного кабинета, по которым в дальнейшем он будет идентифицироваться на платформе²⁸⁴. Наличие правовой природы договора присоединения в пользовательском соглашении повлияло и на предмет заключаемого договора. Принимая пользовательское соглашение цифровой платформы, пользователь приобретает доступ к инфраструктуре и услугам в совокупности с правами и обязанностями, которые не могут быть изменены и могут рассматриваться как неотъемлемая часть приобретаемого блага. А.Е. Кирпичев отмечает: «в типичной потребительской сделке права и обязанности сторон не формируются в процессе переговоров, а предлагаются в готовом виде как часть приобретаемого «продукта»»²⁸⁵. Пользовательские соглашения справедливо можно отнести к виду потребительских сделок, которые не предполагают переговоров и обсуждений содержания прав и обязанностей сторон, которые принимаются в целом вместе с предметом договора.

Отмечая порядок заключения возможно также рассмотреть правовую природу пользовательского соглашения и через призму публичного договора. Согласно статье 426 ГК РФ: «публичным признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится». Целью выделения такого договора в гражданском законодательстве является защита экономически слабой стороны договора. При этом нет препятствий считать публичным урегулированный в самом ГК

²⁸⁴ Аюшеева И.З. Виртуальные сообщества: проблемы определения гражданско-правового статуса // Закон. 2022. № 6. С. 60.

²⁸⁵ Кирпичев А.Е. Объект договора и его влияние на содержание обязательства // Объекты гражданских прав: юридические исследования в цифровую эпоху: коллективная монография. Вып. 20. / рук. и науч. ред. д. ю. н. М. А. Рожкова. – М.: ГАУГН Пресс, 2025. – С. 65.

РФ договор, который кодекс прямо не именует таковым²⁸⁶. Публичный договор предполагает его заключение с любым обратившимся лицом, и субъект, осуществляющий предпринимательскую деятельность или иную приносящую доход деятельность, не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим лицом в отношении заключения публичного договора или отказывать лицу в его заключении, кроме случаев, установленных в законе. Пользовательское соглашение как публичный договор заключается посредством публичной оферты, оператором цифровой платформы, уполномоченным заключать соглашения, условия пользовательского соглашения всегда одинаковы для всех и не изменяются для конкретного пользователя. Таким образом, можно прийти к выводу, что в пользовательском соглашении можно выделить правовую природу публичного договора.

Договоры, опосредующие предпринимательскую деятельность на цифровых платформах, заключаются между двумя сторонами, одна из которых является оператором цифровой платформы, а другая пользователем-поставщиком, об установлении гражданских прав и обязанностей при использовании цифровой платформы с целью осуществления предпринимательской деятельности пользователем-поставщиком. По своей правовой природе данный договор аналогично пользовательскому соглашению является смешанным договором и предметом также является оказание услуги посредством предоставления доступа к цифровой платформе с возможностью извлечения полезных свойств платформы как сложного объекта.

Отличительной чертой такого договора является цель его заключения пользователем-поставщиком – осуществление предпринимательской деятельности с использованием цифровой платформы. Таким образом, объем прав и обязанностей отличается по своему содержанию для пользователя-

²⁸⁶Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. – 3-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2001. – Кн.1. – С. 252.

потребителя и пользователя-поставщика, прежде всего из-за появления у пользователя-поставщика права на использование технологической инфраструктуры платформы для осуществления предпринимательской деятельности. По порядку заключения такой договор также будет иметь правовую природу публичного договора и договора присоединения. Договор заключается специальным способом, путем создания личного кабинета для пользователя-поставщика платформы, через который он получает доступ к технологической инфраструктуре платформы. Конкретное содержание такого договора в части прав и обязанностей сторон будет отличаться для каждого вида цифровой платформы. Так, в статье 5 ФЗ № 289 устанавливаются требования к содержанию договора, заключаемого между оператором и партнером посреднической платформы, в котором должен быть прописан порядок работы партнера на платформе, порядок доступа к ресурсам платформы, порядок изменения цен на товары (услуги) и т.д. Также, в отличие от пользовательского соглашения, для договоров оператора с партнером посреднической платформы предусмотрено обязательное предварительное уведомление за 45 дней при внесении в него изменений по установленным законом случаям.

Вывод: В зависимости от субъектного состава договорных отношений по использованию цифровой платформы выделяются два вида договоров: 1) пользовательские соглашения с пользователями-потребителями и 2) договоры, опосредующие предпринимательскую деятельность с пользователями-поставщиками. Пользовательское соглашение – это смешанный договор, заключаемый между двумя сторонами, одна из которых является оператором цифровой платформы, а другая пользователем-потребителем, об установлении гражданских прав и обязанностей при использовании цифровой платформы. Смешанная правовая природа проявляется в наличии у пользовательского соглашения элементов лицензионного договора и договора оказания услуг. Предметом пользовательского соглашения является оказание услуги посредством

предоставления доступа к цифровой платформе с возможностью извлечения полезных свойств платформы как сложного объекта. По порядку заключения такое соглашение имеет правовую природу публичного договора и договора присоединения. В каждом отдельном пользовательском соглашении наличие тех или иных элементов поименованных Гражданским Кодексом РФ договоров будет отличаться в зависимости от сферы предпринимательской деятельности, в которой используется цифровая платформа.

Договоры, опосредующие предпринимательскую деятельность с использованием цифровых платформ, заключаются между двумя сторонами, одна из которых является оператором цифровой платформы, а другая пользователем-поставщиком, об установлении гражданских прав и обязанностей при использовании цифровой платформы с целью осуществления предпринимательской деятельности пользователем-поставщиком. Такой договор по своей правовой природе, аналогично пользовательскому соглашению, будет смешанным договором и по порядку заключения публичным договором и договором присоединения. Основное отличие этого договора от пользовательского соглашения состоит в цели его заключения (осуществление предпринимательской деятельности путем использования цифровой платформы, на которой осуществлена регистрация пользователя-поставщика), а также в объеме прав и обязанностей, возникающих у пользователя-поставщика. Так, пользователь-поставщик получает право использовать технологическую инфраструктуру цифровой платформы для осуществления предпринимательской деятельности.

Глава 3. Защита прав субъектов предпринимательских отношений с использованием цифровых платформ

§1. Способы и формы защиты прав пользователей-потребителей цифровых платформ

Существование субъективных гражданских прав предопределяет наличие у управомоченного лица и права на их защиту. Институт защиты прав имеет ключевое значение для развития гражданского оборота. Все имеющиеся позиции и мнения относительно понимания сущности и содержания такой категории как «право на защиту» выделяют в три основных подхода.

Согласно первому подходу, ученые-правоведы рассматривают право на защиту как одно из правомочий любого субъективного права, имеющегося у субъекта, и определяют право на защиту как юридически закрепленную возможность управомоченного лица использовать меры правоохранительного характера с целью восстановления своего нарушенного права²⁸⁷. В составе субъективного права выделяются ряд возможностей:

- 1) возможности для управомоченного лица осуществить право своими собственными действиями;
- 2) возможности требовать определенного поведения от обязанного лица;
- 3) возможности обратиться к компетентным государственным или общественным органам с требованием защиты нарушенного или оспариваемого права.

Таким образом право на защиту является неотъемлемым правомочием субъективного права и существует постоянно, независимо от того, нарушено ли субъективное право или нет.

²⁸⁷Гражданское право: учебник: в 4-х т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. Т. I. – С. 497.

Второй подход предполагает, что право на защиту, это самостоятельное субъективное право, которое возникает у лица в рамках охранительных правоотношений, возникших в связи с нарушением другим лицом правовых предписаний²⁸⁸. В соответствии с данным подходом, право на защиту появляется у управомоченного лица только в момент нарушения или оспаривания субъективного права и реализуется в рамках возникающего при этом охранительного гражданского правоотношения.

Согласно третьему подходу, право на защиту может быть рассмотрено в объективном смысле, как: «представляющее собой совокупность гражданско-правовых, гражданско-процессуальных и иных процедурных норм, регулирующих отношения, связанные с защитой гражданских прав»²⁸⁹.

В рамках настоящего исследования, автор придерживается первого подхода, согласно которому право на защиту есть одно из правомочий субъективного права и существует постоянно, независимо от возникновения ситуации, когда происходит его нарушение. В общем виде право на защиту можно определить как предоставленную управомоченному лицу возможность применения мер правоохранительного характера для восстановления его нарушенного или оспариваемого права²⁹⁰.

Правовой институт субъективных прав на защиту состоит из совокупности материальных и процессуальных норм. В действующем Гражданском кодексе РФ определен перечень способов защиты гражданских прав в статье 12 и необходимо отметить, что данный перечень является открытым и с развитием гражданского оборота могут появиться и иные способы защиты права, которые пока неизвестны законодателю и практике. Возможность использования других непоименованных способов защиты прав проистекает также из статьи 45 Конституции РФ, где закрепляется право лица защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными

²⁸⁸Гражданское право: учебник: в 3 т. Т.1 / под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2018. — С. 93.

²⁸⁹Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. — М.: Норма, Инфра-М, 2010. — С. 16.

²⁹⁰Предпринимательское право Российской Федерации: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма ИНФРА-М, 2024. Т. 2. — С. 379.

законом²⁹¹. Применение того или иного способа защиты прав конкретизируется отдельными нормами специального законодательства и в отдельных случаях, в договорных соглашениях.

Существующие способы защиты прав состоят из двух категорий мер²⁹²:

- 1) меры государственно-принудительного порядка (обладают признаками мер гражданско-правовой ответственности);
- 2) меры защиты в узком смысле (не обладают признаками гражданско-правовой ответственности).

Выделение этих двух категорий обусловлено рядом предпосылок. Меры гражданско-правовой ответственности осуществляют компенсаторно-восстановительную функцию гражданского права. Меры гражданско-правовой ответственности применяются исключительно в случае гражданского правонарушения. Эти меры либо восстанавливают имущественную сферу потерпевшего, либо являются имущественной компенсацией за причиненный моральный вред. В свою очередь, меры защиты гражданских прав (в узком смысле) сочетают в себе восстановительную функцию с превентивной и пресекательной функциями гражданского права. Меры защиты гражданских прав направлены на предупреждение и пресечение правонарушения.

Все существующие способы защиты гражданских прав могут применяться в определенном процессуальном или процедурном порядке, такой порядок будет именоваться формой защиты гражданских прав. Принято выделять две формы: юрисдикционную и неюрисдикционную формы защиты прав²⁹³.

Юрисдикционная форма представляет собой обращение лица к уполномоченным государственным органам с целью восстановления

²⁹¹Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 237. 25.12.1993.

²⁹²Гражданское право: учебник: в 4-х т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. Т. I. – С. 498.

²⁹³Там же. С. 502.

нарушенного права. Среди юрисдикционной формы выделяются судебный и внесудебный (административный) порядок.

Неюрисдикционная форма используется для защиты гражданского права самостоятельными действиями управомоченного лица без обращения в государственные органы. Среди неюрисдикционных форм можно отметить самозащиту, применение мер оперативного воздействия к правонарушителю, а также третейское разбирательство.

В соответствии с Концепцией общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы», представленной Минэкономразвития в мае 2021 года, одной из приоритетных задач является соблюдение интересов потребителей и поставщиков экосистем/платформ²⁹⁴. Для отношений, складывающихся в рамках осуществления деятельности с использованием цифровых платформ, характерно сочетание уже существующих норм о защите прав и дополнительного регулирования новыми положениями.

Для анализа системы способов защиты прав на цифровых платформах, необходимо определить субъекта (пользователя), который обладает этим правом на защиту. Ранее в рамках настоящего исследования было определено, что на цифровой платформе представлены две категории субъектов: пользователи-потребители и пользователи-поставщики. В рамках настоящего параграфа будут рассмотрены способы и формы защиты прав пользователей-потребителей цифровых платформ.

На сегодняшний день, система защиты прав пользователей строится на основании норм ГК РФ, иных федеральных законов и положений правил пользования платформой. Отсутствие единого закона о цифровых платформах создает ситуацию, когда на отдельных видах цифровых платформ могут применяться разные способы защиты прав. Как правило, пользователи-

²⁹⁴Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы» [Электронный ресурс] // URL: https://economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf (дата обращения: 4.04.2025).

потребители используют поименованные в статье 12 ГК РФ способы защиты прав по отдельности или в совокупности. Первым, основным и самым распространенным способом защиты прав в сфере использования цифровых платформ является возмещение убытков. Статья 15 ГК РФ определяет: «под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)».

На практике, вместе с возмещением убытков, пользователь-потребитель также использует такие способы защиты как компенсация морального вреда и взыскание неустойки. Верховный Суд РФ определяет моральный вред как: «нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права, либо нарушающими имущественные права гражданина»²⁹⁵. Причем необязательно указание в нормативном правовом акте возможности компенсации морального вреда для конкретных правоотношений.

Еще одним поименованным в ГК РФ способом защиты прав для пользователей-потребителей является изменение или прекращение правоотношений. Потребитель может использовать данный способ защиты с целью прекратить или изменить правоотношения, которые могут быть, а могут и не быть связаны с возмещением убытков, взысканием неустойки или компенсацией морального вреда. В частности, когда пользователь сталкивается с получением некачественного товара (услуги) он имеет право на его замену или отказаться от исполнения договора и потребовать возврата уплаченной за товар (услугу) суммы.

²⁹⁵Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень ВС РФ. 2023. №2.

В настоящее время уже сложилась достаточно обширная судебная практика, когда пользователь-потребитель использует поименованные способы защиты своих нарушенных прав при взаимодействии с цифровой платформой. Так, в примере из судебной практики, в соответствии с которым пользователь-потребитель приобрел товар на маркетплейсе у ООО «Алибаба.Ком (РУ)» и столкнулся с неисправностью товара (в частности, у товара не работала функция голосового управления, которая была необходима потребителю как человеку с ограниченными возможностями), что послужило основанием для обращения в суд с требованиями взыскать деньги за некачественный товар, неустойку за невыполнение требований потребителя и компенсацию морального вреда. Апелляционная инстанция оставила без изменений решение суда первой инстанции, который удовлетворил все требования заявителя и оставил в качестве надлежащего ответчика юрлицо AliExpress несмотря на то, что ООО «Алибаба.Ком (РУ)» указывало, что лишь выполнял функции агрегатора информации, а не продавца, но суд пришел к выводу, что потребитель приобретал товар у ответчика и интернет-магазин не сообщил никакой информации о другом продавце²⁹⁶. Данный пример из судебной практики не просто демонстрирует использование сразу трех способов защиты прав по статье 12 ГК РФ, а также делает акцент на субъекте ответственности перед пользователем-потребителем.

Как правило, субъектом ответственным перед пользователем-потребителем выступает пользователь-поставщик, однако, возможно привлечение к ответственности владельца цифровой платформы, через которую приобретался товар или услуга. Основным субъектом ответственности со стороны цифровой платформы выступает ее владелец, но к ответственности может быть также привлечен оператор платформы, по установленным законом и договором с владельцем основаниям.

²⁹⁶ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда по делу № 33-32083/2022 [Электронный ресурс] // URL: https://kraevoi--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=1ae3963a-8f84-4d72-abbe-818bb60a48ce&deloId=5&caseType=0&new=0&doc=1&srv_num=1&hideJudge=0 (дата обращения: 12.09.2025).

Нормы об ответственности владельцев цифровых платформы могут закрепляться в отдельных нормативных правовых актах для каждого вида, так, например, в Законе РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» закрепляется ответственность владельцев агрегаторов информации. В статье 12 Закона №2300-1 устанавливается: «владелец агрегатора информации привлекается к ответственности в виде возмещения убытков потребителю только в случае предоставления недостоверной или неполной информации о товарах (услугах)». Однако, если информация оказалась недостоверной и неполной в силу предоставления такой информации продавцом (исполнителем), т.е. владелец агрегатора не вносил в нее никаких изменений, то в таком случае он не привлекается к ответственности. Таким образом, ответственность владельца агрегатора информации за нарушение прав пользователей предусмотрена только в одном случае.

Подобное ограничение ответственности сильно сокращает возможности пользователя на защиту нарушенных прав и единственным лицом ответственным перед ним остается продавец. Е.А. Абросимова пишет, что соблюдение баланса интересов в правоотношениях между потребителями и маркетплейсами оказывается затруднительным и признание действующим законодательством ограниченной ответственности маркетплейса перед потребителем, являющимся слабой стороной гражданских правоотношений, ведет к злоупотреблению со стороны маркетплейсов, когда они могут включать в договор условия, которые явно ставят покупателя в невыгодное положение²⁹⁷.

Подход к ограничению ответственности владельца или оператора характерен не только отечественному законодателю, так, например, в Директиве ЕС о недобросовестной коммерческой практике²⁹⁸ закрепляется,

²⁹⁷Абросимова Е. А. К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8. № 2. С. 235.

²⁹⁸Directive (EU) 2019/2161 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 amending Council Directive 93/13/EEC and Directives 98/6/EC, 2005/29/EC and 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council as regards the better enforcement and modernisation of Union consumer protection rules (Text with EEA relevance) [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019L2161> (дата обращения: 4.04.2025).

что оператор цифровой платформы несет ответственность перед потребителем, только в том случае, если он закрепляет за собой конкретные обязанности за определенные аспекты договора, например, за доставку или осуществление права на отзыв.

Ограничение ответственности владельца цифровой платформы создает ситуацию, когда за исполнение договора заключенного между пользователем-потребителем и пользователем-поставщиком, на основании предоставленной владельцем информации о товаре или услуге отвечает исключительно пользователь-поставщик. С позиции основ гражданско-правовых отношений данное положение не вызывает вопросов и противоречий, так как договор заключается между потребителем и поставщиком и естественным следствием будет то, что поставщик отвечает за исполнение данного договора перед потребителем. Однако, в случае с цифровыми платформами возникает ситуация «вызванного доверия»²⁹⁹. А.В. Шелепов и О.И. Колмар пишут: «согласно концепции «вызванного доверия» добросовестный потребитель может ассоциировать приобретаемый товар или услугу с владельцем агрегатора информации, а не с продавцом, и не знать по тем или иным причинам об ограничении ответственности владельца агрегатора информации».

В зарубежной доктрине авторы отмечают, что необходимо расширять пределы ответственности владельцев цифровых платформы, так как владелец играет существенную роль в предотвращении и минимизации рисков связанных с недобросовестным поведением продавцов³⁰⁰. Владелец или находящийся в его подчинении лицо (оператор) осуществляет контроль и проверку данных при допуске поставщика на платформу, а также осуществляет функции по поддержанию работы платформы, по обработке платежей, по обеспечению возможности заключать сделки в электронной

²⁹⁹Шелепов А.В., Колмар О.И. Регулирование цифровых платформ в России // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2. С. 114.

³⁰⁰См. подробнее: Sharkey C. M. Holding Amazon Liable As a Seller of Defective Goods: A Convergence of Cultural and Economic Perspectives // Northwestern University Law Review. 2020. Vol. 115. P. 339 – 356.

форме через цифровую платформу и т.д. Весь перечисленный спектр функций свидетельствует об участии владельца в процессах совершения сделок и такое участие владельца вместе с встроенным алгоритмом работы платформы формируют у пользователя-потребителя видимость того, что договор заключается с владельцем платформы.

В Резюме исследования об актуальных проблемах регулирования экосистем, представленном Центром Стратегических разработок, предлагалась идея расширения ответственности владельца в случаях отсутствия доверия потребителя, но при наличии решающего влияния агрегатора на деятельность продавцов (исполнителей), предопределяющего их действия и условия договоров с потребителями³⁰¹.

Отечественная судебная практика знает примеры, когда у потребителя возникло убеждение в том, что договор заключенный на цифровой платформе заключался с платформой (владельцем). Пленумом Верховного Суда РФ было принято постановление от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции», которое разрешило дело о возмещении вреда водителями Яндекс.Такси. В пункте 18 указанного Постановления разъясняется вопрос ответственности владельца агрегатора перед потребителем: «лицо, к которому обращается клиент для заключения договора перевозки пассажиров и багажа, отвечает перед пассажиром за причиненный в процессе перевозки вред, если оно заключило договор перевозки от своего имени либо из обстоятельств заключения договора (например, рекламные вывески, информация на сайте в сети «Интернет», переписка сторон при заключении договора и т.п.) у добросовестного гражданина-потребителя могло сложиться мнение, что договор перевозки заключается непосредственно с этим лицом, а фактический

³⁰¹Резюме исследование об актуальных проблемах регулирования экосистем (ЦСР) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/cb1/ghds1y1rnejvy2zseo2dow249v9932uc.pdf> (дата обращения: 4.04.2025).

перевозчик является его работником либо третьим лицом, привлеченным к исполнению обязательств по перевозке»³⁰².

Для владельцев агрегаторов информации отсутствие ответственности в сфере исполнения договоров компенсируется обновлением 16 статьи Закона № 2300-1, где отмечается, что владелец агрегатора информации обязан возместить убытки потребителю, в случае включения в договор условий, ущемляющих права потребителя (недопустимые условия), которые повлекли причинение убытков потребителю. В качестве недопустимых условий договора с пользователем-потребителем, в соответствии со статьей 16 Закона № 2300-1, можно выделить:

1) условия, которые предоставляют владельцу агрегатора право на односторонний отказ от исполнения обязательства или изменение его условий;

2) устанавливают для потребителя штрафные санкции или иные обязанности;

3) исключают или ограничивают ответственность владельца агрегатора за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по основаниям, не предусмотренным законом;

4) обуславливают приобретение одних товаров (работ, услуг) обязательным приобретением иных товаров (работ, услуг) и т.д.

Недопустимость включения в договор перечисленных выше условий прежде всего преследует цель защиты слабой стороны договора, которой является пользователь-потребитель. Слабая сторона договора выделилась в связи с развитием и усложнением гражданского оборота, где появились профессиональные участники оборота. Впервые о необходимости защиты слабой стороны писали еще российские правоведы XIX в., которые заявляли о важности «усиленной защиты тех категорий лиц, которые не могут или могут

³⁰²Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 8.

лишь в недостаточной мере защитить себя сами»³⁰³, но к ним относили нетрудоспособных, малолетних, а также граждан, страдающих определенными болезнями т.е. недееспособных или ограниченно дееспособных граждан. Современное гражданское право расширило представления о субъектном составе слабой стороны договора «социальная справедливость требует, чтобы защита интересов человека предполагала учет различного имущественного положения и защиту экономически слабого, например, путем защиты должника против кредитора»³⁰⁴. Подобный акцент на защите слабой стороны в законодательстве усиливает систему защиты гражданских прав и в какой-то мере создает среду для потребителя, в которой профессиональный участник оборота должен будет учитывать интересы слабой стороны, которые защищаются директивно нормами закона.

Владельцы цифровых платформ, возмещая убытки или возвращая денежные средства за товар, на который оформлен возврат, сохраняют за собой право в порядке регресса обращаться с соответствующими требованиями к пользователю-поставщику. Так, в оферте на реализацию товаров Wildberries в пункте 5.10 прямо закрепляется, что если владелец осуществляет возврат суммы за товар покупателю, то имеет права удержать эту сумму с продавца в следующем отчетном периоде или требовать возврата задолженности, если удержание суммы не состоялось³⁰⁵.

Проблема ограничения ответственности владельца платформы в большей степени проистекает из отсутствия у него обязанности по проверке информации, предоставляемой пользователем-поставщиком о себе и товарах (услугах или работах), которые он реализует. В 2023 году были приняты поправки к Закону № 2300-1 с целью урегулировать вопросы связанные с отсутствием регулирования по предотвращению нарушений требований

³⁰³Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Том I. Часть общая. – С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1911. – С. 266.

³⁰⁴Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики: монография. – Москва: Норма, ИНФРА-М, 2020. – С. 46.

³⁰⁵Оферта о реализации товара на сайте Wildberries [Электронный ресурс] // URL: <https://static-basket-02.wb.ru/vol20/offers/prd/product/latest.pdf> (дата обращения: 12.09.2025).

безопасности и обязательной сертификации и регистрации товаров, продающихся через цифровые платформы. Теперь, в статье 40 федеральный государственный контроль (надзор) в области защиты прав потребителей распространяется и на сферу соблюдение продавцами и владельцами агрегаторов обязательных требований к маркировке товаров средствами идентификации, к передаче информации в государственную информационную систему мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, и иных требований, связанных с оборотом товаров, информация о которых подлежит внесению в указанную государственную информационную систему.

В зарубежных правовых порядках можно найти примеры, когда на оператора платформы возлагается обязанность по проверке информации о продавце в процессе регистрации и поддержание актуальности этой информации на весь период существования этого продавца на платформе³⁰⁶. В настоящее время, новый ФЗ № 289 также закрепляет обязанность для оператора посреднической платформы по проверке сведений о лице, который намеревается стать партнером платформы.

Перечисленные выше способы защиты прав могут быть использованы в рамках юрисдикционной и неюрисдикционной форм. Отдельного внимания в рамках настоящего исследования заслуживает именно административный порядок, так как в зависимости от типа платформы органы контроля (надзора) могут быть разные. Так контроль за защитой прав пользователей-потребителей в рамках деятельности агрегаторов информации осуществляет специализированная Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия (далее – Роспотребнадзор), на которую ложится основная нагрузка по контролю (надзору) в области соблюдения прав потребителей. А в части защиты их прав от антимонопольных нарушений

³⁰⁶Китайский законодатель придерживается подхода, где возлагает на оператора обязанность проверять информацию продавца, которую он предоставляет в процессе регистрации и проверять актуальность этой информации. Этому обязательству прямо корреспондирует административная ответственность оператора в виде штрафа перед надзорными органами государства (Ст. 80 Закона об электронной коммерции КНР).

органом контроля выступает Федеральная антимонопольная служба (далее также – ФАС), функции которой подробнее будут рассмотрены в следующем параграфе настоящего исследования.

В соответствии с Законом № 2300-1 Роспотребнадзор может:

1) организовывать и проводить проверки соблюдения исполнителями финансовых услуг требований законодательства и предписаний должностных лиц;

2) предупреждать действия, вводящие потребителей в заблуждение, и предотвращать причинение вреда имуществу потребителей;

3) применять меры пресечения нарушений обязательных требований, выдавать предписания о прекращении нарушений прав потребителей, о прекращении нарушений обязательных требований, об устранении выявленных нарушений обязательных требований, привлекать к ответственности лиц, совершивших такие нарушения.

4) Роспотребнадзор вправе предъявлять иски в суды о прекращении противоправных действий исполнителя услуг в отношении неопределенного круга потребителей³⁰⁷.

Расширение субъектного состава, на деятельность которых распространяется контроль Роспотребнадзора произошло в 2018 году с дальнейшими дополнениями в 2023 году. У владельцев агрегаторов информации появилась информационная обязанность перед органом контроля (надзора), закрепленная в статье 41 Закона № 2300-1: «владелец агрегатора информации наряду с исполнителем, продавцом или уполномоченной организацией (индивидуальным предпринимателем) по требованию органа государственного надзора, его должностных лиц обязан предоставить в установленный ими срок достоверные сведения, документацию, объяснения в письменной и (или) устной форме и иную информацию, необходимую для осуществления органом государственного надзора и его должностными

³⁰⁷Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 140; СЗ РФ. 4.08.2025. №31. Ст. 4644.

лицами полномочий, установленных законодательством Российской Федерации».

В сфере защиты прав пользователей инвестиционных платформ контрольным органом выступает Банк России в соответствии со статьей 16 ФЗ №259. В статье 16 закрепляется, что он осуществляет контрольные функции в отношении деятельности операторов платформы, а также в случае выявления Банком России нарушения оператором инвестиционной платформы прав и законных интересов инвесторов или в случае наличия угрозы правам и законным интересам инвесторов Банк России в установленном им порядке вправе полностью или частично ограничить оказание оператором инвестиционной платформы услуг по привлечению инвестиций и услуг по содействию в инвестировании и (или) потребовать от оператора инвестиционной платформы замены лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа³⁰⁸.

Аналогичные функции осуществляет Банк России в отношении деятельности операторов на финансовых платформах. В соответствии со статьей 17 ФЗ № 211 Банком России в случае нарушения оператором прав и законных интересов участников финансовой платформы или в случае наличия угрозы правам и законным интересам участников финансовой платформы в установленном им порядке вправе ограничить проведение оператором финансовой платформы отдельных операций³⁰⁹.

Стоит отдельно отметить, что кроме известного нам досудебного порядка разрешения спора путем направления претензий, цифровые платформы могут предусматривать внутренний порядок досудебного разрешения споров. Так, на цифровой платформе создается техническая возможность прямого обращения к оператору, с целью разрешения ситуации,

³⁰⁸Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 05.08.2019. № 31. Ст. 4418; СЗ РФ. 12.08.2024. № 33 (Часть I). Ст. 4959.

³⁰⁹Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // СЗ РФ. 27.07.2020. №30. ст. 4737; СЗ РФ. 30.12.2024. № 53 (часть I). Ст. 8532.

повлекшей за собой нарушение прав пользователя-потребителя. Как правило, пользователь-потребитель через личный кабинет составляет обращение для оператора, который в установленный на данной платформе срок направляет ответ на него с предложением возможных вариантов разрешения возникшей проблемы.

Вывод: К основным способам защиты прав пользователей-потребителей относятся: возмещение убытков, взыскание неустойки и компенсация морального вреда и для судебных дел по защите прав данной категории субъектов характерно сочетание сразу нескольких способов защиты. В рамках административного порядка защиты прав, в зависимости от вида платформы, органы контроля (надзора) могут быть разные (Роспотребнадзор для агрегаторов информации, Банк России для инвестиционных и финансовых платформ). Цифровые платформы также могут иметь свою внутреннюю систему досудебного разрешения споров.

Как правило, субъектом ответственным перед пользователем-потребителем выступает пользователь-поставщик, у которого приобретается товар (услуги или работы) через цифровую платформу. Однако, стоит отметить, что на практике формируется тенденция, привлечения владельца цифровой платформы к внедоговорной ответственности, которая напрямую зависит от степени его участия в процессах совершения сделок или оказания услуг на платформе. Не имеет значения факт получения им прямого вознаграждения за сделку, если алгоритм работы платформы выстроен так, что у добросовестного пользователя-потребителя возникает полная уверенность в том, что услуга оказывается или товар реализуется владельцем или иным лицом, находящимся в его непосредственном подчинении (оператором). В литературе уже отмечались идеи, об использовании различных критериев для определения пределов ответственности владельцев цифровых платформ (например, критерий «контроля»³¹⁰). На наш взгляд, использование критерия

³¹⁰См. подробнее: Сидоренко Э. Л. Защита прав пользователей цифровых платформ: основные подходы // Мировой судья. 2023. № 1. С. 21–24.

«степени участия владельца» в совершении сделок приводит к тому, что наступление ответственности и размер, подлежащих возмещению убытков напрямую зависят от вовлеченности владельца в процессы ценообразования или реализации товаров (услуг или работ). В качестве примеров конкретных действий, в которых выражается участие владельца в совершении сделок на цифровой платформе можно выделить: 1) владелец поддерживает онлайн-рынок; 2) осуществляет хранение и доставку товаров; 3) обеспечивает осуществление платежей и возврат денежных средств на платформе; 4) формирует систему обработки обращений пользователей по вопросам, связанным с характеристиками товаров (услуг или работ), реализуемых через платформу и иные действия.

§2. Правовая защита от нарушений антимонопольного законодательства

Обеспечение правовой защиты от антимонопольных правонарушений напрямую зависит от степени разработанности антимонопольного регулирования для рынков, функционирующих с использованием цифровых платформ. Общемировая тенденция формирования антимонопольного регулирования в сфере предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ характеризовалась дискуссией о том, нужны ли новые нормы для обеспечения и защиты конкуренции для этой сферы деятельности, не является ли имеющийся инструментарий достаточным, чтобы применить его к новым отношениям. Так на начальных стадиях развития технологий и цифровизации в разных странах не спешили принимать нормативные правовые акты для регулирования конкуренции, они ограничивались существующими нормами и считали, что необходимо лишь адаптировать эти нормы к новым формам предпринимательской деятельности³¹¹.

Первые нарушения антимонопольного законодательства со стороны цифровых платформ произошли в 90-х годах прошлого столетия. Крупные технологические компании начали захватывать целые рынки, так, компания Microsoft с 1994 года фигурировала в ряде расследований, связанных с нарушением норм антимонопольного законодательства в США и Европе. В 1994 году компании были предъявлены обвинения со стороны Министерства юстиции США в поддержании монополии на рынке операционных систем путем включения неконкурентных условий в лицензионные соглашения и соглашения с разработчиками программного обеспечения³¹² (спор завершился подписанием мирового соглашения), а уже в 2000 году Microsoft была признана виновной в нарушении Акта Шермана в связи с практикой

³¹¹Cini M., Czulno P. The Origins of the Digital Markets Act: Explaining Policy Change // VISTA Policy Paper .2022. № 2. P. 1.

³¹²United States v. Microsoft Corp., 56 F.3d 1448 (D.C.Cir. 1995). [Электронный ресурс] // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/56/1448/623900/> (дата обращения: 5.04.2025).

связывания операционной системы Windows и браузера³¹³. Определение практики связывания можно найти в доктрине, так, А.А. Арутюнян и А.Д. Бербенева пишут: «практика связывания является одной из форм злоупотребления доминирующим положением и предполагает использование товара, на рынке которого субъект занимает доминирующее положение в качестве «локомотива» для продвижения других товаров»³¹⁴. Связка товаров способствует ускорению экспансии на смежные рынки и обеспечивает определенное конкурентное преимущество за счет того товара, на рынке которого уже установлено доминирование. Данное дело можно считать первым в цепочке практики связывания, которая в последующем еще не раз была предметом судебных разбирательств. С целью устранения обозначенных нарушений антимонопольного законодательства суд вынес решение, обязывающее Microsoft представить предполагаемый план реорганизации, согласно которому компания должна быть разделена на бизнес, занимающийся операционными системами и бизнес, занимающийся приложениями. В рамках судебного разбирательства по этому делу апелляционный суд отметил динамичный характер цифровых рынков, в связи с чем за период с момента, когда компания предположительно совершила первое антиконкурентное действие и до вынесения решения условия на рынке могли измениться, что значительно затрудняет рассмотрение таких дел³¹⁵.

Деятельность Microsoft также привлекла внимание Европейской Комиссии и стала предметом рассмотрения в рамках дела о злоупотреблении доминирующим положением в 2004 году. Компания Sun Microsystems обратилась к европейскому антимонопольному органу с жалобой на действия Microsoft, которые выразились в отказе предоставлять информацию об интерфейсе, необходимой для разработки продукции конкурентов.

³¹³United States v. Microsoft Corp., 87 F. Supp. 2d 30 (D.D.C. 2000) [Электронный ресурс] // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/87/30/2307082/> (дата обращения: 5.04.2025).

³¹⁴Арутюнян А.А., Бербенева А.Д. Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ // Цифровое право. 2022. № 3(3). С. 82.

³¹⁵U.S. v. Microsoft Corp., 253 F.3d 34 (D.C. Cir. 2001) [Электронный ресурс] // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/253/34/576095/> (дата обращения: 6.04.2025).

Еврокомиссия вынесла решение, в котором отметила злоупотребление доминирующим положением со стороны Microsoft, которая ограничивала совместимость программного обеспечения Windows с серверами сторонних производителей³¹⁶. Еврокомиссия выписала штраф компании в размере 497 196 304 евро и такой большой размер штрафных санкций был связан с продолжительностью нарушения антимонопольного законодательства ЕС (на протяжении пяти с половиной лет).

Еще одним цифровым гигантом, в отношении которого шли разбирательства относительно его антиконкурентной деятельности, является Google. Споры с компанией Google возникали как на наднациональном уровне (Евросоюза), так в отдельных государствах-членах Евросоюза. В качестве примера можно привести дело с Google Shopping, где Google продвигал собственный сервис сравнения цен на товары Google Shopping, посредством отображения на первых позициях в поисковых строках свой сервис, параллельно занижая позиции сторонних сервисов, что лишало их возможности конкурировать с Google на равных³¹⁷. Еврокомиссия дала определение такой практики как self-preferencing (русс. предпочтение себя), что подразумевает предоставление преимуществ собственным продуктам. Google, занимая доминирующее положение на рынке поисковых систем, использовал свою платформу поиска для преимущественного продвижения собственного сервиса по сравнению цен за счет применения специальных элементов поисковой выдачи. В процессе рассмотрения дела, ввиду отсутствия специального регулирования, Еврокомиссия использовала уже существующие инструменты антимонопольного регулирования применительно к нарушению на цифровом рынке, что в свою очередь, привело к тому, что предписанные в рамках дела меры по обеспечению конкуренции

³¹⁶Commission decision of 24.03.2004 relating to a proceeding under Article 82 of the EC Treaty (Case COMP/C-3/37.79 Microsoft) [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2007:032:0023:0028:EN:PDF> (дата обращения: 6.04.2025).

³¹⁷Höppner, T. Google's (non-) compliance with the EU shopping decision. Competition Policy International. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/googles-non-compliance-with-the-eu-shopping-decision/> (дата обращения: 7.04.2025).

оказались неэффективными. Это не единственный пример рассмотрения дела с участием Google, также были дела связанные с Google Android и Google Ads. В частности, в деле с Google Android (дело было связано со злоупотреблением доминирующим положением на рынке операционных систем) Еврокомиссия наложила на компанию крупный штраф в размере 4,34 млрд евро, что на тот момент являлось беспрецедентной суммой³¹⁸.

Важным итогом всей этой практики Еврокомиссии является то, что европейский законодатель выявил, что классические антимонопольные инструменты, которые имеют последующий характер (*ex-post*), не являются в полной мере достаточными для своевременного выявления и устранения монопольных рисков на цифровых рынках. Эффективнее представляется использование предупредительного контроля (*ex-ante*).

Если для европейской практики характерно рассмотрение дел с участием американских цифровых гигантов, то в китайской практике участниками антимонопольных расследований выступали китайские цифровые компании. В рамках первой главы настоящего исследования была рассмотрена динамика правового регулирования деятельности цифровых компаний в Китае, которая отличалась сильной политикой протекционизма, в результате которой Китаю удалось взрастить собственных цифровых гигантов, исключив при этом американские компании с рынка, именно поэтому антимонопольная практика Китая складывается из дел с участием исключительно китайских цифровых компаний. Так, в ноябре 2021 года китайский регулятор оштрафовал такие крупные цифровые платформы, как Alibaba, Tencent и Baidu на 3,4 млн долларов за непредоставление информации о сделках, совершенных в период с 2012-2021 гг³¹⁹. В том же 2021 году был установлен факт продолжительного злоупотребления доминирующим

³¹⁸Commission decision of 18.7.2018 relating to a proceeding under Article 102 of the Treaty on the Functioning of the European Union (the Treaty) and Article 54 of the EEA Agreement (Case AT.40099 — Google Android). [Электронный ресурс] // URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019XC1128\(02\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019XC1128(02)) (дата обращения: 7.04.2025).

³¹⁹Reuters. China fines tech giants for failing to report 43 old deals. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.reuters.com/technology/china-finds-43-anti-trust-law-violations-involving-alibaba-baidu-jdcom-2021-11-20/> (дата обращения: 7.04.2025).

положением компанией Alibaba, которая устанавливала условия, в соответствии с которыми продавцы на платформе не могли использовать параллельно другие конкурирующие платформы для продажи товаров³²⁰.

У российского регулятора тоже сложился определенный опыт в расследовании антимонопольных дел с участием цифровых компаний. Так, Федеральная антимонопольная служба за последние 10 лет рассмотрела ряд крупных дел с участием таких компаний, как Google, HeadHunter, Booking, Apple и «Яндекс». Одним из первых было расследование ФАС против Google, связанное со злоупотреблением доминирующим положением на рынке мобильных сервисов. «Яндекс» обратился в ФАС с заявлением, после того как Google запретил установку сервисов «Яндекс» на ряд мобильных устройств с операционной системой Android. Google осуществлял практику связывания Android со своими сторонними сервисами, исключая при этом возможность установки сервисов конкурирующих компаний. ФАС признало в действиях Google нарушение антимонопольного законодательства и предписало прекратить нарушение части 1 статьи 10 ФЗ № 135 и внести изменения в пункты действующего соглашения, где закрепляется обязанность обязательной предустановки пакета приложений Google, запрет установки приложений сторонних компаний и т.д.³²¹ Google пытался оспорить решение ФАС в суде, однако и первая и апелляционная инстанции оставили решение антимонопольного органа без изменений³²². Разбирательства завершились в 2016 году путем подписания мирового соглашения между ФАС и Google.

У ФАС также имеется практика рассмотрения дел с участием отечественных цифровых компаний. В 2020 году ряд цифровых платформ, среди которых можно выделить Avito, Циан, 2ГИС и др., обратились с

³²⁰Reuters. China fines Alibaba record \$2.75 bln for anti-monopoly violations. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.reuters.com/business/retail-consumer/china-regulators-fine-alibaba-275-bln-anti-monopoly-violations-2021-04-10/> (дата обращения: 7.04.2025).

³²¹Решение ФАС России №АД/54066/15 по делу № 1-14-21/00-11-15 от 5 октября 2015 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/ad-54066-15/> (дата обращения: 8.04.2025).

³²²Суд поддержал решение ФАС против Google [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/03/15/633526-sud-podderzhal-reshenie-fas-protiv-google> (дата обращения: 8.04.2025).

жалобой в ФАС на действия «Яндекс», выразившиеся в злоупотреблении доминирующим положением на рынке поисковых систем, путем продвижения своих сервисов через поисковую систему «Яндекс». Данный кейс имеет сходство с упомянутым выше расследованием Еврокомиссии против Google Shopping. В случае с «Яндекс» особое внимание привлекли интерактивные виджеты (которые были названы «колдунщиками» в СМИ³²³), которые визуально выделяли сервисы «Яндекс» на странице с результатами поиска. Спор завершился в 2022 году подписанием мирового соглашения с участием «Яндекс», ряда цифровых компаний и ФАС России, в соответствии с которым «Яндекс» разработал Политику партнерской интеграции со своей поисковой системой, которая позволяет сервисам конкурентов наравне с сервисами «Яндекса» конкурировать за места на странице результатов поиска. Еще одним примером из практики ФАС является вынесенное антимонопольным регулятором предостережение маркетплейсу Wildberries 25 июня 2025 года. Компания Wildberries разместила на сайте своей платформы документ, в соответствии с которым пользователям-поставщикам для регистрации необходимо открыть счет в Банке Вайлдберриз и работа уже зарегистрированных предпринимателей будет невозможна без открытия этого счета. ФАС усмотрела в поведении компании признаки нарушения Закона о защите конкуренции и вынесла предостережение³²⁴.

Существующая зарубежная и отечественная практики рассмотрения судебными и антимонопольными органами дел с участием цифровых компаний не исчерпываются приведенными примерами, развитие цифрового рынка продолжается, что приводит к увеличению количества антимонопольных правонарушений с участием цифровых платформ³²⁵.

³²³ФАС В СМИ: ФАС прекратила дело о «колдунщиках» в отношении Яндекса [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/publications/23669#:~:text=ИНТЕРФАКС> (дата обращения: 8.04.2025).

³²⁴ФАС выдала предостережение Вайлдберриз [Электронный ресурс] // URL: [HTTPS://FAS.GOV.RU/NEWS/34061](https://fas.gov.ru/news/34061) (дата обращения: 8.04.2025).

³²⁵Massarotto G., Yoo S. C. Antitrust at a Crossroads: The Challenge of Digital Platforms // Journal of Law & Innovation. 2024. Vol. 7. № 7. P.7.

Анализ практики позволяет выделить основные виды правонарушений в сфере конкуренции, которые совершаются цифровыми компаниями:

- 1) связывание (использование своего доминирующего положения для продвижения на смежных товарных рынках);
- 2) дискриминация путем установления преимущественных условий для собственных сервисов на собственной платформе в сравнении с сервисами конкурентов;
- 3) создание технологических решений, которые исключают совместимость программных сервисов с разными платформами (замыкание пользователя на своей платформе);
- 4) ценовой паритет (запрет на установление продавцами более низких цен на конкурирующих платформах) и др.

Европейский Союз оказался первой юрисдикцией, которая пошла по пути формирования превентивной системы защиты от антимонопольных нарушений, которая выразилась в принятии в двух Директив (Директива о цифровых рынках и Директива о цифровых услугах), вступивших в силу в мае 2023 года. Для целей антимонопольного регулирования в Директиве о цифровых рынках определяется статус «gatekeepers» (русс. сторож), это субъекты, которые осуществляют деятельность с использованием цифровой платформы и занимающие доминирующее положение на рынке. Для закрепления за какой-либо компанией статуса «gatekeeper» необходимо ее соответствие качественным и количественным критериям, определенным в тексте DMA.

В соответствии со статьей 3 DMA компания приобретает статус «gatekeeper» если³²⁶:

- а) она оказывает существенное влияние на внутренний рынок;

³²⁶Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) [Электронный ресурс] // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2022.265.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A265%3ATOC (дата обращения: 8.04.2025).

b) она предоставляет базовую платформенную услугу, которая является важным средством доступа бизнес-пользователей к пользователям-потребителям;

c) она занимает прочное положение в своей деятельности или можно предвидеть, что она займет такое положение в ближайшем будущем.

Каждому из перечисленных выше пунктов соответствует определенный количественный критерий. Для пункта (a): «предприятие признается оказывающим существенное влияние на внутренний рынок, если годовой оборот компании достигает 7,5 миллиардов евро или выше за каждый год из последних трех финансовых лет, или если ее средняя рыночная капитализация или эквивалентная справедливая рыночная стоимость за последний финансовый год составили не менее 75 миллиардов евро, и оно предоставляет один и тот же базовый платформенный сервис по крайней мере в трех государствах-членах».

Для пункта (b) устанавливается: «предоставление базовой платформенной услуги, которая в прошлом финансовом году имела по меньшей мере 45 миллионов активных конечных пользователей в месяц, инкорпорированных или расположенных в Евросоюзе, и по меньшей мере 10 000 активных бизнес-пользователей в год, установленных в Евросоюзе, идентифицированных и рассчитанных в соответствии с методологией и показателями, изложенными в Приложении к Директиве».

Для пункта (c): «предприятие считается, занимающим прочное положение в своей деятельности (или можно предвидеть, что оно займет такое положение в ближайшем будущем), если пороговые значения, указанные для пункта (b), были соблюдены в каждом из трех последних финансовых лет».

Кроме установления качественных и количественных критериев для определения статуса «gatekeeper», Директива также закрепляется ряд запретов и обязанностей, которым должны следовать «gatekeepers» и среди них можно выделить: запрет приоритизации собственных сервисов; запрет объединения пользовательских данных, собранных на разных сервисах «gatekeeper»; запрет

ограничения возможностей пользователей переключаться на сторонние сервисы; обеспечение большей совместимости конкурирующих продуктов и т. д. «Gatekeepers» также обязаны уведомлять Еврокомиссию о любых планируемых сделках на цифровых рынках, вне зависимости от размера сумм. Однако, Еврокомиссия сохраняет за собой право, в исключительных случаях полностью или частично приостанавливать действие конкретного запрета или обязанности, если компания обоснует, что соблюдение такого запрета или обязанности поставит под угрозу самую экономическую целесообразность ее деятельности или если его соблюдение не отвечает важнейшим общественным интересам.

Китайское правительство тоже пошло по пути разработки специальных мер для защиты конкуренции на рынках цифровых платформ. В декабре 2020 года Центральная экономическая рабочая конференция назвала «борьбу с монополиями бизнеса и неупорядоченной экспансией капитала» одним из главных приоритетов страны на 2021 год³²⁷.

В 2022 году в антимонопольное законодательство Китайской Народной Республики были внесены поправки. После этих поправок в антимонопольном законе особо упоминается монопольное поведение на цифровых платформах, в двух разделах: в части «Общие положения» и в части «Злоупотребление доминирующим положением на рынке». В части общих положений статья 9 устанавливает: «Предприятие не должно осуществлять какие-либо монополистические действия, запрещенные настоящим Законом, путем использования данных и алгоритмов, технологий, преимуществ в капитале или правил платформы, среди прочего». С другой стороны, в разделе о злоупотреблении доминирующим положением на рынке в статье 22(7) говорится, что «Предприятие, занимающее доминирующее положение на рынке, не должно каким-либо образом злоупотреблять доминирующим положением на рынке, указанным в предыдущем параграфе, используя, среди

³²⁷Anti-monopoly regulation of digital platforms in China [Электронный ресурс] // URL: <https://centrocompetencia.com/anti-monopoly-regulation-of-digital-platforms-in-china/> (дата обращения: 11.04.2025).

прочего, данные и алгоритмы, технологии и правила платформы»³²⁸. В Китае не принято, чтобы закон, устанавливающий общие рамки правового поля, определял конкретное применение его положений в конкретной отрасли. Таким образом, эти правила демонстрируют особое внимание китайского правительства к антиконкурентному поведению на цифровых рынках.

Принятые в 2021 году «Руководства по внедрению ответственности субъектов для интернет-платформ» тоже имеют большое значение в части превентивной защиты от антимонопольных нарушений. Так, в соответствии с этим актом на цифровых гигантах возлагается ряд дополнительных обязанностей, таких как: обязательства не использовать непубличные данные (полученные во время использования платформы) без уважительных причин; не связывать использование одного сервиса с другими; исключить приоритизацию собственных сервисов; способствовать совместимости собственного сервиса и сервисов конкурентов³²⁹.

Руководство по платформам содержит подробное толкование надзора, который правительство хотело бы внедрить на цифровых рынках. Данный акт состоит из пяти частей: Общие правила, Монопольные соглашения, Злоупотребление доминирующим положением на рынке, Экономическая концентрация и Злоупотребление административными полномочиями, которые привели к исключению или ограничению конкуренции³³⁰.

Здесь стоит отметить, что обязанности и запреты, устанавливаемые для значимых субъектов цифрового рынка (цифровых гигантов) во многом схожи между собой в разных юрисдикциях, что прежде всего свидетельствует о схожем практическом опыте антимонопольного регулирования рынков, функционирующих с использованием цифровых платформ.

³²⁸Anti-Monopoly Law (2022 Edition) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/anti-monopoly-law-2022/> (дата обращения: 13.04.2025).

³²⁹Data protection and digital competition [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ianbrown.tech/2021/11/01/chinas-new-platform-guidelines/> (дата обращения: 13.04.2025).

³³⁰Antitrust Guidelines for the Platform Economy in the Era of Enhanced Antitrust Scrutiny [Электронный ресурс] // URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/wp-content/uploads/2021/03/10-Antitrust-Guidelines-for-the-Platform-Economy-in-the-Era-of-Enhanced-Antitrust-Scrutiny-By-Wei-Huang-Wendy-Zhou-Xiumin-Ruan-Xi-Zhang.pdf> (дата обращения: 13.04.2025).

Опыт, накопившийся у российского регулятора в сфере защиты конкуренции на цифровых рынках, продемонстрировал необходимость обновления действующего антимонопольного законодательства с учетом специфики деятельности, сопровождающейся использованием цифровых платформ. На данную необходимость обратили внимание в Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной протоколом Президиума ФАС России от 03.07.2019 № 6, где в качестве одной из основных целей была выделена модернизация антимонопольного законодательства для эффективного его применения в условиях цифровой экономики³³¹. Для достижения данной цели выделялось ряд задач:

- 1) обеспечить закрепление таких новых понятий, как цифровая платформа и сетевой эффект на законодательном уровне;
- 2) определить новые критерии доминирующего положения на рынке, учитывающие влияние сетевых эффектов;
- 3) обеспечить принятие нормативных правовых актов, определяющих порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, на котором взаимодействие продавцов и покупателей организуется и обеспечивается посредством цифровой платформы и др.

Одним из важных этапов в формировании российского антимонопольного регулирования на цифровых рынках являлся процесс разработки поправок к действующему Федеральному закону от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции», которые получили название «Пятый антимонопольный пакет». Данные поправки учитывают особенности состояния конкуренции на рынках, где цифровая платформа является основой для взаимодействия продавцов и покупателей, в том числе учитывают наличие сетевых эффектов, а также необходимость установления и оценки антимонопольным органом воздействия сетевых эффектов на возможность

³³¹Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. протоколом президиума ФАС России 03.07.2019 № 6) [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/documents/685792> (дата обращения: 13.04.2025).

хозяйствующего субъекта оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем рынке³³².

Процесс по формированию антимонопольного регулирования на цифровых рынках не ограничивался разработкой поправок к ФЗ №135, помимо этого осуществлялась разработка принципов саморегулирования цифровых рынков³³³. В сентябре 2021 года ФАС утвердила «Принципы взаимодействия участников цифровых рынков», к которым относятся:

- 1) разумная открытость цифровых платформ;
- 2) нейтральность в отношении к различным сторонам рынка (включая конкурентов);
- 3) обеспечение самостоятельности пользователей платформ при взаимодействии с ней;
- 4) недопущение расширительных и двусмысленных формулировок в правилах работы цифровых платформ;
- 5) обеспечение прав пользователей платформы, в том числе путем рассмотрения их обращений и предоставление им полных ответов.

В феврале 2022 года ФАС России подписала меморандум с ИТ-компаниями (среди которых «Яндекс», «Циан», «Авито») о присоединении к данным принципам³³⁴, что можно выделить как важный шаг к «мягкому» превентивному управлению антимонопольными рисками на цифровых рынках и подтверждает готовность участников рынка следовать принципам конкуренции.

В 2023 году был принят «Пятый антимонопольный пакет», внесший поправки в Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите

³³²Цифровые платформы – организационно-правовая форма взаимодействия в обществе: монография / Н.С. Волкова, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов и др.; отв. ред. Л.К. Терещенко. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Инфотропик Медиа, 2025. – С. 112.

³³³Экспертный совет при ФАС России озвучил проект базовых принципов взаимодействия участников цифровых рынков [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/news/31434> (дата обращения: 14.04.2025).

³³⁴ФАС подписала с ИТ-компаниями меморандум о принципах работы на цифровых рынках [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2022/02/17/fas-podpisala-s-it-kompaniiami-memorandum-o-principah-raboty-na-cifrovyyh-rynkah.html> (дата обращения: 14.04.2025).

конкуренции», которые вступили в силу 1 сентября 2023 года³³⁵. В результате принятия этих поправок в ФЗ № 135 появилось понятие «сетевой эффект» и статья 10.1 «Запрет на осуществление монополистической деятельности, хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой».

В соответствии со статьей 4 ФЗ № 135 сетевой эффект это свойство товарного рынка (товарных рынков), при котором потребительская ценность программы (совокупности программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров (далее - цифровая платформа), изменяется в зависимости от изменения количества таких продавцов и покупателей³³⁶. Сетевой эффект является критерием определения значимости и эффективности цифровой платформы, так как сетевой эффект обусловлен количеством пользователей платформы, которое позволяет, в свою очередь, существенным образом влиять на рынок.

Категория «сетевой эффект» широко известна экономической доктрине и уже давно является объектом исследований, но для юридической науки это явление совершенно новое³³⁷. Экономическая наука не ставит строгие рамки при определении сущности сетевого эффекта, как это сделал законодатель в вышеприведенном определении, где сетевой эффект возникает при использовании программы для ЭВМ, обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями в сети «Интернет», тем самым ограничивая область действия сетевого эффекта. Согласно экономической доктрине, сетевой эффект может существовать и вне сети «Интернет» (например, процесс телефонизации). Сетевой эффект нужно рассматривать в качестве основного критерия определения доминирования цифровой

³³⁵Президент России подписал разработанный ФАС «Пятый антимонопольный пакет» [Электронный ресурс] // URL:<https://fas.gov.ru/news/32676> (дата обращения: 14.04.2025).

³³⁶Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434; СЗ РФ. 4.08.2025. № 31. Ст. 4658.

³³⁷Коваленко А.И. Сетевой эффект как признак доминирующего положения цифровых платформ // Современная конкуренция. 2020. Т.14. №1(77). С. 33.

платформы на рынке. Любая цифровая платформа подвержена сетевым эффектам, которые появляются, когда ценность платформы возрастает пропорционально росту ее пользователей, т.е. это внешние эффекты, при которых на поведение одного пользователя влияет поведение другого.

Для определения доминирующего положения хозяйствующего субъекта, использующего цифровую платформу, необходима совокупность признаков включая сетевой эффект. Так, в соответствии со статьей 10.1 хозяйствующий субъект считается доминирующим на рынке, при наличии совокупности признаков:

1) сетевой эффект дает такому хозяйствующему субъекту возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на товарном рынке и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам;

2) доля сделок, совершаемых между продавцами и покупателями посредством цифровой платформы, превышает в стоимостном выражении 35% общего объема сделок, совершаемых на соответствующем товарном рынке;

3) выручка такого хозяйствующего субъекта за последний календарный год превышает 2 миллиарда рублей.

Для хозяйствующего субъекта, соответствующего вышеперечисленным признакам, установлен запрет на действия (бездействие), которые могут привести к злоупотреблению доминирующим положением и установлены в статье 10 ФЗ №135. Среди наиболее распространенных практик злоупотребления доминирующим положением, указанными хозяйствующими субъектами можно выделить: навязывание контрагенту условий договора, невыгодных для него или не относящихся к предмету договора; создание дискриминационных условий; экономически и технологически не обоснованный отказ либо уклонение от заключения договора и т.д.

В доктрине предлагают классифицировать злоупотребление доминирующим положением с использованием цифровых платформ в зависимости от способа осуществления на договорные и внедоговорные³³⁸. Договорные злоупотребления выражаются во внесении невыгодных или не относящихся к основному предмету сотрудничества сторон условий в заключаемые между ними договоры. Внедоговорные злоупотребления выражаются в реализации владельцем цифровой платформы преимущественно односторонних антиконкурентных технических ограничений в отношении пользователей цифровой платформы.

Возвращаясь к вопросу о правовой защите, стоит отметить, что первостепенное значение здесь имеют меры обеспечения конкуренции, среди которых М.А. Егорова предлагает выделять меры защиты конкуренции и меры ответственности за нарушение антимонопольного законодательства³³⁹.

1) Меры защиты конкуренции включают: предостережения антимонопольного органа о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства и предупреждения о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства, выдача предписаний;

2) Меры ответственности за нарушение антимонопольного законодательства выражаются в привлечении лица, допустившего правонарушение, к гражданской, административной, уголовной ответственности, а также к антимонопольной ответственности в виде принудительного разделения или выделение коммерческих организаций, а также некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность, приносящую им доход.

Рассматривая вопросы защиты через призму способов и форм, в доктрине уже отмечалось, что защита прав пользователей цифровых платформ

³³⁸Ханчукаева Л.А. Злоупотребление субъектами предпринимательской деятельности доминирующим положением с использованием цифровых платформ: правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. Наук 5.1.3/Ханчукаева Луиза Аптиевна. – М., 2025. – С. 11.

³³⁹Конкурентное право: учебник / под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. – М.: Юстицинформ, 2018. – С. 538.

от антимонопольных правонарушений может быть осуществлена в двух формах³⁴⁰:

1. Индивидуальная защита прав и законных интересов, которая включает в себя: рассмотрение антимонопольным органом заявления по факту данного правонарушения или рассмотрение судом иска о взыскании убытков, причиненных злоупотреблением доминирующим положением, либо неосновательного обогащения;

2. Защита коллективных (групповых) интересов пользователей цифровой платформы (включая группу лиц каждого из них), которая включает: рассмотрение антимонопольным органом коллективного заявления группы пользователей или рассмотрение судом группового иска пользователей цифровой платформы о взыскании убытков либо неосновательного обогащения от злоупотребления доминирующим положением, либо иска уполномоченного органа (организации) в защиту неопределенного круга потребителей.

Примеры индивидуальных («Яндекс» против Google в 2016 году) и коллективных (Avito, Циан, 2ГИС и др., против «Яндекса» в 2022 году) заявлений к антимонопольному органу уже были приведены выше, отдельно стоит привести пример из практики подачи жалобы уполномоченной организацией в защиту интересов неопределенного круга лиц. Так, например, на рынке электронной коммерции вопросами защиты интересов неопределенного круга пользователей цифровых платформ занимается Ассоциация участников рынка электронной коммерции (далее – АУРЭК), которая уже неоднократно обращалась в ФАС в связи с нарушениями со стороны маркетплейсов³⁴¹.

³⁴⁰Ханчукаева Л.А. Злоупотребление субъектами предпринимательской деятельности доминирующим положением с использованием цифровых платформ: правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук 5.1.3/Ханчукаева Луиза Аптиевна. – М., 2025. – С. 215.

³⁴¹АУРЭК обратилась в ФАС из-за новой методики расчета сервисного сбора в Ozon [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2024/03/28/1028592-aurek-fas-ozon> (дата обращения: 28.08.2025); ФАС изучит материалы Wildberries об исполнении своего предупреждения [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/ekonomika/20874657> (дата обращения: 28.08.2025).

Вывод: Сложившаяся судебная практика и практика отечественных и зарубежных антимонопольных органов, подтвердили необходимость обновления и дополнения действующего антимонопольного законодательства с целью обеспечить правовую защиту от антимонопольных правонарушений, совершаемых субъектами, использующими цифровые платформы в предпринимательской деятельности. В рамках законотворческих процессов в разных странах (Евросоюз, Китай и Россия) работа осуществлялась в трех направлениях: 1) выработка критериев определения доминирующего положения на рынке компаний, использующих цифровые платформы; 2) закрепление на уровне закона или директив дополнительных ограничений и обязательств для доминирующих на рынке субъектов; 3) разработка системы специального надзора со стороны контролирующего органа. В системе критериев доминирования основным из них выступает наличие сетевого эффекта, который представляет собой такое свойство цифровой платформы, при котором ее ценность в предпринимательской деятельности определяется количеством ее пользователей.

В качестве основных форм защиты прав пользователей выделяются: судебная и административная. В рамках административной формы возможно обращение с индивидуальным или коллективным заявлением (жалобой) на нарушение норм антимонопольного законодательства к антимонопольному органу. Для судебной формы характерно обращение в суд с индивидуальным или групповым иском, а также с иском уполномоченного органа (организации) в защиту неопределенного круга потребителей.

При злоупотреблении доминирующим положением и нарушении иных запретов, установленных антимонопольным законодательством, субъект, использующий цифровую платформы привлекается к гражданско-правовой, административной и антимонопольной ответственности. Основным видом ответственности за злоупотребления владельцем цифровой платформы доминирующим положением выступает административная ответственность в виде фиксированного или оборотного штрафа.

§3. Защита прав пользователей-поставщиков товаров и услуг на цифровых платформах

Пользователями цифровой платформы, наряду с потребителями, выступают поставщики, которые реализуют свои товары или оказывают услуги (выполняют работы) посредством использования технологической инфраструктуры цифровой платформы. Цифровая платформа представляет собой точку доступа к рынку, где отношения между поставщиками и потребителями регулируются оператором цифровой платформы, который обладает непропорционально большой властью в этих отношениях. Ключевую роль в существовании цифрового рынка играют отношения пользователя-поставщика с оператором платформы, ввиду чего возникает соответствующая необходимость защиты этой категории пользователей в отношениях с оператором как сильной стороной³⁴². Европейский законодатель в DMA называет эту категорию субъектов бизнес-пользователями и дает следующее определение: «это любое физическое или юридическое лицо, действующее в коммерческом или профессиональном качестве, использующее основные сервисы платформы с целью или в ходе предоставления товаров или услуг конечным пользователям»³⁴³.

Отечественное законодательство не выделяет отдельно единого понятия пользователей-поставщиков. Новый ФЗ № 289 выделяет категорию партнера для посреднической цифровой платформы: «партнером посреднической цифровой платформы может быть юридическое лицо, иностранное юридическое лицо, иностранная организация, не являющаяся юридическим лицом, индивидуальный предприниматель либо физическое лицо, в том числе иностранный гражданин или лицо без гражданства, применяющие

³⁴²Chiarella M. L., Borgese M. Platform-to-business Contracts in Light of European Laws in the Digital Society // Athens Journal of Law. 2025. №12. P. 1.

³⁴³Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) [Электронный ресурс] // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2022.265.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A265%3ATOC (дата обращения: 16.04.2025).

специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» и являющиеся партнером-продавцом и (или) партнером-исполнителем, осуществляющими деятельность на посреднической цифровой платформе».

Пользователем-поставщиком, в самом общем смысле, является субъект предпринимательской деятельности, то есть лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность с использованием цифровой платформы. В соответствии со статьей 2 ГК РФ, предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом статусе в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено ГК РФ. Таким образом, пользователями-поставщиками на цифровых платформах, в соответствии с российским законодательством, могут быть юридические лица, индивидуальные предприниматели или самозанятые, предлагающие товары или услуги потребителям посредством цифровых платформ в целях, связанных с их коммерческой, предпринимательской или профессиональной деятельностью.

Пользователи-поставщики являются профессиональными участниками предпринимательской деятельности, осуществляемой на цифровой платформе, однако, как и пользователи-потребители могут сталкиваться со злоупотреблениями со стороны оператора цифровой платформы. В практике антимонопольного регулятора можно найти примеры таких злоупотреблений, так, в феврале 2025 года ФАС России вынес предупреждение Ozon о прекращении действий, которые содержат нарушения антимонопольного законодательства³⁴⁴. Нарушение состояло в том, что в договоре между пользователем-поставщиком и оператором есть положения, которые

³⁴⁴Предупреждение ФАС России №МШ/8870/25 от 4 февраля 2025 г. о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] // URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/a842461b-9335-401a-9179-cd725ccdd42a/> (дата обращения: 16.04.2025).

позволяют Ozon без получения надлежащего согласия продавца устанавливать (применять) за счет продавцов на указанные товары скидки, в том числе путем автоматического добавления в акции. ФАС России обязал платформу внести необходимые изменения в договоры, среди которых условие о получении согласия продавца на применение любых акции к товару и изменение его цены на платформе.

В апреле того же года ФАС России вынес предупреждение Wildberries в связи с навязыванием невыгодных условий продавцам платформы³⁴⁵. В период с 2022 по 2023 антимонопольный орган рассмотрел большое количество обращений от пользователей-поставщиков платформы и пришел к выводу что в оферте о реализации товаров на платформе Wildberries содержатся условия, которые имеют признаки навязывания продавцам невыгодных условий договора. Среди невыгодных условий были выделены: условия о тарифах на логистику и хранение товара, которые ежедневно изменялись или условия о штрафных санкциях для продавцов, чьи личные кабинеты были взломаны третьими лицами, которые тоже были определены ФАС как несоизмеримые. В августе 2024 года Wildberries уведомили о том, что они исполнили предупреждение ФАС России и устранили все нарушения, путем внесения соответствующих изменений в оферту для продавцов платформы³⁴⁶.

Исходя из практики антимонопольного регулирования большинство нарушений, совершаемых в отношении пользователей-поставщиков платформ сводятся к навязыванию невыгодных условий договора. В российском законодательстве отсутствует легальная дефиниция «навязывания условий договора», однако, Верховный Суд РФ в 2021 году внес ясность в понимание сущности навязывания условий договора. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»

³⁴⁵ФАС выдала предупреждение «Вайлдберриз» [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/news/33200> (дата обращения: 16.04.2025).

³⁴⁶ФАС В СМИ: Wildberries исполнила предупреждение ФАС по оферте для продавцов [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/publications/24452> (дата обращения: 16.04.2025).

навязанными невыгодными условиями договора признаются условия, которые иной участник рынка не принял бы, исходя из своих разумно понимаемых экономических (коммерческих) интересов, и которые позволяют доминирующему на рынке субъекту извлекать выгоду посредством ограничения свободы ведения экономической деятельности его контрагентов³⁴⁷. Также в пункте 14 отмечается, что навязывание контрагенту невыгодных условий для целей применения п. 3 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции возможно как до, так и после заключения договора, содержащего данные условия. Аналогичная позиция была изложена в Письме ФАС России от 26.09.2011 № ИА/36399, где под навязыванием контрагенту условий договора, невыгодных для него, следует понимать злоупотребление занимающим доминирующее положение хозяйствующим субъектом правом на свободное заключение договора в форме совершения действий (бездействия), понуждающих (вынуждающих) контрагентов такого субъекта вступать в договорные отношения на невыгодных для него условиях, и тем самым ущемляющих интересы контрагентов³⁴⁸.

Стоит отметить, что сам факт предложения лицом, занимающим доминирующее положение, условий договора, которые могут быть квалифицированы как невыгодные, не свидетельствует о злоупотреблении субъектом своим доминирующим положением. К условиям, которые можно определить как навязанные и невыгодные относятся³⁴⁹:

1. условия о продаже первого товара только при обязательной покупке второго, если первый товар может использоваться без второго или товары реализуются разными поставщиками по отдельности;

³⁴⁷Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень ВС РФ. 2021. № 5.

³⁴⁸Предупреждение Коми УФАС России № 02-01/7762 от 25 сентября 2020 г. прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] // URL: <https://br.fas.gov.ru/to/komi-ufas-rossii/4159ea1e-a0bd-480e-85bf-336f898ee42b/> (дата обращения: 17.04.2016).

³⁴⁹См.: Пункт 15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень ВС РФ. 2021. № 5.

2. условие о необходимости впоследствии покупать навязанный дополнительный товар у конкретного производителя или пользоваться исключительно инфраструктурой определенного лица;

3. отказ предоставить гарантию качества на первый товар в случае отказа покупателя приобрести сопутствующий товар и т.д.

Из практики антимонопольного органа также можно выделить условия, которые квалифицируются как навязанные и невыгодные на цифровых рынках:

1) об одностороннем изменении условий договора оператором платформы;

2) о «принудительном» применении скидок или акций на товар или изменении цены на товар;

3) включение условий о штрафных санкциях, которые не предусматривают предварительное расследование и уточнение оснований для их наложения.

В частности, именно с такими условиями сталкивались продавцы на маркетплейсах, получивших предупреждения по устранению нарушений от ФАС России в 2024 году³⁵⁰. По статистическим данным ФАС России такие цифровые платформы как Ozon и Wildberries уже занимают 80% рынка маркетплейсов. Руководитель ведомства Максим Шаскольский отметил, что ведомство фиксирует постоянные жалобы от потребителей и компаний малого и среднего предпринимательства (МСП) на работу площадок³⁵¹.

Создание специальных мер защиты прав пользователей-поставщиков на цифровых платформах должно стать одной из приоритетных целей для эффективного функционирования цифровой среды, которое невозможно без достижения прозрачности и предсказуемости поведения оператора платформы в договорных отношениях с пользователями-поставщиками.

³⁵⁰ФАС выдала предупреждения Ozon и Wildberries из-за условий распродаж [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67a300109a7947ec194c8a35> (дата обращения: 17.04.2025).

³⁵¹ФАС: Wildberries и Ozon занимают 80% рынка маркетплейсов [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2024/01/24/1016539-fas-wildberries-ozon-80-rinka> (дата обращения: 17.04.2025).

В качестве примера системы защиты прав пользователей-поставщиков можно привести принятую Еврокомиссией Директиву о цифровых рынках, где сделан акцент на защиту бизнес-пользователей и выработана специальная система регулирования, основным инструментом которой является прозрачность, которая лежит в основе всех положений, касающихся разработки условий предоставления услуг, функционирования алгоритмов ранжирования предлагаемых продуктов или услуг или результатов поиска.

Европейский законодатель отмечает, что необходимость защиты коммерческих пользователей лежит в основе регулирования цифровых платформ и рассматривается как один из приоритетов. В тексте DMA закрепляется, что целью данного регулирования является содействие надлежащему функционированию внутреннего рынка путем установления правил, обеспечивающих конкуренцию и справедливость на рынках цифрового сектора в целом, а также для бизнес-пользователей и конечных пользователей услуг базовой платформы, предоставляемых, в частности, платформами «gatekeepers». Бизнес-пользователям и конечным пользователям услуг базовой платформы, предоставляемых «gatekeepers», должны быть предоставлены соответствующие нормативные гарантии против недобросовестной практики «gatekeepers» по всему Евросоюзу.

В качестве мер по защите прав, DMA предусматривает ряд критериев, которым должны соответствовать договоры, заключаемые между бизнес-пользователями и оператором платформы, среди которых можно выделить:

- 1) текст такого договора должен быть составлен простым и понятным языком;
- 2) текст всегда должен быть легко доступен онлайн;
- 3) обязательное наличие в договоре оснований, в соответствии с которыми принимается решение о приостановлении, прекращении или введении любого другого рода ограничений на полное или частичное предоставление услуг платформой;

4) включать общую информацию о влиянии условий договора на владение и контроль интеллектуальных прав бизнес-пользователей и др.

Несоответствие договора перечисленным требованиям автоматически влечет его недействительность. Операторы платформы обязаны уведомлять своих бизнес-пользователей не менее чем за 15 дней о любых изменениях в своих положениях и условиях, и они должны воздерживаться от внесения ретроактивных изменений в условия пользования.

В Директиве о цифровых рынках также упоминается практика навязывания невыгодных условий бизнес-пользователям. Невыгодными или несправедливыми условиями могут быть условия о ценообразовании или другие общие условия доступа, если они приводят к дисбалансу прав и обязанностей, налагаемых на бизнес-пользователей, или предоставляют «gatekeepers» несоразмерное преимущество перед бизнес-пользователями, или ставят бизнес-пользователей в невыгодное положение при предоставлении аналогичных услуг, что и другие бизнес-пользователи³⁵². Директива устанавливает запрет на включение несправедливых условий в договор, которые позволили бы оператору платформы «gatekeeper» ограничивать или затруднять деятельность бизнес-пользователей на платформе.

В качестве ответственности за нарушения требований, установленных Директивой, предусмотрены штрафные санкции. Так, в статье 30 закрепляет, что Еврокомиссия может наложить штраф в размере, не превышающем 10% от его общего мирового оборота за предыдущий финансовый год, если она установит, что «gatekeeper» намеренно или по халатности не соблюдает требования Директивы. Штраф может быть увеличен до 20% в случае повторных нарушений в течение 8 лет с момента вынесения решения Еврокомиссией о нарушении в первый раз. В случае систематических нарушений требований Директивы в отношении «gatekeepers» могут быть

³⁵²The Digital Markets Act: ensuring fair and open digital markets [Электронный ресурс] // URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-markets-act-ensuring-fair-and-open-digital-markets_en (дата обращения: 17.04.2025).

применены дополнительные меры правовой защиты после проведения рыночного расследования. Такие меры должны быть соразмерны совершенному правонарушению.

В российском законодательстве отсутствует такое подробное и специальное регулирование в сфере защиты прав пользователей-поставщиков. На сегодняшний день пользователи-поставщики могут обращаться за защитой уже нарушенных прав в административном порядке с соответствующим заявлением к антимонопольному органу. Сложившаяся практика навязывания невыгодных условий договора на цифровых платформах квалифицируется ФАС по статье 10 ФЗ №135 «О защите конкуренции», как одна из форм злоупотребления доминирующим положением.

Введенный в 2022 году Постановлением Правительства РФ от 24.03.2022 № 448 мораторий на антимонопольные проверки IT-компаний изначально до 31 декабря 2024 г.³⁵³ (в настоящее время уже до 31.12.2025 г.) создал условия, когда единственным возможным способом воздействия на нарушителя антимонопольного законодательства (владельца или оператора цифровой платформы) стало вынесение предупреждения. Таким образом, сейчас ФАС России проводит работу по добровольному устранению нарушений оператором цифровой платформы.

Пользователи-поставщики также могут требовать возмещения убытков со стороны владельца или оператора цифровой платформы, однако, возмещению подлежит исключительно реальный ущерб. В договорах с пользователями-поставщиками ряда цифровых платформ идет прямое указание на возмещение реального ущерба, но никак не упущенной выгоды³⁵⁴.

Долгое время для владельцев и операторов цифровых платформ не было установленных требований к содержанию договора и такая ситуация породила

³⁵³Постановление Правительства РФ от 24.03.2022 № 448 «Об особенностях осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в отношении аккредитованных организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 28.03.2022. № 13. Ст. 2108; СЗ РФ. 30.12.2024. № 53 (часть III). Ст. 8758.

³⁵⁴См.: п. 9.3 Ограничение ответственности Ozon в Договоре Продавцов на платформе Ozon [Электронный ресурс] // URL: <https://seller-edu.ozon.ru/contract-for-sellers> (дата обращения: 4.04.2025).

абсолютную свободу в части составления и заключения договоров с пользователями-поставщиками, что и привело к ряду злоупотреблений. В январе 2023 года было предложено закрепить на законодательном уровне отношения продавцов и операторов маркетплейсов, в частности, предложение заключалось в лишении оператора платформы права по своему усмотрению блокировать продавцов или списывать их средства в виде штрафов. Однако, представители цифровых платформ заявили, что в этом нет необходимости и отношения между оператором и продавцом регулируются с помощью гражданского законодательства, отраслевыми принципами, а также стандартами взаимодействия, разработанными с участием Минпромторга и Ассоциации компаний интернет-торговли³⁵⁵. В финальный текст «Пятого антимонопольного пакета» данные поправки не вошли.

Вопрос о превентивных мерах защиты пользователей-поставщиков частично разрешился в 2025 году с принятием ФЗ № 289. Данный федеральный закон делает акцент на посреднических цифровых платформах и если и не выравнивает полностью дисбаланс сил между оператором и пользователем-поставщиком, то создает определенные требования к деятельности оператора посреднической платформы, которые можно рассматривать в качестве превентивной защиты прав пользователя-поставщика, именуемого партнером в тексте ФЗ № 289.

ФЗ № 289 в качестве одной из основных целей в статье 1 выделяет: «обеспечение баланса экономических интересов хозяйствующих субъектов, функционирующих в сфере платформенной экономики, а также обеспечение гарантий соблюдения прав и законных интересов физических и юридических лиц». Статья 5 закрепляет перечень условий, которые обязательно должны быть включены в текст договора между оператором и партнером посреднической цифровой платформы, среди которых можно выделить:

- 1) требования к партнеру, владельцу пункта выдачи заказов;

³⁵⁵Отношения между маркетплейсами и продавцами предложили закрепить в законе [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/01/20/959905-otnosheniya-predlozhili-zakrepiť> (дата обращения: 17.04.2025).

2) порядок обмена юридически значимыми сообщениями, в том числе направления уведомления об изменении договора в сроки установленные законом;

3) исчерпывающий перечень применяемых к партнеру мер ответственности, основания и порядок их применения;

4) порядок обжалования решений и действий (бездействия) оператора с указанием срока и процедуры рассмотрения жалоб;

5) порядок установления, изменения партнерами цены товара, работы, услуги, включая срок вступления таких изменений в силу, а также порядок установления скидки на предлагаемые товары, работы и услуги и др.

Относительно ценообразования на платформе, в тексте закона закрепляется необходимость иметь согласие партнера платформы в случае снижения оператором цены предлагаемых партнером товаров. Партнер должен быть уведомлен не менее чем за 5 дней до предполагаемого снижения, а в случаях если снижении происходит за счет партнера, то необходимо его согласие, которое не может быть выражено в форме молчания. На наш взгляд, данное законодательное ограничение действий оператора по ценообразованию на платформе благоприятно влияет на создание между оператором партнером доверительных отношений и служит дополнительной гарантией для партнера платформы.

Относительно возможности неограниченное число раз и в любое время вносить изменения в договор между оператором и партнером в ФЗ № 289 закрепляется обязанность уведомить партнера за 45 дней до внесения соответствующих изменений (по установленным в законе случаям). Положение о предварительном обязательном уведомлении об изменении условий договора может привести к сокращению количества таких изменений, если ранее оператор мог несколько раз в месяц вносить изменения, то при обязанности уведомлять это количество сильно сократиться. Однако, если такие изменения идут на пользу партнеру платформы или связаны со вступлением в силу судебного решения (решения госоргана), то

предварительное уведомление не требуется. А также закреплены обязанности оператора по размещению договора с партнером с указанием периода действия этого договора, предоставление партнеру беспрепятственного доступа к действующему договору и договорам, утратившим силу, в том числе для ознакомления и копирования, позволит партнеру отслеживать эти изменения и быть осведомленным в том, когда и какого содержания изменения будут внесены в договор, что также способствует превентивной защите прав пользователей-поставщиков.

Отдельно регламентирован порядок того, как и в каких случаях может быть ограничен доступ к личному кабинету. Множество пользователей-поставщиков на российских маркетплейсах сталкивались с блокировкой доступа к личным кабинетам без объяснения причин³⁵⁶. Основания, по которым продавец мог быть заблокирован на платформе были размытыми и не всегда определялись в виде перечня. ФЗ № 289 предлагает перечень случаев, которые могут привести к ограничению доступа в личный кабинет на посреднической цифровой платформе:

- 1) нарушение партнером требований, установленных законодательством РФ;
- 2) случаи, прямо установленные в договоре между оператором и партнером;
- 3) обнаружение признаков и (или) факта неправомерного доступа третьих лиц к личному кабинету, в том числе при получении соответствующего запроса партнера.

Закрепление такого перечня оснований для ограничения доступа к личному кабинету партнера может рассматриваться как еще одна дополнительная гарантия добросовестного поведения оператора. Несмотря на то, что сфера действия нового закона ограничивается посредническими цифровыми платформами, авторы ФЗ № 289 попытались максимально

³⁵⁶Продавцы устроили забастовку у офиса Wildberries из-за блокировки [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/business/23/05/2023/646cbb6a9a79473a25725e50> (дата обращения: 27.07.2025).

охватить все существующие проблемы, которые приводят к разногласиям в договорных отношениях между оператором и пользователем-поставщиком (при использовании посреднической платформы) и в какой-то мере ограничить возможности оператора платформы, создавая требования к содержанию, заключаемого договора и количественно ограничивая действия оператора по его изменению.

Вывод: Пользователи-поставщики, определяемые как субъекты предпринимательской деятельности и экономически равная сторона договора с оператором, остаются достаточно уязвимой категорией субъектов в рамках предпринимательских отношений, возникающих при использовании цифровых платформ.

Основными видами злоупотреблений со стороны операторов цифровых платформ, с которыми сталкиваются пользователи-поставщики являются: 1) возможность оператора неограниченное количество раз вносить в одностороннем порядке изменения в договор с пользователем-поставщиком; 2) ограничивать или полностью блокировать доступ к личному кабинету пользователя, в отсутствие перечня оснований для таких действий; 3) изменение цены товара без предварительного согласования с пользователем-поставщиком; 4) навязывание условий договора и т.д.

Основным способом защиты нарушенных прав является обращение пользователя-поставщика с соответствующим заявлением к антимонопольному органу. В настоящее время единственной формой реагирования на действия операторов цифровых платформ в отношении пользователей-поставщиков со стороны ФАС России является вынесение предупреждений.

Принятие нового ФЗ № 289 разрешило часть вопросов, связанных с договорными и ценовыми злоупотреблениями со стороны оператора, однако, только для посреднических платформ. Деятельность пользователей-поставщиков и операторов других цифровых платформ пока не попадает под действие нового закона.

Заключение

Использование цифровых платформ в предпринимательской деятельности оказало ключевое влияние на трансформацию традиционных предпринимательских отношений. Сформировавшиеся новые бизнес-модели характеризуются организацией взаимодействия между пользователями платформы друг с другом и с третьей стороной – оператором, который обеспечивает работу цифровой платформы.

Правовое регулирование предпринимательской деятельности в обозначенной сфере предполагает использование действующего законодательства с классическими правовыми конструкциями и модернизацию отдельных положений с учетом особенностей отношений, возникающих при использовании цифровых платформ. В генезисе правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ можно выделить три этапа. Первый этап (1990-е годы) характеризуется защитой и поддержкой развития цифровых компаний, которые выразились в возникновении системы саморегулирования на цифровых рынках. Положительная динамика в развитии цифровых компаний, осуществляющих коммерческую деятельность в сети Интернет ознаменовали новый этап в правовом регулировании (2000-е годы), который охарактеризовался общемировой тенденцией по принятию специальных актов, регулирующих вопросы электронной коммерции. Привычное саморегулирование не позволяло в должной мере обеспечить защиту прав пользователей и конкуренции на рынках, функционирующих с использованием платформ. Общемировая тенденция к ограничению саморегулирования сохранялась и в период развития современной цифровой экономики. У каждого государства (или содружества) сложился свой подход к созданию нормативной правовой базы для регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ. Так были приняты либо единые специальные акты по регулированию

указанной деятельности (Директивы Евросоюза), либо дополнялось действующее законодательство по отдельным аспектам регулирования (антимонопольное регулирование в Китае, принятие отдельных законов по видам платформ в России и т.д.).

Формирование правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере использования цифровых платформ и установления для них правовых режимов должно происходить с учетом всех видов цифровых платформ. Для их классификации, в рамках настоящего исследования, выявлены критерии, отмеченные в доктрине и имеющие правовое значение. При разработке универсальной классификации необходимо руководствоваться не одним, а несколькими критериями, которые позволят учесть особенности отдельных видов цифровых платформ и распределить их по группам для целей отдельных сфер правового регулирования. На наш взгляд, использование критериев функциональности и типа бизнес-модели имеет правовое значение для целей антимонопольного регулирования, а классификация по критерию субъектного состава играет решающую роль, при разработке системы требований и мер ответственности для пользователей цифровых платформ, владельца и оператора платформы, и организации контроля и мониторинга за деятельностью, осуществляемой всеми субъектами при использовании цифровой платформы.

Характеризуя цифровую платформу, как новый инструмент осуществления предпринимательской деятельности необходимо учитывать ее сложную технологическую структуру, которая включает в себя цифровые технологии (среди которых, облачные сервисы, обработка больших данных, технологии искусственного интеллекта), выделяющие платформу среди всех урегулированных законодателем информационных сервисов. Наличие в ней цифровых технологий, способствует формированию прозрачной и безопасной среды доверия, в которой пользователи платформы приобретают дополнительные гарантии добросовестного поведения всех участников предпринимательских отношений с использованием данной платформы и тем

самым сокращают риски, связанные с неисполнением обязательств между ними.

Цифровая платформа, как новый объект в предпринимательской деятельности, в нормативных правовых актах рассматривается как вид информационной системы или в качестве совокупности отдельных объектов. По своей структуре цифровая платформа образуется совокупностью элементов, основные из которых являются самостоятельными объектами интеллектуальных прав, которые в своем единстве формируют ее в качестве сложного объекта интеллектуального права с соответствующим правовым режимом. Все объекты, формирующие цифровую платформу, в зависимости от их значимости для функционирования цифровой платформы делятся на основные, факультативные и обеспечительно-инфраструктурные. Основные объекты являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности и к ним относятся: программа для ЭВМ, база данных и интернет-сайт. В качестве факультативных выделены: технологии искусственного интеллекта, включая алгоритмы рекомендательных систем, исключительные права на товарный знак и коммерческое обозначение и субъективные права на доменное имя. Группа обеспечительно-инфраструктурных элементов выделяется в связи с обязанностью обеспечить информационную безопасность при использовании цифровой платформы и включает: технологии идентификации и верификации пользователей цифровой платформы и соответствующие цифровые идентификаторы этих пользователей. Входящие в состав цифровой платформы объекты связаны единым назначением и функционирование платформы в соответствии с ее целями невозможно при исключении одного из перечисленных основных объектов, их повреждение или утрата приводит к потере ценности цифровой платформы для предпринимательской деятельности. Основные объекты, входящие в состав цифровой платформы, в своем единстве формируют ее в качестве сложного объекта.

Субъектный состав предпринимательских отношений с использованием цифровых платформ характеризуется наличием трех видов субъектов: владельца цифровой платформы, оператора цифровой платформы и пользователей. Владелец цифровой платформы является лицом, определяющим порядок и правила использования платформы деятельности, а также разрабатывающим стандарты договоров с пользователями. Владельцу цифровой платформы принадлежит исключительное право на цифровую платформу как на сложный объект. Владелец может быть физическим лицом в случае заключения договора с другим лицом для осуществления функций оператора, однако, в случае осуществления роли оператора владельцем цифровой платформы обязательна его регистрация в качестве субъекта предпринимательской деятельности. Оператор цифровой платформы всегда является субъектом предпринимательской деятельности, зарегистрированный в таком статусе в соответствии с законом и осуществляющий функции по обеспечению текущей деятельности на платформе. Он может быть как владельцем цифровой платформы, так и заключить договор с ним на осуществление функций оператора. Пользователи цифровых платформ представлены двумя категориями: пользователи-потребители, которые получают доступ к платформе без целей осуществления предпринимательской деятельности и пользователи-поставщики, являющиеся субъектами предпринимательской деятельности, которые получают доступ к технологической инфраструктуре платформы с целью осуществления предпринимательской деятельности путем использования платформы.

В зависимости от пользователя, с которым заключается договор на платформе выделяются два вида договоров: пользовательские соглашения с пользователями-потребителями и договоры, опосредующие предпринимательскую деятельность с пользователями-поставщиками. Пользовательское соглашение – это смешанный договор, заключаемый между двумя сторонами, одна из которых является оператором цифровой платформы, а другая пользователем-потребителем, об установлении гражданских прав и

обязанностей при использовании цифровой платформы. Смешанная правовая природа проявляется в наличии у пользовательского соглашения элементов лицензионного договора и договора оказания услуг. Предметом пользовательского соглашения является оказание услуги по обеспечению доступа к цифровой платформе с возможностью извлечения полезных свойств платформы как сложного объекта. По способу заключения такое соглашение имеет правовую природу публичного договора и договора присоединения. В каждом отдельном пользовательском соглашении наличие тех или иных элементов поименованных Гражданским Кодексом РФ договоров будет отличаться в зависимости от сферы предпринимательской деятельности, в которой используется цифровая платформа.

Договоры, опосредующие предпринимательскую деятельность с использованием цифровых платформ, заключаются двумя сторонами, одна из которых оператор цифровой платформы, а другая пользователь-поставщик, об установлении гражданских прав и обязанностей при использовании цифровой платформы в целях осуществления предпринимательской деятельности пользователем-поставщиком путем использования этой цифровой платформы. Такой договор по своей правовой природе, аналогично пользовательскому соглашению, будет смешанным договором и по порядку заключения публичным договором и договором присоединения, однако, он отличается целью его заключения, а также объемом, возникающих прав и обязанностей у пользователя. У пользователя-поставщика появляется право использовать технологическую инфраструктуру платформы для осуществления предпринимательской деятельности.

Классические способы защиты прав используются пользователями-потребителями при их нарушении в результате использования цифровой платформы. В качестве наиболее распространенных в практике способов защиты прав пользователей-потребителей можно выделить: возмещение убытков, взыскания неустойки и компенсацию морального вреда. Защита прав осуществляется в юрисдикционной форме и в рамках административного

порядка, в зависимости от вида платформы, органы контроля (надзора) могут быть разные (Роспотребнадзор для агрегаторов информации, Банк России для инвестиционных и финансовых платформ). Цифровые платформы также могут иметь свою внутреннюю систему досудебного разрешения споров. Недостаточность и неэффективность существующей системы защиты прав пользователей выражается в сильно ограниченной ответственности владельца платформы, которая наступает только в прямо определенных законом случаях. На наш взгляд, возможно привлечение владельца к внедоговорной ответственности за рамками установленных законом оснований в случае участия владельца в процессах совершения сделок на платформе. Вторым очевидным недостатком существующей системы мер защиты прав выступает отсутствие достаточных защитных мер для пользователей поставщиков платформ, которые остаются достаточно незащищенной категорией субъектов на цифровой платформе. При разработке специальных мер защиты прав пользователей цифровых платформ, должны учитываться права и законные интересы обеих категорий пользователей.

Отдельным аспектом является обеспечение правовой защиты от нарушений антимонопольного законодательства на рынках, где субъекты предпринимательской деятельности используют цифровые платформы. Общемировая тенденция в области антимонопольного регулирования выразилась в том, что обеспечение правовой защиты от антимонопольных правонарушений сопровождалось законотворческим процессом, в соответствии с которым работа велась в трех направлениях: 1) выработка критериев определения доминирующего положения на рынке компаний, использующих цифровые платформы; 2) закрепление на уровне закона или директивы дополнительных ограничений и обязательств для доминирующих на рынке субъектов; 3) разработка системы специального надзора со стороны контролирующего органа. При выделении критериев доминирования цифровых платформ особое значение имеют сетевые эффекты, наличие которых является необходимым условием для определения доминирующего

положения цифровой платформы на рынке. Сетевой эффект представляет собой такое свойство цифровой платформы, при котором ее ценность в предпринимательской деятельности определяется количеством ее пользователей.

Таким образом, в рамках настоящей диссертационной работы проведено комплексное межотраслевое исследование как теоретических, так и практических вопросов и проблем по заявленной автором тематике исследования. Цель и задачи работы представляются достигнутыми, проведенное исследование показало эффективность избранной методологии и позволило обосновать положения и выводы, вынесенные на защиту. Разработанные выводы и рекомендации могут быть использованы как учеными для последующего развития доктринальных идей в обозначенной области, в преподавательской деятельности, так и в практической деятельности юристами при оказании юридической помощи по вопросам правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ.

Библиографический список

Международные документы

1. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // <https://docs.eaeunion.org/documents/320/3264/> (дата обращения: 15.02.2025).

Нормативные правовые акты Российской Федерации

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 237. 25.12.1993; Официальный Интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 25.12.2006. № 52 (часть I). Ст. 5496; СЗ РФ. 28.07.2025. № 30 (часть II). Ст. 4384.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; СЗ РФ. 12.08.2024. № 33 (часть I). Ст. 4933.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410; СЗ РФ. 30.06.2025. № 26 (часть I). Ст. 3508.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301; СЗ РФ. 14.07.2025. № 28. Ст. 3825.

7. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 4.08.2025. № 31. Ст. 4643.

8. Федеральный закон от 02.07.2021 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»»// СЗ РФ. 5.07.2021. № 27 (часть I). Ст. 5159; СЗ РФ. 2.01.2023. № 1 (часть I). Ст. 27.

9. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 3.08.2020. № 31 (часть I). Ст. 5017; СЗ РФ. 30.12.2024. № 53 (часть I). Ст. 8533.

10. Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // СЗ РФ. 27.07.2020. №30. Ст. 4737; СЗ РФ. 30.12.2024. № 53 (часть I). Ст. 8532.

11. Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»// СЗ РФ. 27.04.2020. № 17. Ст. 2701.

12. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 05.08.2019. № 31. Ст. 4418; СЗ РФ. 12.08.2024. № 33 (Часть I). Ст. 4959.

13. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СЗ РФ. 4.07.2011. № 27. Ст. 3872; СЗ РФ. 28.07.2025. № 30 (часть II). Ст. 4397.

14. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (часть I). Ст. 3448; СЗ РФ. 4.08.2025. № 31. Ст. 4679.

15. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (часть I). Ст. 3434; СЗ РФ. 4.08.2025. № 31. Ст. 4658.

16. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 140; СЗ РФ. 4.08.2025. № 31. Ст. 4644.

17. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // СЗ РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.

18. Постановление Правительства РФ от 10 июля 2024 г. № 929 «Об утверждении Положения о государственной единой облачной платформе» // СЗ РФ. 15.07.2024. № 29 (часть III). Ст. 4244.

19. Постановление Правительства РФ от 24.03.2022 № 448 «Об особенностях осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в отношении аккредитованных организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 28.03.2022. № 13. Ст. 2108; СЗ РФ. 30.12.2024. № 53 (часть III). Ст. 8758.

Стратегии, рекомендации и иные официальные документы

20. Рекомендации Экспертного совета при ФАС России по развитию конкуренции в области информационных технологий и Экспертного совета ФАС России по развитию конкуренции в сфере розничной торговли «О практиках в сфере использования информационных технологий в торговле, в том числе связанных с использованием ценовых алгоритмов» [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/documents/684828> (дата обращения: 25.03.2025).

21. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года (утв.

протоколом президиума ФАС России 03.07.2019 № 6) [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/documents/685792> (дата обращения: 13.04.2025).

22. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов // Вестник Банка России. 2024. № 5.

23. Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7) [Электронный ресурс] // URL: <https://digital.ac.gov.ru/materials/passport/> (дата обращения: 15.03.2025).

Нормативные правовые акты, имеющие историческое значение

24. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СЗ РФ. 7.08.2017. № 32. Ст. 5138.

Правоприменительная практика

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень ВС РФ. 2023. № 2.

26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень ВС РФ. 2021. № 5.

27. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

28. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о

договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 8.

29. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 сентября 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 11.

30. Определение Высшего Арбитражного суда РФ от 14.08.2013 № ВАС-10741/13 [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/55675239/> (дата обращения: 19.03.2025).

31. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23 сентября 2022 г. № С01-201/2018. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71899404/> (дата обращения: 17.03.2025).

32. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2022 № 09АП-64168/2022 по делу № А40-111861/2022 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0754d59b-e117-41d1-af7e-3a0982cc3880/be62cc92-a7d3-42f6-b96c-1c46265daaef/A40-111861-2022_20220810_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.03.2025).

33. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 10.08.2017 № 02АП-5381/2017 по делу № А28-2245/2017 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d397eaaa-ea44-41dc-a7ef-0e70afbb1e8f/89735745-50d0-4fd9-977d-3e1aec542b92/A28-2245-2017_20170607_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.03.2025).

34. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2017 № 09АП-11464/2017 по делу № А40-190547/16 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ab4b41a5-9362-495b-ab4d-6df0c6310f24/65f5abc2-bb9f-4cf3-ac45-f1fe6e8923b5/A40-190547-2016_20161216_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.03.2025).

35. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.07.2022 № Ф05-14395/2022 по делу № А40-188537/2021 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cc26262c-c275-4174-81a5-3d986331e44b/6b8f7652-a78b-4153-a4fc-1fc8c5d55add/A40-188537-2021_20220425_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.03.2025).

36. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.01.2022 № Ф05-30939/2021 по делу № А41-20065/2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/69210746/> (дата обращения: 19.03.2025).

37. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 03.12.2018 № Ф06-40159/2018 по делу № А57-26901/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/39280099/> (дата обращения: 19.03.2025).

38. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда по делу № 33-32083/2022 [Электронный ресурс] // URL: https://kraevoi--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=1ae3963a-8f84-4d72-abbe-818bb60a48ce&deloId=5&caseType=0&new=0&doc=1&srv_num=1&hideJudge=0 (дата обращения: 12.09.2025).

39. Решение ФАС России № АД/54066/15 по делу № 1-14-21/00-11-15 от 5 октября 2015 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/ad-54066-15/> (дата обращения: 8.04.2025).

40. Предупреждение ФАС России № МШ/8870/25 от 4 февраля 2025 г. о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] // URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/a842461b-9335-401a-9179-cd725ccdd42a/> (дата обращения: 16.04.2025).

41. Предупреждение Коми УФАС России № 02-01/7762 от 25 сентября 2020 г. прекращения действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] // URL: <https://br.fas.gov.ru/to/komi-ufas-rossii/4159e1e-a0bd-480e-85bf-336f898ee42b/> (дата обращения: 17.04.2016).

Библиография на русском языке

Учебники, учебные пособия и монографии

42. Абросимова, Е. А. Организаторы торгового оборота: учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 183 с.

43. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву: монография. – Москва: Юриздат НКЮ СССР, 1940. – 192 с.

44. Алексеев С. С. Теория права. — М.: Издательство БЕК, 1995. — 320 с.

45. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. – М.: Норма, Инфра-М, 2010. – 464 с.

46. Афанасьева Е.Г., Долгих М.Г., Афанасьева Е.А. Средства индивидуализации в предпринимательской деятельности: правовые вопросы : учеб. пособие /Отв. ред. Е.В. Алферова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНИОН РАН, 2020. – 210 с.

47. Аюшеева И.З., Подузова Е.Б., Сойфер Т.В. Концептуальные основы правового регулирования отношений по коллективному использованию товаров и услуг (sharing economy) в условиях развития цифровых технологий: монография. – М.: Юстицинформ, 2021. – 276 с.

48. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право: Учебник / Под ред. Топорнина. – СПб.: Юрид.центр Пресс, 2001 г. – 789 с.

49. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. – 4-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2002. – Кн. 2. – 800 с.

- 50.** Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. – 3-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2001. – Кн.1. – 848 с.
- 51.** Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948 г. – С. 839 с.
- 52.** Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Том I. Часть общая. – С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1911. – 781 с.
- 53.** Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно – предметный указатель / Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. – М., 1996. – 704 с.
- 54.** Гражданское право: учебник: в 3 т. Т.1 / под ред. А. П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. –1040 с.
- 55.** Гражданское право: учебник: в 4-х т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. Т. I. – 576 с.
- 56.** Гражданское право: учебник: в 4-х т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2023. Т.3. – 524 с.
- 57.** Гришаев С. П. Интеллектуальная собственность: учебное пособие. – М., Юристъ, 2004. – 240 с.
- 58.** Громова Е. А. Модели экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций и технологий: монография. – Москва: Проспект, 2023. – 96 с.
- 59.** Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей / В. А. Дозорцев ; Исслед. центр частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ. – 2-е изд. – М. : Статут, 2023. – 416 с.
- 60.** Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Алтухов А.В. Основы платформенного и экосистемного права: учебное пособие /отв. ред. С.Ю. Кашкин. – Москва: РУСАЙНС, 2024. – 112 с.
- 61.** Конкурентное право: учебник / под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. – М.: Юстицинформ, 2018. – 628 с.

62. Коммерческое право : учебник для вузов /под общей ред. Е. А. Абросимовой, В. А. Белова, Б. И. Пугинского. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 606 с.

63. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики: монография. – Москва: Норма, ИНФРА-М, 2020. – 240 с.

64. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2003. – 250 с.

65. Маркова В. Д. Цифровая экономика: учебник /В.Д. Маркова. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 186 с.

66. Правовое регулирование цифровой экономики: история, теория, практика. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2019. – 376 с.

67. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма ИНФРА-М, 2024. Т. 2. – 440 с.

68. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – 1208 с.

69. Савельев А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. – Москва: Статут, 2024. – 620 с.

70. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2016. – 640 с.

71. Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е. Государственные цифровые платформы: формирование и развитие: монография. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 192 с.

72. Толковый словарь русского языка / Под ред. В.И. Даля [Электронный ресурс] // URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=26144> (дата обращения: 19.01.2025).

73. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова [Электронный ресурс] // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=21083> (дата обращения: 19.01.2025).

74. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс] // URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=48876> (дата обращения: 19.01.2025).

75. Филиппова С.Ю., Харитонов Ю.С., Щербак Н.В. Правовое регулирование электронной коммерции: учебное пособие. – М.: Юстицинформ, 2024. – 340 с.

76. Харитонов Ю.С., Савина В.С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования: монография. – М.: Юстицинформ, 2025. – 332 с.

77. Цифровые платформы – организационно-правовая форма взаимодействия в обществе: монография / Н.С. Волкова, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов и др.; отв. ред. Л.К. Терещенко. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Инфотропик Медиа, 2025. – 244 с.

78. Экономическая теория: Учебник / ВЗФЭИ; Под ред. Николаевой И.П. — 2-е изд. — М.: ЮНИТИ, 2008. — 527 с.

79. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. - М.: Юристъ, 2001. – 1270 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

80. Беляева Г.С. Правовой режим: общетеоретическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.01/ Беляева Галина Серафимовна. – Курск, 2013. – 407 с.

81. Ворникова, Е. Д. Правовое регулирование внешней торговли услугами в цифровой экономике: дис. ... канд. юрид. наук. 5.1.3 / Ворникова Екатерина Дмитриевна. – М., 2023. – 236 с.

- 82.** Гринь Е.С. Концепция сложных объектов интеллектуальных прав: дис. ... д-ра юрид. наук. 5.1.3/ Гринь Елена Сергеевна. – М., 2025. – 354 с.
- 83.** Громова Е.А. Стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук 5.1.3 / Громова Елизавета Александровна. – Казань, 2024. – 43 с.
- 84.** Жернова В.М. Правовой режим информационных систем: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.13 / Жернова Влада Михайловна. – Челябинск, 2017. – 213 с.
- 85.** Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.03 / Карцхия Александр Амиранович. – М., 2019. – 394 с.
- 86.** Маслов А.О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. 5.1.3/ Маслов Антон Олегович. – М., 2022. – 196 с.
- 87.** Мефодьева К.А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.03 / Мефодьева Кристина Александровна. – М., 2019. – 28 с.
- 88.** Родионов О.С. Механизм установления правовых режимов российским законодательством: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01/ Родионов Олег Сергеевич. – Саратов, 2001. – 157 с.
- 89.** Халеппо И.М. Оферта в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03 / Халеппо Ирина Михайловна. – Краснодар, 2013. – 24 с.
- 90.** Ханчукаева Л.А. Злоупотребление субъектами предпринимательской деятельности доминирующим положением с использованием цифровых платформ: правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук 5.1.3/ Ханчукаева Луиза Аптиева. – М., 2025. – 297 с.

91. Шамсумова Э. Ф. Правовые режимы: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01/ Шамсумова Эмма Файсаловна. – Екатеринбург, 2001. – 23 с.

Научные статьи

92. Абросимова Е. А. К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – Т. 8. – № 2. – С. 231–240.

93. Алексеенко А.П. Правовой статус оператора платформы электронной коммерции в КНР // Правоведение. – 2024. – Т.68. – № 2. – С. 284 – 302.

94. Амелин Р.В. Правовое регулирование общественных отношений в сфере информационных систем: цивилистический и информационно-правовой подходы // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 12. – С. 68 – 77.

95. Арзамаскин А.Н. «Цифровые экосистемы в современном российском обществе: понятие, общая характеристика, правовой аспект регулирования» // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2(68). – С. 9 – 15.

96. Арутюнян А.А., Бербенева А.Д. Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ // Цифровое право. – 2022. – № 3(3). – С. 79 – 96.

97. Аюшеева И.З. Виртуальные сообщества: проблемы определения гражданско-правового статуса // Закон. – 2022. – № 6. – С. 56 – 65.

98. Бабкин А.В., Михайлов П.А. Цифровые платформы в экономике: понятие, сущность, классификация // Вестник Академии знаний. – 2023. – № 54 (1). – С. 25 – 36.

- 99.** Белоусов В.Н., Баянова Ж.Л. Правовой режим базы данных в условиях информатизации общества // Известия Байкальского государственного университета. – 2023. – Т.33. – № 1. – С. 173 – 180.
- 100.** Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. – 2017. – № 11. – С. 5 – 18.
- 101.** Витрянский В. В. Новые типы гражданско-правовых договоров // Закон. – 1995. – № 6.
- 102.** Ворникова Е.Д. Понятие цифровой среды доверия // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т.13. – № 6. – С. 251 – 257.
- 103.** Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – С. 13 – 82.
- 104.** Гаврилов В.Н., Рассказов А.А., Чиркаев С.А. Правовое регулирование пользовательского соглашения в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 3(152). – С. 155 – 161.
- 105.** Гасанов А. Я. Правовая природа пользовательских соглашений оказания услуг с использованием цифровых технологий // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 86 – 90.
- 106.** Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2018. – Т. 11. – № 6. – С. 22 – 36.
- 107.** Глонина В.Н. Не все то лицензия, что ею зовется: проблемные аспекты правового регулирования отношений между пользователями и цифровыми сервисами // Журнал суда по интеллектуальным правам. – 2019. – № 24. – С. 43 – 53.
- 108.** Губин Е.П. Предпринимательское право как инструмент решения социальных задач современного общества (социальная функция предпринимательского права России) // Предпринимательское право. – 2023. – №3. – С. 2 – 10.

109. Губин Е. П., Харитонов Ю. С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. – 2020. – № 8(340). – С. 5 – 13.

110. Данилин И.В. Развитие цифровой экономики США и КНР: факторы и тенденции. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – №12(6). – С. 246 – 267.

111. Дозорцев В. А. Права на фильм как сложное многослойное произведение // Вестник ВАС РФ. – 2000. – № 3 – 4.

112. Ершов Ю. Л. О некоторых особенностях конструкции договора присоединения в российском гражданском праве // Журнал российского права. – 2003. – № 1. – С. 49 – 50.

113. Жевняк О. В. Цифровая платформа как технико-технологический феномен и его правовое значение // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2024. – № 4(66). – С. 541 – 561.

114. Запьянцев А.А. Создание и регулирование цифровых платформ в Китае // Азия и Африка сегодня. – 2024. – № 4. – С. 55 – 60.

115. Иващенко Н.С., Зернова Л.Е., Мишаков В.Ю. Бизнес-экосистема как форма ведения бизнеса: виды, принципы партнерства и направления развития в текстильной промышленности // Технология текстильной промышленности. – 2022. – № 1(397). – С. 38 – 42.

116. Каменева Е. Н. Условия охраноспособности товарных знаков в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – №3. – С. 171 – 174.

117. Карцхия А. А. «Облачные» технологии: российское и зарубежное законодательство и практика правоприменения // Мониторинг правоприменения. – 2018. – №2(27). – С. 36 – 41.

118. Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. – 2019. – № 3. – С. 25 – 28.

119. Кирпичев А.Е. Объект договора и его влияние на содержание обязательства // Объекты гражданских прав: юридические исследования в цифровую эпоху: коллективная монография. Вып. 20. / рук. и науч. ред. д. ю. н. М. А. Рожкова. – М.: ГАУГН Пресс, 2025. – С. 58 – 69.

120. Коваленко А.И. Сетевой эффект как признак доминирующего положения цифровых платформ // Современная конкуренция. – 2020. – Т.14. – № 1(77). – С. 18 – 37.

121. Ламанов С.А. Базы данных как объекты авторских и смежных прав: критерии разграничения // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2011. – № 3(14). – С. 22 – 26.

122. Лескова Ю.Г. Применение информационных (цифровых) технологий в саморегулировании как условие развития строительной отрасли и правового регулирования // Гражданское право. – 2018. – № 5. – С. 9 – 11.

123. Лымарь Е. Н. Экономика совместного потребления в современной России // Вестник ЧелГУ. – 2018. – № 12. – С. 67 – 72.

124. Макарчук Н.В. Цифровая экономика: экономический и правовой аспекты // Право и бизнес. 2025. № 4. С. 6 – 12.

125. Маркова В.Д. Платформенные модели бизнеса: подходы к созданию // ЭКО. – 2019. – № 5 (539). – С. 106 – 123.

126. Минбалеев А.В. Понятие и правовая природа цифровых прав в общеправовом значении // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. – 2025. – Т. 35. – № 5. – С. 901 – 907.

127. Михайлов А.Н. Персонализация 2.0: как искусственный интеллект меняет подходы к персонализации в маркетинге // Вестник науки. – 2021. – № 7. – С. 45 – 50.

128. Нурмухаметов Р.К., Торин С.С. Цифровое доверие (digital trust): сущность и меры по его повышению // Известия Тульского государственного университета: экономические и юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 32 – 39.

129. Паращук С.А. Монополия и монополизация: регламентация в российском праве // Юрист. – 2017. – № 1. – С. 29 – 34.

130. Пашкин С.А. «Развитие цифровых платформ в России» [Электронный ресурс] // URL: <https://research-journal.org/archive/1-139-2024-january/10.23670/IRJ.2024.139.47#metrics> (дата обращения: 13.01.2025).

131. Пичков О.Б. Риски и несовершенства развития цифровой экономики на современном этапе / Пичков О.Б., Уланов А.А. // Страховое дело. – 2017. – № 11(296). — С. 3 – 8.

132. Подузова, Е. Б. Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 2 (123). – С. 55 – 60.

133. Подшивалов Т.П. Объект гражданских прав и правовой режим: проблема определения // Вестник УЮрГУ.Серия Право. – 2013. – Т. 13. – № 3. – С. 49-54.

134. Полещенков А. В. Понятие коммерческого обозначения // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2009. – № 3. – С. 49 – 52.

135. Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. – 2019. – № 6. – С. 29 – 36.

136. Рахматуллин Т.Э. Цифровые технологии в рекламной деятельности: правовое регулирование // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2019. – С. 160 – 178.

137. Рожкова М.А. О различиях между лицензионным договором и пользовательским соглашением // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2024. – № 4(46). – С. 121 – 133.

138. Рыжкова М.В. Концептуализация феномена «цифровая платформа»: рынок или бизнес? // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2019. – № 47. – С.48 – 66.

139. Савельев, А. И. Критерии наличия действительного и предполагаемого знания как условия привлечения к ответственности информационного посредника // Закон. – 2015. – № 11. – С. 48 – 60.

140. Савельев А.И. Правовая природа «облачных» сервисов: свобода договора, авторское право и высокие технологии // Вестник гражданского права. – 2015. – № 5. – С. 62 – 99.

141. Свирков С.А. К вопросу об объектах гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 1. – С. 102 – 116.

142. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. – 2018. – № 11. – С. 106 – 123.

143. Сергеева О.В. Влияние цифровизации на преддоговорные отношения в международном частном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 3. – С. 162 – 184.

144. Сидоренко Э. Л. Защита прав пользователей цифровых платформ: основные подходы // Мировой судья. 2023. № 1. С. 21 – 24.

145. Терещенко Л. К., Тиунов О. И. Информационные посредники в российском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 6(61). – С. 46 – 51.

146. Терещенко Л.К. Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. – 2024. – № 9. – С. 163 – 175.

147. Трошкина С. М. Правовая охрана программ для ЭВМ: российский и зарубежный опыт // Скиф. – 2023. – № 1 — С. 579 – 583.

148. Филиппова С. Ю., Харитонов Ю. С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение. – 2025. – Т. 69. – № 1. – С. 58 – 75.

149. Харитонов Ю.С. Автономия цифровых платформ генеративного искусственного интеллекта в регулировании отношений с пользователями // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 8. – С. 66 – 75.

150. Харитонов Ю.С. Обычай в регулировании отношений с использованием цифровых платформ // Право и Бизнес. – 2024. – № 2. – С. 2 – 9.

151. Чанов С.Е. Использование цифровых технологий в сфере публичного управления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2021. – Т. 21. – № 4. – С. 419 – 428.

152. Шайдуллин А. И. Влияние сетевых эффектов на цифровые платформы: теоретические положения и эмпирический анализ // Российский журнал менеджмента. – 2024. – № 22 (3). – С. 401– 429.

153. Шаститко А.Е., Курдин А.А., Филиппова И.Н. Мезоинституты для цифровых экосистем // Вопросы экономики. – 2023. – № 2. – С. 61 – 82.

154. Шелепов А.В., Колмар О.И. Регулирование цифровых платформ в России // Вестник международных организаций. – 2024. – Т.19. – № 2. – С. 110– 126.

155. Шаститко А.Е., Маркова О.А. Агрегаторы вокруг нас: новая реальность и подходы к исследованию // Общественные науки и современность. – 2017. – № 4. – С. 5 – 15.

156. Шерстобитов А.Е. Защита прав потребителей в современном российском гражданском праве // Журнал российского права. – 2023. – № 5. – С. 116 – 125.

157. Щербак Н.В. Лицензионный договор как основная модель функционирования цифровых платформ // Законодательство. – 2025. – № 6. – С. 26 – 35.

Нормативные правовые акты иностранных государств

Европейский Союз

158. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending

Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng> (дата обращения: 26.02.2025).

159. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) [Электронный ресурс] // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2022.265.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A265%3ATOC (дата обращения: 26.02.2025).

160. Directive (EU) 2019/771 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2019 on certain aspects concerning contracts for the sale of goods [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/771/oj/eng> (дата обращения: 21.03.2025).

161. Directive (EU) 2019/2161 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 amending Council Directive 93/13/EEC and Directives 98/6/EC, 2005/29/EC and 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council as regards the better enforcement and modernisation of Union consumer protection rules (Text with EEA relevance) [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019L2161> (дата обращения: 4.04.2025).

162. Directive (EU) 2019/770 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2019 on certain aspects concerning contracts for the supply of digital content and digital services [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/770/oj/eng> (дата обращения: 21.03.2025).

163. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce) [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32000L0031> (дата обращения: 13.09.2025).

164. Directive 1999/93/EC of the European Parliament and of the Council of 13 December 1999 on a Community framework for electronic signatures

[Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31999L0093> (дата обращения: 13.09.2025).

Китайская Народная Республика

165. Anti-Monopoly Law (2022 Edition) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/anti-monopoly-law-2022/> (дата обращения: 13.03.2025).

166. Anti-monopoly Guidelines of the Anti-monopoly Commission of the State Council on Platform Economy Released [Электронный ресурс] // URL: <https://www.allbrightlaw.com/EN/10531/b3e2abc9161d4ee6.aspx> (дата обращения: 13.03.2025)

167. E-Commerce Law of the People's Republic of China (P.R.C. E-commerce Law (2018)) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/p-r-c-e-commerce-law-2018/> (дата обращения: 13.03.2025)

168. Regulation on Internet Information Service of the People's Republic of China [互联网信息服务管理办法] / Decree of the State Council of the People's Republic of China No. 292. on September 20, 2000 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.lawinfochina.com/display.aspx?lib=law&id=1668&CGid=> (дата обращения: 12.03.2025).

Соединенные Штаты Америки

169. Digital Platform Commission Act of 2023 – S.1671 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/1671/text> (дата обращения: 11.09.2025).

170. The Electronic Signatures in Global and National Commerce Act (E-Sign Act) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fdic.gov/resources/supervision-and-examinations/consumer->

[compliance-examination-manual/documents/10/x-3-1.pdf](https://www.fcc.gov/compliance-examination-manual/documents/10/x-3-1.pdf) (дата обращения: 11.09.2025).

171. Digital Millennium Copyright Act – H.R. 2281 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/2281> (дата обращения: 9.03.2025).

172. Children's Online Privacy Protection Act of 1998 – S.2326 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/senate-bill/2326> (дата обращения: 9.03.2025).

173. The Telecommunications Act 1996 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/652> (дата обращения: 11.09.2025).

174. Communications Decency Act of 1995 - S.314 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/314/text> (дата обращения: 9.03.2025).

175. The Communications Act 1934 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fcc.gov/Reports/1934new.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).

176. Clayton Antitrust Act 1914 [Электронный ресурс] // URL: <https://teachingamericanhistory.org/document/clayton-antitrust-act/> (дата обращения: 11.09.2025).

177. Sherman Anti-Trust Act (1890) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/sherman-anti-trust-act> (дата обращения: 11.09.2025).

178. California Assembly Bill 2426 (AB 2426) [Электронный ресурс] //URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=202320240AB2426 (дата обращения: 12.09.2025).

179. Washington Uniform Electronic Transactions Act (RCW 19.34) [Электронный ресурс] //URL: <https://app.leg.wa.gov/Rcw/dispo.aspx?cite=19.34> (дата обращения: 12.09.2025).

180. LOI n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique
(1) [Электронный ресурс] //URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000033202746> (дата обращения: 26.02.2025).

181. Code de la consommation [Электронный ресурс] // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006069565/2025-09-27 (дата обращения: 11.09.2025).

Иностранная правоприменительная практика

Европейский Союз

182. Commission decision of 18.7.2018 relating to a proceeding under Article 102 of the Treaty on the Functioning of the European Union (the Treaty) and Article 54 of the EEA Agreement (Case AT.40099 — Google Android). [Электронный ресурс] // URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019XC1128\(02\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019XC1128(02)) (дата обращения: 7.04.2025).

183. Commission decision of 24.03.2004 relating to a proceeding under Article 82 of the EC Treaty (Case COMP/C-3/37.79 Microsoft) [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2007:032:0023:0028:EN:PDF> (дата обращения: 6.04.2025).

Соединенные Штаты Америки

184. U.S. v. Microsoft Corp., 253 F.3d 34 (D.C. Cir. 2001) [Электронный ресурс] // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/253/34/576095/> (дата обращения: 6.04.2025).

185. United States v. Microsoft Corp., 87 F. Supp. 2d 30 (D.D.C. 2000) [Электронный ресурс] // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/87/30/2307082/> (дата обращения: 5.04.2025).

186. United States v. Microsoft Corp., 56 F.3d 1448 (D.C.Cir. 1995). [Электронный ресурс] // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/56/1448/623900/> (дата обращения: 5.04.2025).

Библиография на иностранном языке

187. Awli O., Lau E. Digital and Sharing Economy for Sustainable Development: A Bibliometric and Systematic Review [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.3390/economies11040105> (дата обращения: 10.02.2025).

188. Barykin S.Y., Kapustina I.V., Kirillova T.V., Yadykin V.K., Konnikov Y.A. Economics of Digital Ecosystems // Journal of Open Innovation Technology Market and Complexity. – 2020. – Vol.6. – № 124. – P. 1 – 16.

189. Botsman R., Rogers, R. What's mine is yours: The rise of collaborative consumption // HarperCollins Publishers. – 2015. – 533 p.

190. Boudreau K. J., Lakhani K. R. How to Manage Outside Innovation // MIT Sloan Management Review. – 2009. – P. 69 – 76.

191. Busch C., Dannemann G. Schulte-Nölke H., Wiewiórowska-Domagalska A., Zoll F. Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms / Research Group on the Law of Digital Services, Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms // Journal of European Consumer and Market Law. – 2016. – Vol. 5. – P. 164 – 169.

192. Chesbrough H., Rosenbloom R. The role of the business model in capturing value from innovation: evidence from Xerox Corporation's technology spin-off companies. // Industrial and Corporate Change. – 2002. – Vol. 11. – № 3. – P. 529 – 555.

193. Chiarella M. L., Borgese M. Platform-to-business Contracts in Light of European Laws in the Digital Society // Athens Journal of Law. – 2025. – №12. – P. 1 – 13.

194. Cho C. Y., Zhu L. Defining and Regulating Online Platforms // Congressional Research Service. – 2023. – 27 p.

- 195.** Cini M., Czulno P. The Origins of the Digital Markets Act: Explaining Policy Change // VISTA Policy Paper. – 2022. – № 2. – P. 1 – 7.
- 196.** Evans D.S. The Antitrust Economics of Multi-Sided Platform Markets // Yale Journal on Regulation. – 2003. – Vol.20. - № 2. – 381 p.
- 197.** Feld H. The Case for the Digital Platform Act: Market Structure and Regulation of Digital Platforms. – Roosevelt Institute. – 2019. – 216 p.
- 198.** Gawer, A. Platforms, Markets and Innovation: an introduction // Edward Elgar Publishing. – 2009. – P. 1 – 18.
- 199.** Hagiu A. Merchant or Two-Sided Platform? // Harvard NOM Working Paper. – 2006. – № 950100. – P. 1 – 25.
- 200.** Höppner, T. Google’s (non-) compliance with the EU shopping decision. Competition Policy International. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/googles-non-compliance-with-the-eu-shopping-decision/> (дата обращения: 7.04.2025).
- 201.** Huang Y. The Platform Economy in China: Innovation and Regulation // China’s Transition to a New Phase of Development. – 2022. – P. 73 – 87.
- 202.** Jacobides M. G., Cennamo C., Gawer A. Towards a theory of ecosystems // Strategic Management Journal. – 2018. – Vol. 39. – № 8. – P. 1 – 38.
- 203.** Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy // Issues in Science and Technology. – 2016. – Vol. 32. – № 3. – P. 61 – 69.
- 204.** Kharitonova Y., Sannikova L. Digital Platforms in China and Europe: Legal Challenges // BRICS Law Journal. – 2021. – Vol. 8. – № 3. – P. 121 – 147.
- 205.** Knapstad T. Breakups of Digital Gatekeepers under the Digital Markets Act: Three Strikes and You’re Out? // Journal of European Competition Law&Practice. – 2023. – Vol. 14. – № 7. — P. 394 – 409.
- 206.** Koh T. K., Fichman M. Multi-Homing Users’ Preferences for Two-Sided Exchange Networks // MIS Quarterly. – 2014. – Vol. 38. – № 4. – P. 977 – 996.
- 207.** Lei Y.-W. The contentious public sphere: Law, Media and Authoritarian Rule in China. – Princeton University Press. – 2017. – 304 p.

208. Lessig L. Two economies: Commercial and sharing. In: *Remix: Making Art and Commerce Thrive in the Hybrid Economy* [Электронный ресурс] // URL: <https://archive.org/stream/LawrenceLessigRemix/Remix-o.txt> (дата обращения: 10.02.2025).

209. Liu C. Internet censorship as a trade barrier: A look at the WTO consistency of the Great Firewall in the wake of the China-Google dispute // *Georgetown Journal of International Law*. – 2010. – № 42. – P. 1199 – 1240.

210. Martin F. M. The digital ecosystem related with the development of SMEs // *Conference Paper*. – 2009. – P. 135 – 138.

211. Massarotto G., Yoo S. C. Antitrust at a Crossroads: The Challenge of Digital Platforms // *Journal of Law & Innovation*. – 2024. – Vol. 7. – № 7. – P. 1 – 9.

212. McKnight S., Kenney M., Breznitz D. Regulating the platform giants: Building and governing China's online economy // *Policy & Internet*. – 2023. – Vol. 15. – № 2. – P. 243 – 265.

213. Müller M., Buliga O., Voigt, K. I. Fortune favors the prepared: How SMEs approach business model innovations in Industry 4.0 // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2018. – Vol. 132. – P. 2 – 17.

214. Müller M., Kettemann M. C. European Approaches to the Regulation of Digital Technologies // *Introduction to Digital Humanism*. – 2023. – P. 623 – 637.

215. Oxford Advanced American Dictionary [Электронный ресурс] // URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/platform (дата обращения: 19.01.2025).

216. Pagani M. Digital Business Strategy and Value Creation: Framing the Dynamic Cycle of Control Points // *MIS Quarterly*. – 2013. – Vol. 37. – № 2. – P. 617 – 632.

217. Parker G. G., Van Alstyne M. W. Choudary S. P. *Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You* // W. W. Norton & Company. – 2016. – 352 p.

218. Parker G.G., Van Alstyne M.W., Jiang X. Platform Ecosystems: How Developers Invert the Firm // MIS Quarterly. – 2017. – Vol. 41. – №. 1. – P. 255 – 266.

219. Rappa M. Business Models On The Web [Электронный ресурс] // URL : <https://digitalenterprise.org/models/> (дата обращения: 10.02.2025).

220. Rochet J.-C., Tirole J. Two-Sided Markets: An Overview [Электронный ресурс] // URL: https://web.mit.edu/14.271/www/rochet_tirole.pdf (дата обращения: 19.01.2025).

221. Samples T. R., Ireland K., Kracson C. DR: The Law and Linguistics of Social Platform Terms-of-Use // 39 Berkeley Technology Law Journal. – 2024. – № 47. – P. 48 – 110.

222. Sharkey C. M. Holding Amazon Liable As a Seller of Defective Goods: A Convergence of Cultural and Economic Perspectives // Northwestern University Law Review. – 2020. – Vol. 115. – P. 339-356.

223. Schrepel T. Platforms or Aggregators: Implications for Digital Antitrust Law // Journal of European Competition Law and Practice. – 2021. – Vol. 12. – № 1. – P. 1 – 3.

224. Spagnoletti P., Resca A., Lee G. A design theory for digital platforms supporting online communities: a multiple case study // Journal of Information Technology. – 2015. – Vol. 30. – № 4. – P. 1 – 17.

225. Swire P. P. Trustwarp: The Importance of Legal Rules to Electronic Commerce and Internet Privacy // Hastings L.J. – 2003. – № 54. – P. 847 – 875.

226. Tan B., Pan S. L., Lu X., and Huang L. The Role of IS Capabilities in the Development of Multi-Sided Platforms: The Digital Ecosystem Strategy of Alibaba.com // Journal of the Association for Information Systems. – 2015. – Vol. 16. – № 4. – P. 248 – 280.

227. Timmers, P. Business Models for Electronic Markets // Electronic Markets. – 1998. – Vol. 8. – № 2. – P. 3 – 8.

228. Tiwana A. Platform Ecosystems: Aligning Architecture, Governance, and Strategy // Elsevier Inc. – 2013. — 300 p.

229. Xu X., Venkatesh V., Tam K.Y., Hong S-J. Model of Migration and Use of Platforms: Role of Hierarchy, Current Generation, and Complementarities in Consumer Settings // Management Science. – 2010. – Vol. 56. – № 8. – P. 1304 – 1323.

230. Zutshi A., Grilo A. The Emergence of Digital Platforms: A Conceptual Platform Architecture and impact on Industrial T Engineering // Computers & Industrial Engineering. – 2019. – Vol. 136. – P. 546 – 555.

Интернет-ресурсы

231. АУРЭК обратилась в ФАС из-за новой методики расчета сервисного сбора в Ozon [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2024/03/28/1028592-aurek-fas-ozon> (дата обращения: 28.08.2025).

232. Договоры для Продавцов на платформе Ozon [Электронный ресурс] // URL: <https://seller-edu.ozon.ru/contract-for-sellers> (дата обращения: 4.04.2025).

233. Доклад «Стратегия цифровой трансформации» [Электронный ресурс] // URL: <https://strategy.cdto.ranepa.ru/6-2-cifrovye-proekty-i-platformy> (дата обращения: 13.01.2025).

234. Интервью Сергея Пузыревского журналу «Конкуренция и право» [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/p/contents/2671> (дата обращения: 15.03.2025)

235. Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы» [Электронный ресурс] // URL: https://economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf (дата обращения: 10.02.2025).

236. Отношения между маркетплейсами и продавцами предложили закрепить в законе [Электронный ресурс] // URL:

<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/01/20/959905-otnosheniya-predlozhili-zakrepat> (дата обращения: 17.04.2025).

237. Оферта о реализации товара на сайте Wildberries [Электронный ресурс] // URL: <https://static-basket-02.wb.ru/vol20/offers/prd/product/latest.pdf> (дата обращения: 12.09.2025).

238. Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад [Электронный ресурс] // URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/832628936.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).

239. Пользовательское соглашение: инструкция по составлению [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/08/polzovatelskoe_soglasenie_instrukciya_po_sostavleniyu (дата обращения: 22.03.2025).

240. Пользовательское соглашение сайта «AUTO.RU» [Электронный ресурс] // URL: https://yandex.ru/legal/autoru_terms_of_service/ (дата обращения: 16.11.2024).

241. Пользовательское соглашение сервисов Яндекса [Электронный ресурс] // URL: <https://yandex.ru/legal/rules/> (дата обращения: 30.03.2025).

242. Пользовательское соглашение Lamoda [Электронный ресурс] // URL: <https://www.lamoda.ru/about/oferta/> (дата обращения: 21.03.2025).

243. Правила инвестиционной платформы «Инвестиционный компас» [Электронный ресурс] // URL: <https://cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/98365/1669#:~:text=5.10.1.&text=%2D%20ОГРНИП%20для%20зарегистрированных%20в%20качестве,;%20%2D%20контактный%20номер%20мобильного%20телефона> (дата обращения: 21.03.2025).

244. Правила использования сервиса «Яндекс Маркет» [Электронный ресурс] // URL: https://yandex.ru/legal/market_termsfuse/ (дата обращения: 23.03.2025).

245. Президент России подписал разработанный ФАС «Пятый антимонопольный пакет» [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/news/32676> (дата обращения: 14.04.2025).

246. Продавцы устроили забастовку у офиса Wildberries из-за блокировки [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/business/23/05/2023/646cbb6a9a79473a25725e50> (дата обращения: 27.07.2025).

247. Резюме исследование об актуальных проблемах регулирования экосистем (ЦСР) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/cb1/ghds1y1rnejvy2zzeo2dow249v9932uc.pdf> (дата обращения: 4.04.2025).

248. Суд поддержал решение ФАС против Google [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/03/15/633526-sud-podderzhal-reshenie-fas-protiv-google> (дата обращения: 8.04.2025).

249. Условия использования сервиса «Яндекс Услуги» [Электронный ресурс] // URL: https://yandex.ru/legal/uslugi_termsofuse/ (дата обращения: 26.03.2025).

250. ФАС В СМИ: ФАС прекратила дело о «колдунщиках» в отношении Яндекса [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/publications/23669#:~:text=ИНТЕРФАКС> (дата обращения: 8.04.2025).

251. ФАС В СМИ: Wildberries исполнила предупреждение ФАС по оферте для продавцов [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/publications/24452> (дата обращения: 16.04.2025).

252. ФАС выдала предостережение Вайлдберриз [Электронный ресурс] // URL: [HTTPS://FAS.GOV.RU/NEWS/34061](https://fas.gov.ru/news/34061) (дата обращения: 8.04.2025).

253. ФАС выдала предупреждение «Вайлдберриз» [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/news/33200> (дата обращения: 16.04.2025).

254. ФАС выдала предупреждения Ozon и Wildberries из-за условий распродаж [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67a300109a7947ec194c8a35> (дата обращения: 17.04.2025).

255. ФАС изучит материалы Wildberries об исполнении своего предупреждения [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/ekonomika/20874657> (дата обращения: 28.08.2025).

256. ФАС подписала с IT-компаниями меморандум о принципах работы на цифровых рынках [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2022/02/17/fas-podpisala-s-it-kompaniiami-memorandum-o-principah-raboty-na-cifrovyyh-rynkah.html> (дата обращения: 14.04.2025).

257. ФАС: Wildberries и Ozon занимают 80% рынка маркетплейсов [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2024/01/24/1016539-fas-wildberries-ozon-80-rinka> (дата обращения: 17.04.2025).

258. Экосистемы и цифровые платформы, анализ рынка, антимонопольный комплаенс. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.delcredere.org/publications/808/> (дата обращения: 15.03.2025).

259. Экспертный совет при ФАС России озвучил проект базовых принципов взаимодействия участников цифровых рынков [Электронный ресурс] // URL: <https://fas.gov.ru/news/31434> (дата обращения: 14.04.2025).

260. Alibaba. Chinese company [Электронный ресурс] // URL: <https://www.britannica.com/money/Alibaba> (дата обращения: 9.03.2025).

261. Amazon Services Terms of Use [Электронный ресурс] // URL: <https://www.amazon.com/gp/help/customer/display.html?nodeId=202140280> (дата обращения: 23.03.2025).

262. Ant and China banks are reining in joint loans to consumers. Bloomberg News [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-04/ant-and-chinese-banks-are-reining-in-joint-loans-to-consumers> (дата обращения: 14.03.2025).

263. Anti-monopoly regulation of digital platforms in China [Электронный ресурс] // URL: <https://centrocompetencia.com/anti-monopoly-regulation-of-digital-platforms-in-china/> (дата обращения: 13.03.2025).

264. Antitrust Guidelines for the Platform Economy in the Era of Enhanced Antitrust Scrutiny [Электронный ресурс] // URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/wp-content/uploads/2021/03/10-Antitrust-Guidelines-for-the-Platform-Economy-in-the-Era-of-Enhanced-Antitrust-Scrutiny-By-Wei-Huang-Wendy-Zhou-Xiumin-Ruan-Xi-Zhang.pdf> (дата обращения: 13.04.2025).

265. China's Internet Users Cross 500 Million [Электронный ресурс] // URL: <https://web.archive.org/web/20130801111038/http://www.pcworld.in/news/chinas-internet-users-cross-500-million-61392012> (дата обращения: 12.03.2025).

266. China's new platform guidelines [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ianbrown.tech/2021/11/01/chinas-new-platform-guidelines/> (дата обращения: 13.03.2025).

267. China Targets Firms Listed Overseas After Launching Didi Probe [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wsj.com/articles/china-to-revise-rules-and-strengthen-supervision-of-overseas-listings-11625572533> (дата обращения: 14.03.2025).

268. China to promote healthy, well-regulated development of platform economy [Электронный ресурс] // URL: https://english.www.gov.cn/news/202503/05/content_WS67c7b406c6d0868f4e8f05a7.html (дата обращения: 12.03.2025).

269. Chinese video site 56.com; goes down. Wired. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wired.com/2008/07/chinese-video-s/> (дата обращения: 12.03.2025).

270. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Online Platforms and the Digital Single Market Opportunities and

Challenges for Europe [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52016DC0288> (дата обращения: 26.02.2025).

271. Data protection and digital competition [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ianbrown.tech/2021/11/01/chinas-new-platform-guidelines/> (дата обращения: 13.04.2025).

272. Different Types of Online Marketplaces: C2C, B2B & B2C [Электронный ресурс] // URL: <https://datacluster.com/different-types-of-online-marketplaces-c2c-b2b-b2c> (дата обращения: 14.03.2025).

273. European Commission (2021) Shaping Europe's Digital Future [Электронный ресурс] // URL: https://commission.europa.eu/document/download/84c05739-547a-4b86-9564-76e834dc7a49_en?filename=commu%20%20nication-shaping-europes-digital-future-feb2020_en.pdf (дата обращения: 26.02.2025).

274. Global Information Networks: Realising the Potential [Электронный ресурс] // URL: http://web.mclink.it/MC8216/netmark/attach/bonn_en.htm (дата обращения: 12.09.2025).

275. GRÜNBUCH Digitale Plattformen [Электронный ресурс] // URL: https://www.bundeswirtschaftsministerium.de/Redaktion/DE/Publikationen/Digital-e-Welt/gruenbuch-digitale-plattformen.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (дата обращения: 26.02.2025).

276. Guidelines for Internet Platform Categorization and Grading (Draft for Comment) – Oct. 2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-guidelines-for-internet-platform-categorization-and-grading-draft-for-comment-oct-2021/> (дата обращения: 13.03.2025).

277. History of eCommerce: birth and evolution of the selling method that changed the world [Электронный ресурс] // URL: <https://marketing4ecommerce.net/en/history-of-electronic-commerce/> (дата обращения: 19.01.2025).

278. History of Modern China [Электронный ресурс] // URL: <https://fiveable.me/key-terms/history-modern-china/taobao> (дата обращения: 9.03.2025).

279. Joint Letter from the governments of eleven member states to Vice-President Andrus Ansip, 4 April 2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a74b8d0ed915d502d6ca746/platforms-letter.pdf> (дата обращения: 26.02.2025).

280. Number of internet and social media users worldwide as of February 2025 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/> (дата обращения: 25.06.2025).

281. Our History [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ebayinc.com/company/our-history/#:~:text=AuctionWeb%20is%20Born,story%20was%20a%20fabricated%20one> (дата обращения: 11.09.2025).

282. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act) [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52020SC0363> (дата обращения: 26.02.2025).

283. Reuters. China fines Alibaba record \$2.75 bln for anti-monopoly violations. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.reuters.com/business/retail-consumer/china-regulators-fine-alibaba-275-bln-anti-monopoly-violations-2021-04-10/> (дата обращения: 7.04.2025).

284. Reuters. China fines tech giants for failing to report 43 old deals. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.reuters.com/technology/china-finds-43-anti-trust-law-violations-involving-alibaba-baidu-jdcom-2021-11-20/> (дата обращения: 7.04.2025).

285. The Central Economic Work Conference was held in Beijing [Электронный ресурс] // URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-12/18/c_1126879325.htm (дата обращения: 14.03.2025).

286. The Digital Evolution Index 2017 [Электронный ресурс] // URL: http://files.r-trends.ru/reports/Mastercard_DigitalTrust_PDFPrint_FINAL_AG.pdf (дата обращения: 26.06.2025).

287. The Digital Markets Act: ensuring fair and open digital markets [Электронный ресурс] // URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-markets-act-ensuring-fair-and-open-digital-markets_en (дата обращения: 17.04.2025).

288. The Framework for Global Electronic Commerce. July 1997 [Электронный ресурс] // URL: <https://clintonwhitehouse4.archives.gov/WH/New/Commerce/read.html> (дата обращения: 11.09.2025).

289. The History of Amazon and its Rise to Success [Электронный ресурс] // URL: <https://sites.lsa.umich.edu/mje/2023/05/01/the-history-of-amazon-and-its-rise-to-success/> (дата обращения: 11.09.2025).

290. The NIST Definition of Cloud Computing [Электронный ресурс] // URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/legacy/sp/nistspecialpublication800-145.pdf> (дата обращения: 17.03.2025).

291. User Agreement [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ebay.com/help/policies/member-behaviour-policies/user-agreement?id=4259#2> (дата обращения: 23.03.2025).

292. User Agreements 101: What You Need to Know [Электронный ресурс] // URL: <https://ironcladapp.com/journal/contracts/user-agreements/> (дата обращения: 22.03.2025).

293. Wildberries сменил название сайта на «Ягодки» // URL: <https://www.forbes.ru/biznes/474373-wildberries-smenil-nazvanie-sajta-na-agodki> (дата обращения: 11.09.2025).